

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МЕТАМОРФОЗЫ
ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА:
НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И СЦЕНАРИИ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Материалы
VIII Конвента РАМИ
25–26 апреля 2014 г.
МГИМО–Университет

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

М54

*РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ.
Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru*

М54 **Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / Под ред. А.В. Мальгина. — Издательство «МГИМО–Университет», 2015. — 133 с.

ISBN 978–5–9228–1373–0

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секций VIII Конвента РАМИ, который состоялся 25–26 апреля 2014 года. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978–5–9228–1373–0

© РАМИ, 2015

Оглавление

<i>Н. А. Симония</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ И РОЛЬ РОССИИ В ЕЁ ОБЕСПЕЧЕНИИ.....	5
<i>А. А. Кокошин</i> ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ «ВТОРОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ» XXI В.	9
<i>А. Д. Воскресенский</i> ТРЕНД РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	14
<i>С. П. Глинкина</i> ПЕРВЫЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДАЛЬНЕЙШЕГО УГЛУБЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА	30
<i>Т. А. Алексеева</i> ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ: ВОССОЕДИНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?	44
<i>О. В. Гаман-Голутвина</i> ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИЙ В БРАЗИЛИИ И РОССИИ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЙ	64
<i>М. М. Лебедева</i> ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	84
<i>В. В. Панова</i> «КЛУБНЫЕ» МЕХАНИЗМЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	94
<i>А. В. Шестопал, М. В. Силантьева</i> КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	113
ОБ АВТОРАХ	132

Н. А. Симония

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ И РОЛЬ РОССИИ В ЕЁ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Спасибо большое, я как-то неожиданно оказался первым, из-за того, что выбыл наш Ректор. Я буду говорить об энергетической безопасности ЕС и роли России в обеспечении этой безопасности. Но начну я с более широкого исторического фона. Дело в том, что накануне этого Конвента мы с академиком А. В. Торкуновым ознакомились с присланной ему рукописью итальянского профессора Джузеппе Гуарино (Giuseppe Guarino) «Граждане Европы и кризис евро»¹, и мы сразу поняли, что для более полного и глубокого раскрытия темы острейших проблем и препятствий, с которыми сталкиваются сегодня энергетическая безопасность в европейских странах и их некогда плодотворное и взаимовыгодное энергетическое сотрудничество с Россией, необходимо предварительно, в качестве вступления, кратко ознакомить аудиторию с основными положениями этой рукописи итальянского профессора. Его острые, даже резко критические суждения о кризисе ЕС и евро заслуживают серьезного внимания и потому, что Джузеппе Гуарино не «кабинетный профессор», а эксперт с большим стажем участия в процессе формирования Европейского союза и в свое время был назначен главой европейского отдела Христианско-демократической партии Италии.

Главные тезисы Дж. Гуарино заключаются в том, что брюссельская бюрократия ЕС устроила в конце 90-х коварный и практически иезуитский «путч» посредством незаконного Постановления 1466/97, ампутировавшего демократические основы Маастрихтского договора, на котором должны были базироваться и подлинный Европейский союз, и подлинное (а не фальшивое) евро, а именно: Постановление узурпировало у национальных правительств суверенные властные полномочия на: а) проведение независимой экономической политики и б) на независимое заимствование (займов и кредитов). Узурпировав эти две функции, посредством которых согласно Маастрихту национальные государства должны были достичь одной из главных целей договора — экономического роста и развития, брюссельская бюрократия отменила и предпосылки реальной демократии в рамках структуры Союза. Те-

перь две функции заменялись двумя обязанностями исполнения индивидуальных национальных программ, предписанных Брюсселем, а прописанная в Маастрихте функция союзного бюрократического аппарата по координации национальных экономических политик, реализуемая посредством рекомендаций (не носящих обязательного характера), заменялась фактически ролью надсмотрщика, штрафующего за нарушение предписанной дисциплины. В итоге с января 1999 года (вступление в силу Постановления 1466/97) в еврозоне в течение последующих 15 лет вместо увеличения экономического роста нарастала тенденция рецессии (автор ссылается на убедительную статистику), роста задолженности, в большинстве стран Союза превышающей «потолок» установленный в Маастрихтском договоре. Евро так и не стал общей валютой для всех членов ЕС. Если в 1999 г. не отказались от своей национальной валюты только 2 страны — Великобритания и Испания, то в 2013 г. число членов Союза, сохранивших свою национальную валюту, составило уже 11.

К сожалению, проф. Гуарино оставил вне поля зрения злоупотребления брюссельской бюрократии в сфере жгучих проблем энергетической безопасности Европы. Ведь без энергетики никакого экономического роста в современных условиях не может быть. Эта проблема в последние годы приобрела особую остроту, и не в последнюю очередь из-за авторитарных тенденций, олицетворяемых брюссельской бюрократией.

Характерно, что до возникновения и консолидации социального феномена авторитаризма брюссельской бюрократии энергетическое сотрудничество между европейскими странами и СССР, несмотря на идеологические различия, развивалось успешно в рамках двусторонних отношений и на взаимовыгодной основе. Особенно после того, как в конце 60-х гг. в Западной Сибири были обнаружены и начали осваиваться крупнейшие месторождения природного газа, и на этой основе советское руководство разработало и начало осуществлять в 70-х масштабную газовую программу, которая включала в себя и развитие экспорта газа в Западную Европу². Последнее требовало, в свою очередь, ускоренного строительства магистральных трубопроводов. И тогда возникла идея поистине исторического проекта, «трубы в обмен на газ». Первопроходцем в конце 60-х стала нейтральная Австрия. И это не случайно. Австрия в те времена не участвовала в Европейском экономическом сообществе. Она примкнула к региональной организации

ЕАСТ — Европейской Ассоциации Свободной Торговли, созданной в 1960 г. как раз для конкуренции с ЕЭС. Выгоды от подобного проекта были столь очевидны, что спустя год за Австрией последовала ФРГ. Впрочем, против проекта «газ в обмен на трубы» выступили тогда только Соединенные Штаты. Вашингтон пригрозил всем западным участникам проекта санкциями. Но в те времена брюссельская бюрократия как социально-политический институт, послушно исполняющий инструкции из Вашингтона, еще не сформировался окончательно. А многие лидеры европейских государств больше пеклись о национальных интересах. Это относится даже к ближайшему союзнику США — Великобритании. «Железная леди» Маргарет Тэтчер позвонила президенту Рейгану сообщить о том, что простаивающие металлургические предприятия ее страны остро нуждаются в заказах, связанных с проектами «газ в обмен на трубы».

Так все развивалось в течение нескольких лет, но Брюссель есть Брюссель, он не мог оставаться без работы, и поэтому в 1996 г. он издал директиву по электричеству, а через два года, в 1998 г., — первую газовую директиву. Эта газовая директива была достаточно мягкая. Ведь в реальности не удалось преодолеть неоднородность энергетических балансов у стран ЕС, у некоторых стран был собственный газ, остальные сидели без газа — вся Прибалтика, вся Скандинавия, кроме Норвегии, но она не член ЕС (как я предполагаю, она и не пошла в ЕС, чтобы свободно распоряжаться собственной нефтью). Но через несколько лет, а именно в 2003 г., вышла вторая газовая директива, которая предполагала выработку в ближайшее время единого подхода к газовой политике, стремление к формированию единого газового рынка. Но как можно стремиться к такой цели при отсутствии соответствующей инфраструктуры? А инфраструктура была только в северо-западной части Европы — в Бельгии, Голландии, Дании, где существовала густая сеть газопроводов. В остальной Европе не было ничего.

Когда распался Советский Союз, возникла проблема транзита, и Украина и Белоруссия пытались в то время воспользоваться этим. Европа, подстрекаемая Соединенными Штатами, решила, что теперь «мы Россию прижмем». В ответ на стратегию «Газпрома» строительства газопроводов в обход транзитных стран и начала реализации проекта «Северного потока» Брюссель, всемерно поддерживаемый Вашингтоном, делал все возможное, чтобы воспрепятствовать строительству «Северного потока». Европейские органы — Парламент, Совет, Комис-

сии (которые ужасно разрослись, и сегодня мы видим бюрократического монстра в Европе), заявили, что необходимо разделить функции добычи, транспортировки и доставки непосредственному потребителю. Это и было главное содержание «Третьего энергетического пакета», откровенно направленного против равноправного энергетического сотрудничества с Россией. Более того, они разработали проект «Набукко», который объявили стратегическим. Но где он сейчас? О нем уже никто не вспоминает, так как Брюссель не смог найти источники газа для заполнения этой трубы.

Сегодня Вашингтон, используя кризисную ситуацию на Украине, решился на прямое вмешательство и разыгрывание «украинской карты». В частности, он открыто выступил против газового проекта «Южный поток» «Газпрома», так как с реализацией этого проекта падет последний бастион, блокирующий свободное и взаимовыгодное энергетическое сотрудничество между Россией и Европой. Даже президент Б.Обама включился в эту антироссийскую вакханалию. Недавно он выступил с удивительным заявлением о том, что США уже могут поставить газа больше, чем требуется Европе. Обама опустил до откровенного блефа. Он ведь прекрасно знает, что в ближайшей перспективе у США вообще нет возможности куда бы то ни было экспортировать сжиженный природный газ (СПГ), так как первая линия СПГ войдет в строй в лучшем случае в конце 2015 — начале 2016 г., а вторая линия — и того позже. Причем всё СПГ с этих двух линий уже продано по долгосрочным (20-летним) контрактам. И не факт, что СПГ с последующих линий в 2017–2020 г. будет поставлен именно в Европу. Ведь газовый и нефтяной бизнес в США является частным, и он вряд ли упустит возможность пожить на намного более высоких ценах СПГ на азиатских рынках. Но Обама не беспокоится по поводу очевидной неисполнимости своих обещаний, так как после президентских выборов в США в 2016 г. он уже покинет пост президента.

¹ Основное содержание концепции профессора изложено в эссе «Правда о Европе и евро», опубликованном 21 октября 2013 г. (См.: www.giuseppeguarino.it)

² В 1960 г. в СССР добывалось 45,2 млрд. куб. м газа (в том числе на территории собственно России — 24,4 млрд куб. м), а уже в 1970 г. добыча составила 198 млрд куб. м (83,3) и в 1980 г. — 435,2 млрд куб. м (154). См.: Russian and CIS Gas Markets and their Impact on Europe. Ed. By Simon Pirani. Oxford Institute for Energy Studies, 2009, p. 206.

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ «ВТОРОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ» XXI В.

Дорогие коллеги, я очень рад участвовать в этой очень важной конференции. Я постараюсь выделить основные моменты в развитии системы мировой политики в посткризисный период. Кризис весьма серьезно повлиял не только на мировую экономику и мировые финансы, но и на положение дел в мировой политике, причем не только на процессы, но и на структурные изменения. По-прежнему в системе мировой политики главными акторами являются государства-нации, и наиболее яркий пример этого — такие государства, как Китай, Индия и Соединенные Штаты. Эти страны постоянно демонстрируют огромную роль государства в мировой политике, несмотря на возросшую роль негосударственных акторов. Традиционно основную когорту «действующих» лиц в мировой политике составляло небольшое число государств, которые обладали реальным суверенитетом, — как, например, Франция и Швеция после Тридцатилетней войны. Эти две страны резко усилили свои позиции в европейской политике ко второй половине XVIII в. и, обладая реальным суверенитетом, на деле ограничивали формально суверенные возможности других государств Европы.

В современной мировой политике все государства, которые являются членами ООН, формально обладают суверенитетом. Но де-факто это относится прежде всего к великим державам. Эра двух сверхдержав ушла с распадом Советского Союза, но теперь она возвращается благодаря возвышению Китая. Китай, несмотря на наличие у него многих серьезных проблем, — это реальный кандидат на роль второй сверхдержавы, причем его возможности растут гораздо быстрее, чем многим представляется. В последнем докладе Совета по разведке США признается, что все предыдущие доклады этого Совета принижали возможности Китая по экономическому росту, росту военного могущества и политического влияния.

Кризис 2008–2010 гг., о котором мы говорим сегодня, сильно ударил по экономике и США, и ЕС, но еще больший ущерб он нанес авторитету этих центров силы и их финансовых институтов в международной финансовой системе. Он продемонстрировал высокую степень неустойчивости экономики, а посткризисное развитие почти ничего

не дало с точки зрения устранения тех системных факторов, которые привели к кризису: базовые проблемы финансовой системы США и Европейского Союза остались те же самые. Было сказано много важных слов, введены некоторые новые регуляторы банковской системы, но они не компенсировали ту высокую степень дерегулирования банковской сферы, которая была достигнута после окончания холодной войны и распада биполярной системы. Здесь мы видим достаточно тесную корреляцию между политическими событиями в мире и событиями в финансово-экономической сфере, которая, к сожалению, часто упускается из виду при анализе как проблем мировой экономики, так и мировой политики.

Я не китаист, но Китаем занимаюсь на практике довольно давно. В 1992 г., в бытность свою первым заместителем министра обороны, мне пришлось восстанавливать прерванные на несколько десятилетий связи с КНР в военной и военно-технической сферах. И то военно-техническое сотрудничество, которое мы тогда установили с Китаем, благополучно продолжается и сегодня, хотя уже и в трансформированном виде. Оно наряду с ВТС с Индией, еще одним азиатским гигантом, помогло нам сохранить значительную часть российского оборонно-промышленного комплекса за счет внешних заказов. В то время подавляющая часть нашего политического класса игнорировала потребности обороны и оборонной промышленности, осуществляя чрезмерные сокращения ассигнований на оборонный нужды и проводя в целом ошибочную экономическую политику. Конечно, стратегические ядерные вооружения, а именно такие комплексы, как «Тополь-М», «Ярс», система «Борей», мы создавали за средства российского бюджета. То, что касается многих видов обычных вооружений, тут нам помогло ВТС с Китаем и Индией. Поступления от поставок вооружений в КНР и Индию помогли спасти нашу оборонную промышленность, создать научно-технические заделы под перспективные системы вооружений. Это относится, в частности, к зенитно-ракетным комплексам «С-400» и «С-500», к перспективному авиационному комплексу фронтовой авиации (ПАК ФА) и др.

Взаимодействие с нашими китайскими друзьями, продолжающееся до сих пор, позволяет мне получить из первых рук оценку того, как происходит становление КНР как второй сверхдержавы. В Китае очень высоко оценивали достижения США и некоторых западных стран в области управления корпоративными структурами. То, что случи-

лось с американскими финансовыми институтами в период кризиса 2008–2010 гг., нанесло сильнейший удар по авторитету американского высшего менеджмента, по авторитету финансово-экономической политики США. Накануне кризиса в деловой и политической элите КНР наблюдалось определенное размежевание: были люди, которые считали, что опыт западных стран — это главное, на что нужно опираться; а были те, которые считали, что западные страны не главный свет в окошке, и надо в корпоративном управлении идти собственным путем, осуществляя строительство «социализма с китайской спецификой». Есть основания полагать, что последние заметно усилились в китайском политическом классе, в китайском деловом мире после кризиса 2008–2010 гг.

Сейчас очень интересно наблюдать, какие новые политические кампании в КНР развертывает китайское руководство. Постоянный комитет Политбюро КПК активнее обращается к идеям Мао Цзэдуна, борясь за стиль КПК, за очищение компартии от коррупционеров и выдвигая на авансцену многие ценности, которые под сильным воздействием прагматических соображений — борьбы за рынки, за высокие темпы роста — были отодвинуты на второй-третий план китайской политической жизни.

Так что Китай не просто усилил свои экономические позиции (вы знаете, что в условиях кризиса КНР была одной из немногих стран, которые сохранили достаточно высокие темпы роста; в Китае успешно стимулировали внутренний спрос и осуществили вложения колоссальных средств в развитие промышленности и инфраструктуры), но и произошел сдвиг в политических установках китайского руководства. Нельзя не отметить и позицию Пекина по украинскому кризису, которая фактически означает поддержку России.

Еще необходимо сказать о новом характере взаимодействия между США (все еще остающихся «первой сверхдержавой») и КНР. Особое внимание следует обратить на военную сферу. Китай за последние 10 лет, особенно за последние 5 лет, резко усилил свои военные возможности, которые все в большей мере базируются на развитии собственных науки и техники. Мало кто знает, что Китай последние три года дважды занимал первое место в мировом рейтинге суперкомпьютеров Топ-500. Причем если раньше китайские суперЭВМ создавались на основе американских микропроцессоров, то занявшие первое место китайские суперкомпьютеры в рейтинге, например, 2013 г. используют

в значительных объемах микропроцессоры китайской разработки. Это, безусловно, выдающееся достижение.

Аналогичные процессы происходят в сфере систем вооружений, где Китай в большинстве случаев перешел на собственное производство на основе собственных разработок. Уже на протяжении целого ряда лет КНР не закупает у России крупных партий вооружения.

США остаются бесспорным лидером в глобальной военной мощи, начиная со стратегических ядерных вооружений и военно-морских сил. Господство на море после того, как США победили Японию во Второй мировой войне, принадлежит Соединенным Штатам. Китай бросил вызов этому господству, но не в глобальном масштабе (как это делал СССР, создав океанский военно-морской флот, который очень дорого стоил Советскому Союзу и не был обеспечен должной системой базирования, а селективно и тщательно оценив свои стратегические национальные интересы. Китай добился крупных результатов по усилению в прибрежных акваториях. Если 12–15 лет назад китайцы оценивали мощь американских авианосных ударных групп (АУГ) исключительно высоко — возможности двух или даже одной такой АУГ приравнивались ко всем военно-воздушным силам Китая, то сейчас совершенно другая ситуация. Во-первых, военно-воздушные силы НОАК КНР совершенно другие за счет российских самолетов и производства собственных самолетов (прежде всего по российской лицензии), а во-вторых, китайцы разработали высокоэффективную систему противодействия авианосным ударным группам. И сейчас в районе Тайваня и в других прибрежных акваториях они способны держать американские авианосные ударные группы «на расстоянии вытянутой руки».

Эта ситуация во многом связана с китайскими достижениями в сфере разведки и целеуказания, глобального позиционирования. Китайцы создали целый спектр высокоточных баллистических ракет, способных поражать авианосные ударные группы, и это дополняет возможности китайцев в развитии военно-морских сил. Возникает новая ситуация меньшей степени устойчивости военно-стратегического равновесия в этом регионе. Эффективность применения этих средств зависит от того, кто раньше нанесет упреждающий удар. И американцы предпринимают контрмеры, во многом связанные с тем, чтобы нанести упреждающий удар по китайским средствам поражения авианосных ударных групп.

Если говорить о стратегических ядерных силах, то здесь Китай существенно уступает США и России, но китайцы за последние 12–15 лет сделали рывок в качественном развитии своих стратегических ядерных сил, во многом следуя примеру СССР и Российской Федерации, в развитии подвижных грунтовых ракетных комплексов. Китай жил и все еще живет как бы под сенью глобального стратегического баланса США — Россия.

Но есть признаки того, что в Пекине подумывают о наращивании стратегических ядерных сил как морского, так и сухопутного базирования, о создании собственного стратегического межконтинентального бомбардировщика (до сих пор у них была стратегическая «диада», а не «триада», как в США и Российской Федерации).

Одним из важнейших стимулов для качественного развития и количественного наращивания стратегических ядерных сил Китая является американская ядерная активность в области ПРО. Пекину важно в этой ситуации «не потерять лицо». Для КНР важна, возможно, не реальная боевая эффективность системы ПРО (которая уже во многом не чисто американская, а совместная с Японией и Республикой Корея), а ее виртуальные возможности, политико-психологический эффект, особенно в АТР.

Пекин пока в развитии своих СЯС весьма осторожен. Если значительное наращивание СЯС будет осуществляться, это будет новым этапом в развитии китайской военной мощи, крупным шагом в превращении Китая во «вторую сверхдержаву». А дальше нужно прогнозировать, как эта новая пара сверхдержав будет функционировать в системе мировой политики, когда они станут равновеликими по большому числу параметров, чем это характерно для настоящего времени. И, конечно, необходимо рассматривать воздействие взаимоотношений между этими двумя сверхдержавами исходя из российских интересов.

А. Д. Воскресенский

ТРЕНД РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современная теория международного развития называет четыре главные структурные причины усиления неравномерной значимости национальных государств в системе мировых отношений: глобализация, модернизация, интеграция и регионализация. Неоднородность мирового политико-экономического пространства приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, имеющих собственные формы эволюционирующей внутренней организации, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания и, соответственно, по-разному влияет на региональную структуру, определяя своеобразие региональных подсистем международных отношений в рамках единой международной системы. В конечном счете, именно эти причины и определяют успех моделей развития тех или иных государств, способствуя или препятствуя их подъему или упадку, в конечном счете, определяя характер мировой системы отношений и направление ее развития¹.

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI вв. привели к тому, что современный мир вступил в такой новый этап своей эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны, как это происходило в XIX и XX вв., стали определять не только сами параметры этой эволюции, но и научные рамки ее осмысления. Существовавший до последней четверти XX в. «разрыв» между мировой политикой глобального уровня и внешними политиками государств-наций стал заполняться быстро расширяющимся пространством регионального и макрорегионального / трансрегионального взаимодействия, которое стало постепенно менять сложившиеся параметры глобального взаимодействия, сначала для западных стран, а затем и для восточных².

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, а на первый план выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, наций, народов, стран между собой в процессе

устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным.

Постепенно, по крайней мере, части наиболее продвинутых и парадигмально незашоренных исследователей стало ясно, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном и макрорегиональном уровнях в качестве значимой тенденции мирового развития, экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация и появление феномена макрорегионального и трансрегионального сотрудничества (трансрегионализма) — а именно с этими новыми глобальными тенденциями и связано так же, как и в случае стран Запада на другом временном отрезке его развития, действительное повышение роли стран Востока в мировых процессах — определяют не только экономические, но также политические, социально-культурные и цивилизационные факторы, поскольку в каждом из региональных сегментов существует свой уникальный состав государств с разными типами социального порядка. В связи с этим действительно на конкретном историческом этапе развития вероятен переход мировой системы к реальной полицентричной структуре со сложной конфигурацией взаимодействия Запад — Восток / Север — Юг, основывающейся на усилении политико-экономической интеграции внутри регионов, появлением противоречий, связанных с необходимостью государств с разными типами социального порядка конкурировать и сотрудничать на пространственно сопредельных региональных сегментах, и одновременно развивать трансрегиональное сотрудничество, которое, так же как и формирование наднационального политического пространства, приобретающего постепенно глобальный характер разной степени глубины, является в новых условиях специфической формой глобализации; формированием на этой базе мировых центров (включая новые) разной степени конкурентоспособности и, одновременно, проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными³. В ходе разрешения этих противоречий и происходит дальнейшее развитие мировой системы в рамках эволюции и трансформации мировых порядков вплоть до перехода международной системы в новое над- и транснациональное качество. Такая постановка вопроса подразумевает переосмысление проблемы мирового лидерства и эволюцию и/или трансформацию его характера от военно-экономического к структурно-политическому, включая вариант коллективного трансрегионального лидерства и мирового ре-

гулирования (G-20), аналогичного, но не конгруэнтного ни по форме, ни по содержанию «концерту великих держав» XIX в., поскольку оно основано преимущественно на усилении новой тенденции наднационального и транснационального кооперативного взаимодействия, а не на военном балансировании⁴. Современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов — министерств иностранных дел, признавая необходимость сотрудничества, осознают эти процессы пока в основном только в рамках переосмысленного реализма и неореализма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа, требующего выработки новых способов и методов защиты своих национально-государственных интересов, с проблематикой экономической и политической модернизации, в то время как реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, превращается в превалирующую тенденцию начала XXI в.

Появление реальной полицентричности и усиление регионализации на конкретном историческом этапе может как бы притормозить глобализацию, но это не обязательно означает усиление противоречий внутри мировой системы, чреватых войной, как считают представители теорий реализма, а наоборот может свидетельствовать скорее об ускорении процесса взаимозависимости и гомогенизации внутри макрорегиональных комплексов, за которой последует новый виток трансрегионального сотрудничества и глобализации уже на основе сформированных макрорегиональных и трансрегиональных объединений разной степени конкурентоспособности и разной степени приспособляемости к мировым реалиям. Не понимающие этих мировых тенденций страны и их политические элиты «выпадают» из основного потока мирового развития, вытесняются на периферию или, в соответствии с грамшианской концепцией культурного гегемонизма, подчиняют свое существование более совершенным, более универсальным заимствованным концепциям мирового развития. В рамках концептуального научного, а не нормативно-идеологического объяснения, макрорегиональные комплексы могут выступать в качестве прообразов новых центров полицентричной мировой системы, основанной на преобладании кооперативистских тенденций, трансрегиональные образования

(БРИКС) — способствовать подъему новых мировых центров, т.е. выравниванию мирового пространства путем трансрегиональной кооперации нового типа, а теории регионального уровня, разрабатываемые в разных региональных сегментах мира — существенно дополнить, а возможно, и восполнить существующие сегодня теории международных отношений и мировой политики.

Следует констатировать, что существующая переходная модификация мирового порядка, более современного по своей структуре и типу по сравнению с предшествовавшими ему в XIX и XX вв. Вестфальским, Венским, Версальским и ранним Ялтинско-Потсдамским, породившими в XX в. две мировые войны и распад системы стран Варшавского договора и СССР, оказалась достаточно эластичной. Несмотря на целую серию военно-политических и финансово-экономических кризисов, последняя модификация мирового порядка устояла. Одновременно мировой порядок продолжил свою трансформацию эволюционным путем, в частности, путем политико-экономической модернизации государств, разновекторной и разноскоростной макрорегиональной и трансрегиональной интеграции, включая новые формы «мягкой интеграции» и формирования наднационального политического пространства, регионализации и открытого регионализма, перераспределения влияния между макрорегионами, трансрегионального сотрудничества и поиска новых политико-экономических моделей развития с целью преодоления экономической неоднородности мира, и вызвавшей, в конечном счете, мировой финансово-экономический кризис. Такой путь, при правильном понимании закономерностей мирового развития, позволяет максимально использовать преимущества своей вписанности в мир, извлекать из этого максимум положительного для своей страны и интенсивно развиваться, подобно Китаю на протяжении последних сорока лет реформирования страны в соответствии с курсом Дэн Сяопина. Китаю такая политика принесла максимум выгод, и пока нет никакого основания считать, что слом существующего мирового порядка, а не его эволюционная трансформация принесет России больше самостоятельности и выгод, чем бедствий, сложностей в развитии, возможных военных столкновений и деградации страны.

Эволюционная трансформация мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического

развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, т.е. использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе.

Для стран Востока политический и экономический векторы модернизации сегодня связаны прежде всего с поиском адекватного мировым закономерностям импортированного либо автохтонного социально-экономического и политического развития, модернизирующего их социальные порядки и проходящего этапы, в целом сходные по структурным параметрам, но одновременно различные по временной последовательности и конкретному наполнению по сравнению со странами Запада. Некоторые из стран Востока к тому же активно экспериментируют на пути трансформации социального порядка, но во главу угла ставят прежде всего сохранение политического порядка. Все эти страны заняты поиском пути развития, повышающего уровень политической стабильности и благосостояния своих народов, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией в глобализирующемся мире, повышением авторитета, и, соответственно, места в сохраняющейся неформальной иерархизированной структуре мировой системы де-юре равных суверенных государств, совершенствованием своего внутреннего социального порядка и существующего мирового порядка, их эволюционной трансформацией, а не желанием кардинально переустроить мир, подорвать существующую мировую систему, хотя некоторые радикалистские движения и даже отдельные страны (страны с архаизированными социальными порядками или радикалистски настроенными элитами) пытаются, хотя и безуспешно, предпринять такие попытки. Создав и начав распространять систему институтов открытого социального порядка, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных региональных версий такого порядка. Конкретным историческим развитием макрорегиональных сегментов мира, структурой национального социального порядка и связанными с ним цивилизационными особенностями функционирования экономической системы, типом и особенностями национальных политических систем и режимов, а также спецификой политической культуры на конкретных этапах развития макрорегиональных сегментов и опре-

деляется общий характер конкретного исторического этапа и одновременно вектор мирового развития.

В этом заключается практическая значимость понимания сущности и форм регионализации в современных условиях для будущих политиков, дипломатов и внешнеполитических экспертов, задача которых — уметь адекватно и непредвзято объяснить и спрогнозировать форму протекания мировых и региональных процессов, вовремя скорректировать опасные проявления, найти для своей страны ниши наиболее благоприятного развития, а не способствовать подрыву, невольно или нарочито, существующих моделей мировой стабильности. Практическая же задача политиков и политологов в этой связи объяснить, почему одним странам удалось выйти на путь стабильного экономического и политического развития, а другие не могут выйти из постоянно повторяющихся циклов тупикового военного балансирования и воспроизводства уже существующих, неизменных или мало поддающихся изменению политических и экономических институтов, которые гарантируют периодические потрясения катастрофического типа (системные кризисы) и отставание от равномерно и поступательно развивающихся государств. Такие потрясения регулярно ставят перед дипломатами практическую задачу «восстановления», «повторных нормализаций», периодических «перезагрузок» отношений, которые могут быть более или менее удачными, а могут и не осуществиться вообще, либо ухудшить отношения с конкретными странами.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений — глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и, в связи с этим, конкретное региональное членение мира, являются дискуссионными в мировых общественных науках. Однако от результатов этой дискуссии, в конечном счете, зависит какой мир мы увидим в самом близком будущем.

Когда мир анализировался в категориях биполярного взаимодействия или в категориях взаимодействия двух центров и двух типов периферий, подчиненный характер проблематики региональных и субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся логикой глобальной системной проблематики биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась⁵ и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа:

Если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, соответствующие» тому или иному центру международной системы, а значит нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание мегарегионального и субрегионального уровней взаимодействия? Или мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений? Если ответ на последний вопрос — положительный, то в чем состоит этот принципиально новый характер влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений? Возможна ли обратная трансформация, т.е. возвращение к биполярному миру или же этот этап развития мировой системы окончательно пройден?

Большинство из сформулированных выше вопросов вызывает сегодня оживленную дискуссию, поскольку тенденции макрорегионализации и трансрегионализма в восточном полушарии находятся в стадии становления, и, как они повлияют на мировое развитие, пока окончательно не ясно. Дело в том, что после распада биполярной модели на фоне эволюционирующего мирового порядка кроме и помимо Западной коалиции государств (НАТО и трансатлантическое партнерство ЕС и США) стали возникать новые центры силы и влияния: Китай, Индия, «вернулась» в мировую политику Россия. Явно наблюдается рост влияния этих новых центров силы и «новых великих держав», но при этом их идеология, с точки зрения устройства нового мирового и регионального порядка, т.е. продвигаемые ими картины мира, до сих пор окончательно неясны. Неясен и тип социального порядка, который, в конечном счете, установится в этих государствах, каждое из которых предпринимает более или менее успешные попытки модернизироваться⁶. В зависимости от внешних и внутривнутриполитических факторов эти государства могут сделать акцент как на военном балансировании, чреватом новым этапом мирового военного противостояния, так и на трансграничной кооперации и сотрудничестве в зависимости от того, какая из тенденций станет преобладающей, либо субъективно покажется им преобладающей в мире. Появились и новые поднимающиеся государства (ЮАР и Бразилия), которые своего видения переустройства старого и форматирования нового международного порядка возможно и не имеют, но являются важными новыми нарождающимися центрами влияния с точки зре-

ния поддержки правил переформатирования старой и формирования новой модели мирового взаимодействия. Были зафиксированы и стали формироваться варианты новой модели региональной конфигурации политико-экономического пространства и новые конфигурации мирового регулирования, которые пока не получили окончательного оформления. На этом фоне в США началась острейшая политическая дискуссия о месте США в мире, политике США в отношении Китая, России, АТР, Ближнего Востока, а мировое пространство разделилось на макрорегиональные сегменты и региональные подсистемы с конкурирующими региональными моделями⁷.

В общественных науках существуют разные конкретные подходы к международным отношениям как системе, из которых наиболее известными являются:

- *традиционно-исторический*, в соответствии с которым международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период,
- *историко-социологический* с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений,
- *структурно-исторический* (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях исторически предопределенной структуры),
- *мирополитический* (выделяются различные исторические типы региональных и мировых систем и исторические типы структурно различных мировых порядков),
- *эмпирико-региональный* или, в другой терминологии, *социоэкономический* (определенные географические регионы, как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и др. отношений),
- *структурно-дипломатический* (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической дипломатической деятельности),
- *реалистский* (различные модели баланса сил или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя-пятью участниками, а также определенными правилами, по которым «играют» эти участники),

- *идеалистский* или *структурно-кооперационный* (различные модели функционирования, взаимодействия и интеграции региональных подсистем, выделяемых на основе комплексного структурного анализа регионального среза международных отношений и макро-регионального уровня мировой политики).

Общее и/или наиболее важное во всех этих подходах является выделение общей (глобальной) системы международных отношений, т. е. некоей самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще, но и одновременно определение рациональных принципов разделения ее на определенные «подсистемные» сегменты, «укорененные» в пространственно-региональной структуре мировых связей.

В 1990-е гг. некоторые теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений, т. е. был поставлен вопрос о том, что ряд международных взаимодействий, помимо взаимодействий глобального уровня, обладает определенной автономией, нуждающейся в объяснениях концептуализированного характера. Было обращено внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего пространственно-временной, пространственно-географической, территориально-экономической, культурно-цивилизационной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы, т. е. подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т. е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая, структурно-политическая и культурно-цивилизационная, т. е. пространственная и временная (в широком смысле) принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

- в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;
- глобальная повестка дня переформируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах и соответствующих им региональных комплексах;
- региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные гло-

- бальным; региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;
- иерархия глобальных проблем и угроз разная в различных региональных подсистемах;
 - различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;
 - относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, «достройке» общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);
 - относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений / мировой политики и политологии (мировое / зарубежное сравнительное / комплексное регионоведение, региональная политология, политическая регионалистика, политическая география, геополитика), в которых категория пространства-времени становится центральной или играет стержневую роль.
 - последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые, в конечном счете, определяют конфигурацию нового регионального порядка второй четверти XXI в.
 - сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав незападного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока,

«реинтерпретация» основ западной цивилизации, последствия перераспределения влияния между регионами мира, вероятность появления незападного мирового порядка и западной теории объяснения этого порядка, роли исламского, китайского, индийского факторов в мировой политике, роли стран БРИКС и т.д.)

- неверный или неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального и регионального уровней отношений, их взаимовлияний, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике, конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов, приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию «неудавшихся», «оставших», стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более затруднительным и все менее и менее успешным.

Ясно, что категория пространства-времени не перестает влиять на международно- и внутривнутриполитические явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практически востребованную проблематику, которой необходимо заниматься специалистам-практикам по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Трансрегионализм, макрорегионализация и дифференциация пространства являются реальными феноменами, а значит, анализ пространственного и временного измерений может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических, исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, можно определять глобализацию не только в философско-социологическом смысле как новую степень дистанциации пространства-времени, но и в международно-практическом: как возникновение новой, постоянно осовремениваемой мировой системы социальных и экономических институтов, включающей распространения современных, более эффективных социальных институтов, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации обра-

зования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации — поиска региональных форм приспособляемости к глобальным процессам, и побочных процессов — фрагментации — «выпадения» из единого мирового пространства «неупевающих» за глобализацией даже в ее регионально смягченных формах. При таком понимании глобализации регионализация предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и / или географически. Т.е. регионализация может выступать как способ дефрагментации мирового пространства.

Понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм», «трансрегионализм» или «миниглобализация») выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных, точнее — в макрорегиональных, рамках⁸.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга и в то же время могут быть в определенной степени противостоящими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран или групп стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. Однако уже в среднесрочной перспективе это противопоставление не представляется таким очевидным.

Дело в том, что понятие 'территория' в современном мире уступает понятию 'пространства', т.е. территория является только одним из видов пространств⁹. Конечно, физико-географический размер государства (его территория), т. е. физико-географическая ипостась пространственного фактора, продолжает играть значение с точки зрения

формального и неформального «веса» государств в международной системе, так как у «большой страны» — большой по размерам рынок и недостаток экспорта всегда может быть компенсирован внутренним рынком, но регионализация и формирование глобальных регионов экономического взаимодействия в сегодняшних условиях могут успешно компенсировать «недостаток» территории. Территория была всегда важна с военной точки зрения, так как в пространствах и природных препятствиях «вязли» войска противника (Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война), но современные средства вооружения нивелировали это преимущество. Страна с большой территорией и населением теоретически должна обладать большей концентрацией талантов, изобилием факторов производства и природных ископаемых, но в современной экономике фактор глобальной миграции, образовательной кооперации и инновационного развития не менее, если не более важен. Большая страна, имеющая априори большой внутренний рынок может легко принять большие финансовые потоки извне (прямые и портфельные инвестиции и др.), но и здесь возникли новые финансовые явления и инструменты, которые позволяют компенсировать «недостаток» территории, а «размер» страны скорее препятствует, чем способствует освоению пространства. Таким образом, в сегодняшней мировой экономике простое физико-географическое приращение территории, как это было совсем недавно, не всегда решает вопросы развития, трансрегиональная торговля позволяет богатеть без «классического» приращения территории приращением экономического пространства и экономической интеграцией, а размер экономики может достаточно легко компенсировать «недостаток» территории.

В современных условиях развитая страна уже не может продолжать оставаться великой только путем экстенсивного экономического роста, развитой (индустриализированной и модернизированной) страна становится только один раз и дальнейшее развитие повторять бесконечно простым количественным приростом экономики бесполезно¹⁰. Новый мировой тренд регионализации и появление новых высокоинтегрированных акторов мировой политики — глобальных регионов, позволяет «накладывать» пространства разного типа (экономические, политические, культурные, исторические, пространства безопасности), создавая новую конфигурацию «многослойного», взаимопересекающегося и взаимонакладывающегося мирового пространства. Вызываемый глобализацией и регионализацией эффект «наложения пространств»,

делокализации производства, формирования глобальных производственных цепочек дает возможность осуществления широкомасштабного производства постиндустриального типа и, в частности, позволяет переосмыслить возможности и значение Русского мира для Российского государства, в частности, с точки зрения выбора модели развития и защиты своих и его интересов.

Вышеизложенное позволяет сформулировать сущность нового этапа развития мира, который мы переживаем. Этот новый этап предполагает, что:

1. Отнюдь не исключительно западные страны стали определять не только сами параметры социально-политической эволюции, но и научные рамки ее осмысления. В этом осмысление пространственно-временной фактор продолжает играть свою роль, но его сущность, характер и перспективы трансформируются. Соответственно этому не исчезает, а трансформируется в новое качество понятие суверенитета.

2. Основное внимание теперь фокусируется на понимании структуры и динамики мировой экономики и политики с точки зрения всей системы (включая азиатскую подсистему), а не только ее западной (США и Европа) части. Соответственно, все более весомыми становятся голоса тех, кто настаивает на включении «незападной проблематики» в политический и политико-экономический анализ международных отношений. Одним из факторов новой взаимосвязанности мира становится появление глобальных регионов развития и эффект «наложения пространств». Однако такая постановка вопроса требует повышения внимания к вопросам глобального управления экономическими и политическими процессами и качества понимания этих процессов.

3. Методологически корректный политико-экономический анализ показывает, что существуют мировые регионы с разным уровнем конкурентности. Т.е. существуют более конкурентные и менее конкурентные общественно-политические системы, менее конкурентные из которых обречены на отставание в исторической перспективе, даже если население этих стран периодически (циклически) насильственно «подстегивается» правящей элитой; в разных системах разные институты могут выполнять схожие функции; в разных системах схожие институты могут / будут выполнять разные функции. Если оттолкнуться от этих методологически корректных положений, можно прийти к интересным практическим выводам, имеющим далеко идущие практические политические последствия в зависимости от способности или неспособности

различных сегментов политических элит конкретных стран и регионов понять эти закономерности. В частности, такая методологическая постановка вопроса предполагает (или как минимум не исключает) того, что к построению свободного, демократического, эффективного и экономически процветающего общества можно прийти путем, уникальным (специфичным) для данной социально-политической системы, но на основе понимания общих моделей трансформации, учитывающих структурную специфику данной конкретной системы, в частности, специфику региональных культурно-исторических параметров и автохтонных культурных / исторических / конфессиональных установок. Однако в каждом конкретном случае проявление национальной специфики в организации политической жизни потребует объяснять и доказывать всем и особенно странам, которые уже построили общепризнанную высококонкурентную систему демократического правления, что данная политическая система соответствует общепринятым научным представлениям о демократическом правлении и их практическому воплощению, поскольку в этом вопросе простой констатации этого факта какой-то частью национальной политической элиты будет недостаточно. Построение такой системы изолированно в сегодняшнем мире, судя по всему, просто невозможно. Демократическое правление, основанное на системе открытого и равного социально-политического доступа при поддержании политического порядка, в исторической перспективе более конкурентно и универсально, поскольку основано на открытом и равном доступе представителей всех политических, этнических и конфессиональных течений к управлению, и в этом смысле является общей закономерностью, а не ее частным (региональным) воплощением. Таким образом, задача совершенствования национальной формы государственности может быть сформулирована как необходимость нахождения такого соотношения общих закономерностей и специфики, которая позволяет не терять, а развивать национальное демократическое правление в его специфических культурно-исторических формах, соответствующих по своему содержанию общим закономерностям. В противном случае будет происходить попятное движение общества, его политической, а затем и экономической системы. Задача же внешней политики в этой связи — изыскивать все возможности для внешней конструктивной поддержки этих внутренних процессов и усилении взаимосвязанности, что нацеливает мир не на биполярные военные противостояния или балансирования реалистского толка, а на

усиление взаимосвязанности и формирование глобальных регионов развития, как отражение нового этапа развития мирового сообщества и международной системы отношений.

¹ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, Инфра-М, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр, Инфра-М, 2014.

² Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Пerratон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура: пер. с англ. М.: Праксис, 2004.

³ Субботин А. К. Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. М.: Либроком, 2012; Кудров В. М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011.

⁴ См., например: Ван Идanh, Юань Чжэнцин (ред.). Чжунго Гоцзи гуаньси яньцзю (Изучение международных отношений в Китае.) 1995–2005. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006; Ши Иньхун. Эрши шицзици шицзе чжэнчжиды цзибэньсинчжи хэ Чжунгоды инью чжаньлюэ (Основной характер мировой политики в 21 веке и императивная стратегия Китая). Пекин: Чжунго жэньминь чубаньшэ, 2006; Чжунго сюэчжэ кань шицзе (Китайские ученые смотрят на мир) / под ред. Ван Цзисы. Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2007

⁵ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Пerratон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура: пер. с англ. М.: Праксис, 2004; Morris I. Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010; Fergusson N. Civilization: The West and the Rest. N. Y.: Penguin Press, 2011.

⁶ Норт Д., Уоллис У., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара, 2011; см. также Inglehart, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997; Fukuyama, F. The Origins of Political Order. L.: Profile Books, 2012.

⁷ Pfiffner J. The Modern Presidency. Wadsworth: Cengage Learning, 2011, pp. 88–93.

⁸ Buzan B., Woever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 30–36.

⁹ Аргументация подробно развернута в кн.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, Инфра-М, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр, Инфра-М, 2014.

¹⁰ Anderson Ch. Makers. The New Industrial Revolution. N. Y. Random House Business Books, 2012

ПЕРВЫЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДАЛЬНЕЙШЕГО УГЛУБЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в 2010 г., запуск в 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП) трех стран и принципиальные договоренности о формировании к 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обозначили главный тренд постсоветского интеграционного процесса. По истечении четырех лет реализации проекта на стадии доработки основных положений Договора о ЕАЭС целесообразно проанализировать проявившиеся эффекты интеграции и риски на пути ее дальнейшего углубления.

* * *

Внешнеторговые эффекты функционирования Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана (ТС) — первый интеграционный проект в истории новых независимых государств, вышедший за рамки либерализации взаимного товарного обмена и демонстрирующий относительно успешное функционирование наднациональной системы регулирования внешней торговли. Проект с самого начала предполагал сочетание «негативной» и «позитивной» интеграции — последовательное восхождение по «интеграционной лестнице» при условии конструктивного согласования экономической политики.

Формирование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана осуществлялось на фоне кардинальных изменений в мировой экономике и политико-экономической конфигурации постсоветского пространства. Мировой экономический кризис, слабая эффективность попыток «одионого» вхождения в систему мирохозяйственных связей заставили правящие элиты России, Белоруссии и Казахстана по-новому взглянуть на возможности совместного экономического развития в целях усиления позиций в новой конфигурации мировой экономики. Важную роль сыграло осознание роли внутрирегиональных рынков

сбыта готовой продукции в условиях низкой конкурентоспособности отечественных товаров на мировых рынках. Предпосылками к активизации интеграционных проектов стали — общность задач модернизации экономики, сохраняющаяся существенная взаимосвязанность народных хозяйств трех стран. Наметившееся понимание крайней необходимости создания интегрированного международного субъекта экономического влияния (хотя бы регионального масштаба) явилось едва ли не важнейшим фактором относительной успешности проекта Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, подтолкнувшим страны к взаимным уступкам на пути интеграционного строительства.

Если оценивать эффективность работы Таможенного союза по объему товарооборота между странами, то начало его функционирования было многообещающим. За первый полноценный год работы (2011 г.) взаимная торговля между странами ТС выросла более чем на треть (прирост составил 33,9%), даже немного обогнав показатели динамики торговли с третьими странами. В 2012 г. рост оказался уже не таким впечатляющим, но он более чем в два раза превысил темпы роста торговли с третьими странами (соответственно, 8,7% и 3,2%). Закрепить положительную динамику развития в 2013 г. не удалось. По данным ЕЭК, уже в первом полугодии объем взаимной торговли между странами ТС сократился на 6,4%, тогда как объем торговли с третьими странами снизился всего на 1,8%¹.

Эффекты создания Таможенного союза во внешней и взаимной торговле трех стран асинхронны и различаются по масштабам. В первый год функционирования Таможенного союза положительное воздействие интеграционного процесса отчетливо проявилось преимущественно во внешней торговле Белоруссии. Темпы роста экспорта Белоруссии в Россию, Казахстан и, в целом, страны Таможенного союза в 2010 г. существенно превысили аналогичные показатели для торговли с третьими странами. Экспорт в Россию возрос на 48,2%, в Казахстан — на 48,3% при темпе роста общих объемов экспорта в 118,7%. Одновременно рекордно (в 2010 г в 5,4 раза) возрос импорт Белоруссии из Казахстана².

Эффекты во внешней торговле Белоруссии были обусловлены воздействием, главным образом, двух факторов — спецификой поставок углеводородного сырья и некоторой активизацией экспорта на рынки России и Казахстана белорусской готовой продукции, в частности, продовольствия, машин и оборудования.

Значение внешнеторговых эффектов существования ТС для России и Казахстана имело значительно меньший масштаб, чем для Белоруссии. Экспорт России в страны Таможенного союза начал показывать лучшую динамику, чем экспорт в третьи страны только в 2011 г., преимущественно под воздействием роста поставок минерального сырья в Белоруссию. В 2011–2012 гг. экспорт в государства ТС-ЕЭП рос опережающими темпами по сравнению с поставками в дальнее зарубежье, однако разница в темпах роста не была достаточно значимой для того, чтобы подтвердить наличие эффекта «создания торговли». При этом, однако, важной характеристикой торгового взаимодействия России с партнерами по Таможенному союзу явилось превышение темпов роста импорта из стран ТС над аналогичным показателем для импорта из третьих стран, а также над темпами роста российского экспорта. Данное обстоятельство указывает на то, что Белоруссия и Казахстан смогли в большей мере, чем Россия, реализовать преимущества, полученные при формировании интеграционного объединения.

В Казахстане эффекты создания Таможенного союза во внешней и взаимной торговле оказались неоднозначными и в большей степени затронули торговое взаимодействие с Россией. За период функционирования ТС-ЕЭП торговля Казахстана так и не продемонстрировала наличие устойчивого тренда превышения темпов роста показателей взаимной торговли со странами ТС над показателями для третьих стран.

Кардинальных изменений в структуре торговли в рамках ТС не произошло. И хотя вплоть до 2013 г. темпы роста взаимных поставок по статье «Машины и оборудование» существенно превышали темпы роста общего объема взаимной торговли (в максимальной степени данный эффект проявился в 2011 г., когда экспорт машин и оборудования в страны Таможенного союза из Белоруссии возрос в 1,9 раза, из Казахстана — в 1,5 раза, из России — в 1,4 раза), с первого полугодия 2013 г. динамика стала снижаться, продемонстрировав по итогам года абсолютное падение взаимной торговли по данной товарной группе. Среди заметных изменений структуры за годы функционирования ТС — увеличение во внутрирегиональном товарообороте удельного веса продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. После резкого повышения удельного веса минеральных продуктов в структуре экспорта в 2011 г. происходит постепенное падение значения данной товарной группы в структуре взаимной торговли.

При этом динамика товарных структур экспорта России, Белоруссии и Казахстана в страны Таможенного союза демонстрирует процесс активной эволюции отраслевой специализации. Так, например, в экспорте Белоруссии происходит увеличение удельного веса продовольственных товаров и минеральных продуктов за счет сокращения доли машин и оборудования. Возрастает значение продовольствия и в экспорте Казахстана³, в товарной структуре которого падает доля минеральных продуктов, металлов и изделий из них. Наибольшую устойчивость продемонстрировала товарная структура экспорта России, значимые изменения в которой связаны практически исключительно с динамикой поставок минеральных продуктов.

Как показывает статистика, к началу 2013 г. потенциал опережающего роста взаимной торговли в рамках ТС-ЕЭП оказался по существу исчерпанным. В 2013 г. объем взаимной торговли в годовом исчислении сократился на 5,5%, а будучи очищенным от топливно-энергетических товаров вырос на 0,3%, то есть фактически остался на прежнем уровне⁴.

На отсутствие значимых долгосрочных внешнеторговых эффектов указывает и динамика географической структуры торговли России, Белоруссии и Казахстана. Так, географическая структура экспорта России в ходе функционирования ТС-ЕЭП не претерпела практически никаких изменений, в то время как структура экспорта Белоруссии колебалась под воздействием динамики поставок нефтепродуктов в страны дальнего зарубежья, а в экспорте и импорте Казахстана вообще наблюдается незначительное снижение удельного веса России и Белоруссии. По существу, единственным интеграционным эффектом применительно к эволюции географической структуры торговли стран-членов ТС-ЕЭП является незначительное увеличение удельного веса Белоруссии в импорте России (с 4,3% в 2010 г. до 5,5% в 2013 г.) и России в импорте Белоруссии (с 52,3% до 53,8%, соответственно).

Таким образом, развитие торгово-экономического взаимодействия России, Белоруссии и Казахстана в условиях создания Таможенного союза и Единого экономического пространства демонстрирует достаточно противоречивые тенденции. В основе ухудшения динамики взаимной торговли лежат фундаментальные факторы и, прежде всего, исчерпание так называемых среднесрочных эффектов интеграции, которые наблюдаются непосредственно после формирования интеграционной группировки и приводят к выходу объемов взаимной торговли на новый уровень, однако не меняют качественные характеристики

ее роста в долгосрочной перспективе. Как известно, действие среднесрочных эффектов основано на преимуществах доступа на рынки партнеров, емкость которых задана экзогенно, в то время как долгосрочные эффекты обусловлены повышением емкости объединенного рынка за счет изменения структуры экономики в ходе интеграционного процесса. Таким образом, по мере насыщения рынка Таможенного союза товарами, произведенными в странах-партнерах, первоначально весьма высокие темпы роста начинают показывать тенденцию к снижению. В подобной ситуации ухудшение динамики взаимного обмена России, Белоруссии и Казахстана по итогам 2012 г. (с учетом эффекта высокой базы 2011 г.), а также в 2013 г. можно считать закономерным.

Интеграция и модернизация

Мировой опыт свидетельствует, что формирование региональных торгово-экономических блоков автоматически не обеспечивает ни устойчивых темпов развития стран-участниц, ни прогрессивных изменений в их экономике, ни быстрого наращивания объемов взаимной торговли. Для реализации интеграционных целей необходимы крупные инвестиции, новые технологии и согласованные программы модернизации. Раскрытие интеграционного потенциала возможно только в контексте сращивания национальных экономик на микроуровне, на основе развития разветвленной системы прямых связей субъектов бизнеса, включающей процессы внутриотраслевой производственной кооперации. Успех интеграции требует диверсификации экономики и сокращения сырьевой зависимости. Потенциал же инвестиционного сотрудничества в рамках ТС/ЕЭП пока реализуется слабо. Начавшаяся в странах ТС/ЕЭП модернизация пока слабо связана с активизацией евразийских интеграционных процессов, поскольку основана на технологических заимствованиях из третьих стран и нацелена главным образом на импортозамещение. Складывается довольно абсурдная ситуация, когда существование Таможенного союза создает льготные условия для стран-участниц, которые обмениваются между собой либо сырьевыми товарами, либо продукцией, созданной на основе технологий третьих стран.

Пока в программных документах стран ЕЭП не обозначена необходимость перехода к инновационной экономике как цели развития общего интеграционного пространства. Отсутствует концепция такого пространства, объединяющая научную сферу, образование и иннова-

ции стран ЕЭП, в которой были бы обозначены: сроки, этапы модернизации; предполагаемая структура экономики; источники инвестирования инноваций⁵. Модель догоняющего развития это допускает. Однако лишь в определенных пределах.

Приток зарубежных технологий ускоряет модернизацию соответствующих отраслей, но объективно затрудняет координацию технологического обновления экономики в странах Содружества и производственную кооперацию, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся вне интеграционной группировки. Это может затруднить формирование Евразийского Союза, повысить риски ослабления стимулов у стран к взаимной интеграции⁶. Широкие заимствования технологий из третьих стран, по нашему мнению, должны сочетаться с восстановлением собственной технологической основы интеграции, хотя бы в отдельных секторах производства.

Инновационную экономику в ТС/ЕЭП нужно строить как на уровне стран и их регионов, так и посредством совместных секторальных проектов. Странам-участницам интеграционных проектов следует уделить особое внимание согласованию или совмещению национальных приоритетов в научно-технической сфере, а также формированию общими усилиями «технологических коридоров», в рамках которых глобальная конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики будет достигаться преимущественно за счет технологий, разработанных в этих странах. Для решения этих задач необходимо: 1) разработать межгосударственные целевые программы инновационного развития и определить порядок их финансирования; 2) внедрять на двусторонней и многосторонней основе институциональные и финансовые механизмы поддержки и реализации научных исследований и инновационных проектов, формирования трансграничных инновационных цепочек, позволяющих реализовывать принцип добавленных инноваций, когда инновации, созданные в какой-либо стране интеграционного объединения, дополняются и совершенствуются в других странах данного объединения; 3) улучшить условия для инновационного бизнеса, обеспечить защиту интеллектуальной собственности малых и средних предприятий, ускорить принятие взаимосвязанных технических стандартов; 4) создавать нормативно-правовую базу, регулиующую распределение доходов и межгосударственной собственности в виде материальных и нематериальных активов, полученных в ходе реализации совместных инновационных и инвестиционных проектов

выполненных в рамках как многосторонних, так и двусторонних программ сотрудничества.

В этом случае возникают предпосылки для согласованной модернизации (т.е. скоординированной по целям, приоритетам и механизмам реализации) экономики стран ТС/ЕЭП при значительной доле в ней креативной составляющей, то есть осуществляемой на основе разработанных и внедренных в стране или группе интегрирующихся стран технологических, продуктовых и институциональных нововведений, получивших международное признание и приносящих (им) определенный рентный доход.

Ведущую роль в проведении согласованной модернизации призвана сыграть Россия как страна, располагающая наиболее крупной экономикой и инновационной сферой. В программах модернизации экономики России в полной мере должны учитываться возможности и интересы стран-партнеров по постсоветским объединениям.

Пока же многие отраслевые и региональные программы России сверстаны без учета потребностей (интересов) партнеров по ТС, без учета Таможенного союза как фактора развития России. Продолжается курс на импортозамещение в отношении продукции, которая в течение многих лет успешно поставлялась нашими партнерами на российский рынок; недостаточно развиваются коммуникации, дающие выход Казахстану на европейские рынки, и т.п. Важнейшей совместной программой инвестиционного сотрудничества стран ТС/ЕЭП могла бы стать стратегия освоения и подъема российской Сибири и Дальнего Востока.

Идея согласованной модернизации при лидерстве России в полной мере может осуществляться в рамках ЕЭП и могла бы быть привлекательной для многих других постсоветских стран, поскольку в рамках такой стратегии удастся, на наш взгляд, решить проблемы, которые ранее не могли решаться в ходе их двустороннего и многостороннего сотрудничества. Речь идет: 1) о возможности организовать процесс расширенного воспроизводства преимущественно на базе собственных ресурсов и внутреннего спроса при одновременном расширении взаимодействия с внешним миром и повышении конкурентоспособности всего региона; 2) о решении стратегической задачи преодоления общими усилиями периферийного характера экономики евразийского региона и устранении в нем чрезмерной экономической и социальной асимметрии, об оказании адресной помощи менее развитым уча-

стникам и обязательствах последних по участию в общих проектах; 3) о формировании системы перераспределения выгод (компенсации потерь) от интеграционных проектов.

Модернизация и интеграция должны стать взаимно усиливающими друг друга процессами.

Соперничество интеграционных проектов

Важнейшая проблема на пути практической реализации разработанной стратегии евразийской региональной интеграции и формирования Евразийского союза (ЕАС) — это конкуренция России за влияние на постсоветском пространстве с другими крупными мировыми игроками — США, ЕС, Китаем. Последние прилагают немалые усилия для реализации в данном регионе мира собственных геополитических и геоэкономических интересов, предлагая соседям России такие проекты международного сотрудничества, которые минимизируют унаследованные ими связи с Российской Федерацией, и всё теснее «привязывают» к иным центрам силы, как экономическими, так и политическими методами. Конкуренты России в последние годы начали буквально «растаскивать» постсоветское пространство, всячески препятствуя реинтеграции новых независимых государств (ННГ) с Россией.

Появилось немало альтернативных проектов интеграции ННГ в мировую экономику, из которых заведомо исключается Россия. Альтернативу существующим региональным объединениям с участием России, Китая и Ирана в центрально-азиатском субрегионе СНГ предложили США. Речь идет о создании в результате объединения Центральной и Южной Азии нового мегарегиона, сплоченного на основе углубления экономических, энергетических и транспортно-коммуникационных связей между странами Центральной Азии, с одной стороны, и Афганистаном, Пакистаном и Индией — с другой.

Соединенные Штаты Америки никогда не скрывали своего неприятия любых проектов интеграции даже с участием ограниченного числа государств постсоветского пространства, что проявилось и в связи с созданием Россией, Казахстаном и Белоруссией ТС/ЕЭП и перспективой формирования ЕАЭС. Об этом, в частности, недвусмысленно заявила бывший Госсекретарь США Хилари Клинтон незадолго до своей отставки и всего за несколько часов до встречи с главой российского МИД С.Лавровым 6 декабря 2012 г. на пресс-конферен-

ции в Дублине. «Сейчас предпринимаются шаги по ресоветизации региона, — сказала она. — Называться это будет иначе — Таможенным союзом, Евразийским Союзом и так далее. Но не будем обманываться. Мы знаем, какова цель этого и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это. Тревожит, что, спустя 20 лет после постсоветской эпохи...исчезают многие из показателей прогресса, на которые мы надеялись...Мы пытаемся бороться, но это очень сложно»⁷.

Эксперт Heritage Foundation Ариэль Коэн в связи с перспективой создания ЕАЭС откровенно высказывает опасения по поводу того, что «новая авторитарная сфера влияния России» может еще больше ограничить доступ США и НАТО к морским и сухопутным путям в регионе, а «это не то, чего хотят США и НАТО»⁸.

Один из инструментов внешней политики США в регионе Центральной Азии — Стратегия Нового шелкового пути (СНШП), представленная мировому сообществу в июле 2011 г. СНШП включает в себя продвижение торговых связей, транспортный коридор по маршруту Центральная Азия — Афганистан — Южная Азия; запуск газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ); энергопоставки из стран Центральной Азии в Афганистан и Южную Азию (проект CASA-1000) и др. Стратегия реализуется через страны региона с использованием региональных экономических механизмов и программ сотрудничества при поддержке международных организаций.

Набирающий экономическую мощь Китай конкурирует с Россией уже не только в Центральной Азии, но и в европейских странах СНГ, успешно отлаживая в посткризисный период формы и механизмы взаимодействия с ними. Его цель — экономическая экспансия на внутренние рынки стран СНГ, использование сближения государств Евровостока с Евросоюзом для выхода на рынки объединенной Европы и установления контроля над важными сырьевыми ресурсами.

Китай действует точно, тщательно изучая ситуацию в каждой из стран постсоветского пространства. Так, Казахстан представляет для Китая интерес в качестве «ворот» в Центральную Азию, через которые проходят основные транспортные и энергетические коридоры. Страна интересна как богатый источник природных ресурсов, необходимых для быстро развивающейся экономики Китая. Одновременно Казахстан — выгодный рынок сбыта китайской продукции, позволяющий продвигать товары на все пространство ТС/ЕЭП и далее в Европу.

Приоритетное направление китайско-казахстанского сотрудничества — нефтегазовая сфера. Основные приобретения в нефтегазовом секторе Казахстана китайские корпорации совершили во время экономического кризиса. К началу 2011 г. китайским инвесторам уже принадлежали активы 22 из 79 нефтедобывающих компаний Казахстана, что позволило нарастить долю КНР в казахстанской нефтедобыче до 22,5% (третье место после собственно казахстанских инвесторов (28%) и США (24%)). При этом доля России в нефтедобыче Казахстана составляет лишь 9%⁹.

Главным фактором, обеспечившим китайскому бизнесу преимущество в конкурентной борьбе с западными и российскими игроками за нефтегазовые ресурсы республики, явилась многомиллиардная кредитная линия, открытая Астане Пекином в разгар мирового финансово-экономического кризиса в условиях падения мировых цен на энергоносители, когда Казахстан испытывал острую потребность в ликвидности. Размер кредита составил 10 млрд. долл.¹⁰

Второе крупное направление китайской экономической политики в Казахстане — осуществление крупномасштабных инфраструктурных проектов, необходимых для транспортировки сырья в Китай и стимулирования торговых связей между двумя странами. Магистральный нефтепровод Атасу — Алашанькоу, протяженностью 962 км, построенный в 2008 г., позволил соединить Китай со старыми нефтяными месторождениями центрального Казахстана, а трубопровод Кенкияк — Кумколь длиной 794 км, пущенный в строй в 2010 г., открыл Китаю доступ к перспективным западноказахстанским запасам шельфа¹¹. Перспективной стратегической сверхзадачей для Пекина может стать продолжение казахстанско-китайского континентального нефтепровода до Ирана, что потенциально обеспечит Поднебесную инфраструктурой доступа сразу к двум крупнейшим нефтегазовым районам мира — каспийскому и персидскому. В планах у китайской стороны также создание трансконтинентального автомобильного коридора «Западный Китай — западная Европа», проходящего по территории Казахстана, России и Белоруссии, который позволит существенно ускорить доставку китайских товаров в страны ЕС, осуществляемые сегодня преимущественно морским путем.

Беря на себя роль мировой промышленной фабрики, Китай, по сути, не оставляет Казахстану шансов на развитие сколько-нибудь значимого обрабатывающего сектора. Даже в случае товаров ширпотреба

невысокого качества, китайские товары создают серьёзную конкуренцию отечественному производителю.

В поле пристального внимания Китая и такие кандидаты на присоединение к ТС/ЕЭП, как Киргизия и Таджикистан.

В сентябре 2013 г. Китай озвучил свою стратегию развития открытого регионализма на евразийском континенте. В ее основе реализация проекта «Экономического пояса Шелкового пути», который должен объединить Китай, страны Центральной Азии, Кавказ и Евросоюз. С учетом же предложенного китайским руководством странам АСЕАН проекта «Морского шелкового пути» в новое глобальное интеграционное пространство должны войти и страны Юго-Восточной Азии. В перспективе на евразийском континенте может быть создана свободная экономическая зона с 3 миллиардами потребителей, мощным экономическим и финансовым центром (Китай), отсутствием у стран-участниц жестких обязательств, налагаемых обычно формальным интеграционным объединением на своих членов. Проект обещает быстрое развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, связывающей западные районы Китая с Центральной Азией, Кавказом и ЕС. Интеграционная стратегия Китая может стать реальным конкурентом евразийского интеграционного проекта с участием России.

Главный соперник нашей страны в восточно-европейском и южно-кавказском субрегионах СНГ — Евросоюз, реализующий проект «Восточное партнерство» (ВП), начатый совместно ЕС и США в 2009 г. Проект ВП развивает прежнюю европейскую политику соседства применительно к странам СНГ (Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан), но на гораздо более прочной юридической основе (три вида обязательных международных соглашений). ВП предусматривает формирование многостороннего формата взаимодействия между странами-участницами и с расширенным ЕС-28. Заявлено о создании «экономического сообщества соседей ЕС», в котором не участвует Россия, и о тесной «политической ассоциации» стран ВП с Евросоюзом, что подразумевает их движение в фарватере внешней политики ЕС и США.

Анализ программы «Восточное партнерство», предложенной Евросоюзом шести странам-членам СНГ, ход ее реализации, в частности, события на Украине, показали, что многосторонние проекты ЕС высвечивают жесткую конкурентную природу этой программы по отношению к интеграционным намерениям России в СНГ. Так, например, обязательным условием заключения углубленных соглашений о зонах

свободной торговли между «восточными партнерами» и ЕС становится их отказ от членства в Таможенном союзе «Тройки».

Все энергетические проекты и трубопроводные маршруты в рамках ВП носят характер альтернативных по отношению к реализуемым и планируемым российским проектам. Их главный лозунг — «энергетическая безопасность Европы», что понимается как сокращение российского присутствия на энергетических рынках стран ЕС и государств-соседей ЕС, якобы для предотвращения угрозы возможного энергетического давления со стороны России. Напомним, что еще на этапе реализации политики соседства Польша предлагала организовать с восточными соседями в СНГ «энергетическое НАТО».

Под привычные разговоры о формировании «общих европейских пространств» между ЕС и Россией Евросоюз на практике самостоятельно осваивает ресурсы постсоветского пространства, уверенно отсекая от России группу стран, придерживающихся курса на евроинтеграцию. Не обещая этим странам СНГ в обозримой перспективе полноправного членства в ЕС, но благодаря внедрению достаточно тонких инструментов регулятивных реформ, Евросоюз постепенно втягивает страны «Восточного партнерства» в правовое поле ЕС.

Потенциальное облегчение визового режима между ЕС и восточными партнерами, подписание соглашений о реадмиссии нелегальных мигрантов, а также обсуждение проектов создания единой системы пограничного контроля — всё это меры, которые могут привести к ужесточению пропускного режима на границах России с государствами СНГ. Между тем, российская сторона заинтересована в сохранении безвизового пространства в СНГ, дающего немалые преимущества гражданам Содружества и способствующего формированию общего регионального рынка труда.

Параллельно с работой по экономической привязке названных стран СНГ к Евросоюзу не прекращаются усилия по подготовке участников проекта «ВП» к членству в НАТО. Тем самым на практике начинает воплощаться геополитическая идея «буферной зоны» между ЕС и Россией, подконтрольной Западу.

* * *

Анализ рисков на пути реализации евразийского интеграционного проекта можно продолжить, разделив их совокупность на две основные группы:

- **условно постоянные риски**, среди которых — жесткая конкуренция интеграционных проектов на постсоветском пространстве и агрессивная экспансия внешнего окружения; российско-центричность конфигурации объединения; структурные проблемы экономики; высокая разнородность территории с точки зрения уровней социально-экономического развития; характер доминирующих на пространстве политических систем, которые не способствуют делегированию даже незначительной части чрезмерно централизованной на национальном уровне власти наднациональным органам и т.д.;
- **условно переменные риски**, связанные конъюнктурой мирового рынка, темпами экономического роста в странах-участницах, колебаниями валютного курса, инфляцией, уровнем задолженности, политической нестабильностью и рядом других факторов.

Очевидно, что при неблагоприятных условиях наложение различного рода рисков может поставить под вопрос судьбу интеграционного проекта. Так, в настоящее время, негативное влияние на реализацию намеченных планов, на финансово-экономические отношения между членами ТС/ЕЭП может оказать замедление экономического роста в России, нарастание в стране дефицита государственного бюджета и начавшаяся перегруппировка бюджетных расходов. Серьезным испытанием для будущего Евразийского экономического союза станет ситуация вокруг Украины.

Наличие рассмотренных проблем осложняет, но не отрицает возможности реализации принятого политического решения о создании в 2015 г. Евразийского экономического союза. Важно, чтобы создаваемая институциональная форма была наполнена реальным содержанием и не превратилась в экономический союз только на бумаге.

¹ Статистика ЕЭК.

² Основные показатели внешней торговли// Беларусь в цифрах, 1995–2012 гг. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/fttrade1.php>.

³ Темпы роста казахстанского экспорта продовольствия стремительно возрастали все последние год — с 29,1% в 2011 г. до 2,9 раз в первом полугодии 2013 г.

⁴ Статистика ЕЭК.

⁵ Проблемы экономической модернизации на постсоветском пространстве. Режим доступа: http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mcat&mcat=212&type=news&top_menu=compass&sb=122&newsid=1491

⁶ В данном контексте речь идет о возникновении «ловушки технологических заимствований», которая приводит к консервации технологической отсталости стран-участниц интеграционных объединений. Балацкий Е. В. Технологическая диффузия и инвестиционные решения // Журнал новой экономической ассоциации. 2012. С. 14.

⁷ Financial Times, 07.12.2012.

⁸ Дмитриев П. Угрожают ли США проекту евразийской интеграции? — Режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2013/07/09/ugrozhayut_li_ssha_proektu_evrazijskoj_integracii.

⁹ Попов Д. Казахстан — ворота Китая в ЦА // «Геополитика». 2012, 11 сентября.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ: ВОССОЕДИНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Уже на раннем этапе становления «системы Вестфальского договора» многие политические мыслители признавали, что исключение международных отношений из сферы их научных и философских интересов неприемлемо в принципе. Например, И. Кант, продолжавший традицию «общественного договора» хорошо понимал, что его концепция политики требовала осмысления также проблем международного права для государств, космополитического права для всех участников международных процессов, равно как и гражданского права для индивидов внутри государства. Тем самым, Кант заложил основы космополитизма. Существенный вклад внес в разработку международных проблем также и другой немецкий философ Г. Гегель. Хотя в сферу его интересов попадало прежде всего государство (вопреки традициям «общественного договора»), он также не остался в стороне от международных вопросов, по существу, заложив основы еще одной политической теории, действующей по сей день — коммунитаризма.

Среди плеяды западных политических мыслителей — от Платона и Аристотеля до Джона Стюарта Милля и Джона Роулса (не говоря уже о восточных» классиках» Сунь-цзы и др.) практически каждый хотя бы что-то сказал по поводу международных дел и важнейшей проблеме всех эпох — проблеме войны и мира.

Но если связь между политической теорией и теорией международных отношений столь очевидна, почему так широко распространено противоположное убеждение? Почему теория международных отношений считается относительно новым дискурсом — продуктом второй половины XX столетия. Ответ следует искать в господстве до последнего времени «политического реализма» в теории международных отношений, а также традиции «общественного договора» в политической теории, ориентировавшей исследователей на внутривнутриполитическое общество, в англо-американской политической мысли, доминирующее влияние которой вряд ли у кого-то вызовет сомнение.

Во многом раскол был также связан со специфическими особенностями теории международных отношений как направления исследования.

Как известно, в своей наиболее бескомпромиссной форме, политический реализм исходит из того, что международные отношения управляются стремлением к силе (власти), определяемой через национальный интерес, если использовать формулу Ганса Моргентау (1948 г.). В мире реалистов нормативные вопросы иррелевантны по определению, а интересы политических теоретиков надуманы.

Менее жесткие классические реалисты (включая в ряде случаев и самого Моргентау) признавали наличие норм в международных отношениях, но ассоциировали их с положением о международном сообществе. Именно в этой традиции, например, Мартин Уайт — один из «основателей» т.н. Английской школы международных отношений провел различие между политической теорией, которую он рассматривал как в сущности прогрессистский проект, связанный с государством, и международной теорией, которая не может быть прогрессистской в силу того, что международные отношения — это сфера возвратов и повторяемости.

На встрече, посвященной инаугурации Британского комитета по теории международных отношений, Уайт представил эссе под названием «Почему не существует теории международных отношений?», в котором объяснял свой взгляд на несовместимость двух течений¹. Хотя сам Уайт внес немаловажный вклад в разработку теории международных отношений, он признал, что ТМО отмечена не только недостаточной развитостью, но также и интеллектуальным и моральным убожеством². ТМО в его интерпретации — традиция спекуляции об отношениях между государствами, близнец спекуляции вокруг государств под именем политической теории. В любом случае, одной из великих бифуркаций в политической науке стало противостояние между хорошо развитой традицией политической мысли, с одной стороны, и бедной, «сущностно конкурентной» традицией международной мысли, с другой. Неудивительно, поэтому, что международные отношения в лучшем случае оказывались заключительной главой в учебниках по политической теории, рассматривающих, главным образом, внутриполитические вопросы, до которой разве что только у самых продвинутых студентов доходили руки. Между тем, полагал Уайт, в принципе возможно теоретизирование вокруг идеи сообщества государств (на-

пример, Вестфальской системы), однако это невозможно с помощью ресурсов «внутренней» политической теории, отсюда необходимость размежеваться с ней и выстроить новую теорию международных отношений. Тем самым, Уайт также ответственен за «развод» между политической теорией и теорией международных отношений.

В свою очередь, если рассматривать политическую теорию как развитие идеи «общественного договора» (Гоббс, Локк, Руссо и др.), то такого рода преемственность также оказывается не вполне приемлемой по отношению к международным отношениям. Теория «общественного договора» исходит из того, что договор заключается между правителем и управляемыми (Локк), между потенциальными гражданами с тем, чтобы создать правителя и систему законов (Гоббс). В любом случае, ответ на вопрос, «как мы должны жить в обществе?», достигается благодаря согласию между членами этого общества и становится нерушимым законом на длительный период времени. Несколько по-иному «общественный договор» звучит в современной трактовке, в частности, у одного из «отцов-основателей» неоллиберализма Джона Роулса (1971 г.). Однако и его теория справедливости относится к самодостаточной политике, членами которой люди становятся по рождению и из которой уходят со смертью³. В такой картине мира для теории международных отношений практически не остается места.

Таким образом, на практике реализм и теория «общественного договора» способствовали расколу между двумя дискурсами. Однако следует признать, что «разрыв» между ними никогда не был ни окончательным, ни полным. По существу, с самого начала возникали вопросы, затрагивавшие в той или иной степени обе дисциплины. Это можно проследить на примере т.н. «великих дебатов», затрагивавших помимо всего прочего проблему «научности» ТМО.

Первые дебаты развернулись после окончания Второй мировой войны между представителями двух основных «школ» — политическими реалистами и «идеалистами» (либералами) вокруг двух вопросов: 1) вероятность устранения причин новых войн; 2) роль международных институтов в обеспечении мира.

Вторые дебаты развернулись в 1960-е гг. между традиционалистами, сохранявшими приверженность сложившихся в теории международных отношений подходам к исследованиям, с одной стороны, и модернистами, обращавшими внимание преимущественно на методологические вопросы, с другой.

Приблизительно к этому времени философия науки превратилась уже в широко признанную академическую дисциплину и начала постепенно преодолевать неоспоримость позитивизма. Международники, в отличие от представителей других социальных наук, продолжали увлекаться именно позитивизмом, точнее его бихевиоралистской разновидностью — пример относительного «запаздывая» теории международных отношений по сравнению с другими областями знания.

Хотя со временем международники все же вынуждены были отказаться от бихевиорализма в силу его «перегруженности» фактологическим сбором данных и неуверенности выводов, некоторые его принципы (методы проверки гипотез, статистический анализ, методы анализа данных и т.д.) столь глубоко укоренились, что сегодня уже воспринимаются как неотъемлемая часть теории международных отношений. Примером этого может служить известная работа трех авторов — Г. Кинга, Р. Кохейна и С. Вербы, в которой они попытались выстроить единую логику количественных и качественных исследований, сделав акцент именно на наблюдении и измерении⁴. Одновременно они узаконили выводы из качественного исследования, показав, что при соблюдении определенных условий, они также могут соответствовать критериям «научности».

Третьи дебаты, получившие название межпарадигмальных, проходили в 1970—80-е гг. между представителями трех основных парадигм — реалистами, либералами и марксистами. Проблемы методологии отошли на второй план, поскольку между сторонниками трех подходов установился своего рода консенсус по отношению к позитивизму, в частности, к его оценке науки. Хотя требования подтверждения или фальсификации гипотез с помощью эмпирических данных, измеряемости фактов и статистические методы анализа уже не вызывали такого интереса, как во времена ранних бихевиоралистов, они стали восприниматься как необходимый компонент исследования международных явлений и процессов со стороны практически всех теоретиков.

Хотя межпарадигмальные дебаты прямо не затрагивали проблемы природы науки, однако, совершенно очевидно, что мощным стимулом к развитию дисциплины стало именно становление философии науки как самостоятельной области знания, что так или иначе сближало политическую теорию, которая с самого начала опиралась на результаты философских исследований и несколько отстающей, приблизительно на фазу, теорией международных отношений.

Сегодня в центре дебатов находятся три проблемы: 1) объяснение и понимание; 2) позитивизм и постпозитивизм; 3) рационализм и рефлексивизм.

Дихотомия «объяснение / понимание» была выявлена еще Максом Вебером (*Erklären / Verstehen*) или, говоря философским языком, речь идет о различении объяснения (научного подхода) и интерпретативного (герменевтического) подхода. Если сторонники объяснительного подхода стремятся выяснить общие закономерности международных отношений, то их противники обращают внимание главным образом на смыслы, убеждения и перцепции, в соответствии с которыми действуют люди. Или иначе, сторонники понимающего исследования исходят из того, что социальный смысл, язык и убеждения людей формируют наиболее важные онтологические аспекты социального опыта. Для сторонников объяснения эмпирическое узаконивание выдвигаемых гипотез является непременным условием «научности», в то время как смыслы, убеждения и идеи не могут быть подвергнуты соответствующим методам анализа. Они, по их мнению, неизбежно спекулятивны. Их противники считают, что в аналитических процедурах следует руководствоваться наиболее важными факторами, влияющими на человеческое поведение, а это именно убеждения, смыслы, идеи и т.д. — «научность» не обеспечивается априорной приверженностью тому, что сторонники объяснительного подхода понимают под наукой.

Таким образом, спор, так или иначе, возвращается к теме: что же такое наука? Объясняющие теории редуцируют онтологическую сложность социального мира до тех его аспектов, которые могут быть наблюдаемы и, соответственно, измерены. Онтология, в свою очередь, определяется с помощью эпистемологии и методологии, по поводу которых возникают жесткие разногласия с противной стороной. Объясняющие теории настаивают на важности количественных методов анализа, они также пытаются квантифицировать качественные данные.

Сторонники понимания, соответственно, используют преимущественно интерпретативные методы (качественный, дискурсивный, исторический), стараясь избежать обобщений того типа, который предлагают их противники.

Дискуссия вокруг проблем объяснения/понимания имели эпистемологические последствия: если объясняющие теории по существу рассматривают наблюдение как, вероятно, единственный способ гене-

рирования нового знания, сторонники понимающей теории стараются интерпретировать наблюдаемое как неизмеримый контекст действий.

Противостояние между позитивистами и постпозитивистами затрагивает другой круг вопросов. В отличие от позитивистов, постпозитивисты, к которым можно отнести поздних реалистов, феминистов, постмодернистов, постструктуралистов и др., опираются на самые разные интеллектуальные традиции, по существу, их объединяет лишь отказ от позитивизма. В особенности, это проявляется в их отношении к интерпретации «научности». Хотя многие из них не признают герменевтику, они вынуждены согласиться, что смыслы и убеждения — наиболее важный аспект исследований социальных процессов. Вместе с тем, их отличает неверие в то, что наука в принципе способна дать истинное знание.

Во многих отношениях дебаты между позитивистами и постпозитивистами стали поворотным моментом в развитии философии науки, оказав фундаментальное влияние и на эволюцию теории международных отношений.

Рационализм/рефлексивизм. Эта дихотомия практически воплощает в себе противостояние сторонников объяснительных/понимающих теорий и позитивистов/постпозитивистов, соединив их под одним наименованием. Такую интерпретацию дал, по крайней мере, американский теоретик-международник Роберт Кохейн в своем знаменитом Обращении к членам Ассоциации международных исследований (ISA — International Studies Association) в 1988 г.⁵ Кохейн начал свое выступление с понятия рационализма, как оно трактуется в теории рационального выбора — воплощения позитивистского видения науки. Как известно, теория рационального выбора редуцирует сложность социального мира, ограничивая его наиболее важными параметрами, что позволяет предсказать его дальнейшее развитие, исходя из конкретных представлений индивидов. Государство как расширенный индивид рассматривается как максимизатор пользы. При этом, другие аспекты социального бытия игнорируются. Это делается с целью повышения адекватности предсказаний в отношении поведения индивида (государства). Кохейн признал ограниченность такого подхода, и одновременно подчеркнул его полезность для эпистемологии.

Если более ранний позитивизм прибегал преимущественно к индуктивному методу, то теперь вернулись к дедуктивному. Он предполагает рассматривать индивида в качестве точки отсчета, затем утилизи-

рует наблюдения и гипотезы, тестируя их с точки зрения содержания и фальсифицируя их как совокупность утверждений относительно поведения акторов. Тем самым, соблюдаются основные требования позитивизма в отношении науки: наблюдаемость, измеряемость, проверка гипотез и, наконец, определение на этой основе общих универсальных правил. Однако этот подход отнюдь не тождествен позитивистской традиции в теории международных отношений. Он одновременно позволяет ассоциировать «рационализм» в ТМО как с позитивизмом, так и с объясняющими теориями.

Далее в тексте обращения Кохейн отметил появление группы теорий, стоящих на критических позициях в отношении рационализма — критической теории, конструктивизма, постструктурализма и феминизма. Он назвал эти теории рефлексивистскими, поскольку они отвергают позитивистско-объясняющий подход в ТМО, не признают нейтральную природу политического и социального объяснения и выдвигают на первый план именно рефлексивность. Он не только поставил вопрос об их признании, но и подчеркнул необходимость разработки «исследовательских программ» в соответствии с требованиями Лакатоса. Это был колоссальный шаг вперед в направлении будущего воссоединения с политической теорией (философией) как таковой.

Дебаты между сторонниками объяснения/понимания, а также рационализма / рефлексивизма, в конце концов, привели к тому, что в рамках теории международных отношений сформировались два «крыла» условно их можно назвать «научным» и «анти-научным». В центре споров по-прежнему оставалась проблема позитивизма. В результате серьезных усилий позитивистский подход к науке был в основном преодолен — на смену ему пришел научный реализм. Наиболее важным, на наш взгляд, стал отказ от требования неизменных определенных процедур, который якобы отвечают требованиям научного метода. По мнению сторонников научного реализма, процедуры исследований не универсальны: каждая наука должна выработать собственные методы в зависимости от объекта исследования. Поскольку объекты существенно различаются между собой, то трудно ожидать, что методы одной науки будут легко транслироваться на другую. Следовательно, социальные науки не должны копировать естественные науки, в которых также имеется большое разнообразие методов и процедур.

Научность исследования, по мнению научных реалистов, определяется не способом обобщений, а содержанием. В отличии от позити-

вистов, научные реалисты также считают, что научное знание выходит за пределы видимости и конструирует объяснения, которые нередко противоречат наблюдаемым результатам. Это связано с тем, что социальная наука изучает сложные объекты, находящиеся во взаимодействии друг с другом, зачастую носящие ненаблюдаемый характер. Они, в свою очередь, создают паттерны, которые мы уже можем наблюдать. В силу ненаблюдаемой природы социальных объектов, они подлежат тщательной концептуализации. В совокупности, несмотря на несовершенство и некоторые лакуны, перед нами все же предстает социальное знание, преодолевшее позитивистское упрощение.

С точки зрения эпистемологии, научные реалисты придерживаются рефлексивизма: никакая эпистемологическая позиция не может обладать приоритетом в процессе обретения знаний, поскольку всегда имеется множество путей познания мира. Но это не означает, что все подходы в равной степени валидны. Следовательно, встает задача нахождения наиболее рационального подхода среди множества вариантов исследования. К этому следует добавить принципиальную интерсубъективность научного реализма, открытость для компетентной критики, однако все утверждения все же предполагают эпистемологическую поддержку.

В плане методологии научные реалисты отказались от позитивистского акцента на количественных методах и интерпретативности качественных методов. Поскольку социальный мир онтологически крайне сложен и существует множество способов его познания, то лучше априорно не ограничивать возможные методы исследования.

Научный реализм внес существенный вклад в развитие практически всех социальных наук, в конце концов, добрался он и до теории международных отношений. Особенно заметен его вклад в становление конструктивизма. Именно на основании научного реализма такой известный теоретик конструктивизма как Александр Вендт попытался отыскать «средний путь» между неореализмом и либерализмом. В его интерпретации приоритетом обладают социальные аспекты конструирования реальности, материальным факторам он отводит вторичную роль, не отрицая их значения в принципе.

Другая группа научных реалистов, не признавшая подход Вендта, сформировала течение, которое получило название «критического реализма⁶». С точки зрения этой группы исследователей, дихотомия рационализм/рефлексивизм отражает акцент на материалистических

идеях и вопросах. На самом деле, полагают они, и идеи, и материальные факторы оказывают влияние на социальное развитие, поэтому должны быть интегрированы в исследовательский процесс в качестве обязательного компонента. Соответственно, вопрос о том, какие факторы — материальные или идейные — более важны для детерминации результатов, — это эмпирический вопрос, который может быть разрешен только в процессе исследования. При этом, особое значение придается их взаимовлиянию. Идеи проявляются только в материальном контексте и смысл, который мы придаем событиям, в определенной степени зависит от того, как именно они были материально сконструированы, выстроены и представлены.

Появление научного и критического реализма сыграло важную роль в развитии теории международных отношений, открыв новые, потенциально интересные пути в мета-теоретических и теоретических дебатах. Отказавшись от сравнительного объяснения, от понимающего, каузального и некаузального анализа, отвергнув априорную исключительную приверженность либо материальным, либо идейным факторам, а также изначальное обязательное признание либо позитивистского определения науки, либо отказа от определения вообще (как это делают некоторые рефлексивисты), научные и критические реалисты сумели создать не только новую платформу для развития теории международных отношений, но и открыли путь к сближению между ТМО и политической теорией.

Поэтому к концу XX века этот, если можно так выразиться, «пакт о взаимном непризнании» политической теории и теории международных отношений начал разрушаться. К этому времени жесткая государствоцентричная природа теории международных отношений уже была подвергнута серьезным сомнениям со стороны сторонников взаимозависимости, транснационализма и, начиная с 1970-х гг., глобализации. Все меньше сторонников оставалось к этому времени уже и среди идеи вневременной повторяемости. Представление о международных отношениях как синониме межгосударственных отношений было подорвано сначала советскими учеными, выдвинувшими понятие «соотношение сил» вместо «баланса сил», включив в концепт рабочее и национально-освободительное движение, а затем и в западной науке, в немалой степени вследствие появления т.н. Английской школы (Хэдли Булл и др.), которая с конца 1970-х гг., развивая идеи Гуго Гроция, предложила идею «международного сообщества» как промежуточного

варианта между «силовым» подходом реалистов и обоснованием необходимости сотрудничества либералов-институционалистов.

Многие ученые ополчились на существующий «разрыв» как на дисфункциональный и начали предпринимать некоторые шаги по преодолению барьера. Кроме того, все чаще можно было услышать призывы к преодолению «великого разрыва» между сравнительной политологией и теорией международных отношений. В своем Обращении 1997 года президент ИСА (International Studies Association) Джеймс Капорасо обозначил три области, в которых были предприняты особенно значимые усилия по интеграции сравнительной политики и теории международных отношений. Это работы по поводу: 1) «двухуровневых игр⁷»; 2) пересмотра «второго образа⁸»; 3) возвращения международной системы во внутреннюю сферу⁹.

В свою очередь, со стороны политической теории тоже были предприняты некоторые шаги, хотя и, возможно, вынужденно, поскольку они были связаны с критикой идеи Джон Роулса, в частности, его идеи самодостаточности сообщества. Постепенно стало очевидным, в том числе и для самого Роулса, что теория справедливости, способная решить проблемы неравенства внутри общества (Роулс прямо говорит, что речь идет об обществе «американского типа»), но ничего не говорит о неравенстве на международном уровне, оказывается слишком «узкой».

Следствием этого стало формирование нового дискурса в теории международных отношений, важнейший вклад в который внесли такие авторы как Брайан Барри (1998 г.), Чарльз Бейтц (1979 г.), Эндрю Линклейтер (1990 г.), Терри Нардин (1983 г.), Томас Погге (2002 г.) и др.¹⁰ Так, Дэвид Хелд в работе «Политическая теория сегодня» начал с того, что подтвердил тезис Уайта о том, что политическая теория в основном интересовалась концептом государства, однако такой традиционный подход, по его мнению, сегодня уже неадекватен. Он писал, что «более не может быть валидной теория государства ни без теории глобальной системы, ни глобальной системы без теории государства¹¹». По его мнению, и политические теоретики, и теоретики международных отношений в равной степени ответственны за расколы теорий на основе дихотомии внешнего/внутреннего при изучении государства. Дальнейшее развитие теорий возможно лишь через преодоление этого противопоставления.

Почти одновременно с Хелдом появилась и еще одна работа, посвященная все той же проблеме. Кен Бут и Стив Смит показали, что

в соответствии с традицией изучение политики осуществлялось на трех уровнях в отдельности: во внутривполитической сфере, на уровне международных отношений и глобальной политики¹², что они сочли глубоко ошибочным, предложив переписать тексты.

Формирование нового дискурса не только открыло перед международниками проблемы онтологии и эпистемологии, но и показало, что теория международных отношений имела значительно более долгую историю, нежели это представлялось реалистам и либералам — сторонникам «общественного договора».

Попробуем выделить основные темы и идеи, носящие более или менее «сквозной» характер на протяжении истории политической мысли и сегодня превратившиеся в «мосты» между двумя дисциплинами. Вслед за Брайаном Шмидтом, можно выделить три основные области, в которых наиболее успешно происходило «воссоединение» политической теории и теории международных отношений: нормативная теория, теория демократии и совокупность работ, которые условно можно поместить под рубрику «идентичность/различия¹³». Хотя время от времени эти три области взаимно накладываются друг на друга, и многие значимые работы подпадают под все три категории, данная типология все же обладает аналитическим смыслом там, где происходит конвергенция между двумя дисциплинами.

Нормативные теории. Уже на волне «постбихевиоральной революции» и окончания войны во Вьетнаме, неуспехи в которой были возложены в США, в том числе, на неверные прогнозы исследователей-международников, началось постепенно возвращение ценностей в арсенал исследовательских программ. Однако преодоление маргинальности политической теории, переживавшей не лучшие времена вследствие жесткого отрицания со стороны позитивистов, а также кризисных процессов внутри самой дисциплины, заняло еще какое-то время.

В 1990-е гг. развернулись дискуссии, направленные на дискредитацию положения о нерелевантности нормативных тем для теории международных отношений¹⁴. Особенную активность проявляли британские ученые. В процессе обсуждения были найдены некоторые компромиссные варианты. Многие исследователи признали, что, пытаясь создать автономную «науку о международных отношениях», международники, по существу, выпали из основного потока науки о политике¹⁵. Между тем, как подчеркивает Роберт Джексон, «международная политическая теория и внутривполитическая теория совпадают в опре-

деленных пунктах, но одновременно являются двумя сферами единой всеобъемлющей политической теории, которая на фундаментальном уровне занимается условиями, организацией и ценностями организованной политической жизни на планете Земля¹⁶».

В частности, начались многолетние дебаты между сторонниками космополитизма и коммунитаризма, во многом повторяющие споры между коммунитаристами и либералами в политической теории. Главным образом, споры шли по линии дихотомии партикуляризм/универсализм. При этом, международники, подобно политическим теоретикам, вынуждены были начинать разговор с определений предмета споров, а, стало быть, возвращаться к Канту и Гегелю и другим более ранним философам, т.е. к истории политической мысли.

Идея универсализма была впервые сформулирована еще в Средние века в доктрине «двух городов» Св. Августина. Смысл доктрины заключается в том, что Город людей, изгнанных из рая, вынужден подчиняться власти и быть лояльным ей. Справедливая власть заслуживает поддержки людей, но люди никогда не должны забывать о своей принадлежности также к городу Бога — христианству, лояльность которому должна быть приоритетной по сравнению с лояльностью секулярному господству. Позднее эти идеи были развиты и уточнены Фомой Аквинский, обозначив человека как политическое животное и одновременно как носителя всеобщих моральных стандартов, управляющих отношениями между людьми.

Универсалистский компонент у Августина и Фомы Аквинского позволил внести наиболее крупный вклад средневековых мыслителей в развитие международно-политической теории — доктрину справедливой войны. Христианские мыслители пришли к выводу, что политическая власть не сможет сохраниться, если не будет время от времени прибегать к насилию. Однако мир — это норма, ибо он является репрезентацией социальной справедливости, а не просто отсутствие войны. Война может быть узаконена, только если она ведется во имя установления мира. Тем самым, был опрокинут широко распространенный дохристианский тезис о том, что война — обычное состояние государства. Более того, у Фомы Аквинского была также представлена идея о том, что сила должна быть соразмерна, а насилие суть последний ресурс.

Не менее важным был вклад в осмысление универсализма мыслителей эпохи Ренессанса. Например, Макиавелли, с одной стороны, выдвинул идею о том, что ценит интересы Флоренции выше, чем

собственную душу (своего рода новое воплощение древнеримского патриотизма). С другой стороны, многие мыслители под влиянием открытия Америки попытались переосмыслить проблему универсализма и партикуляризма. Кроме того, территориальное, суверенное государство, легально автономное, стало новой политической единицей и создало новый тип политической теории, восстановившей некоторые аспекты классических теорий, хотя и в новой форме гражданского республиканизма.

Соответственно, изменился и подход к «справедливой войне». Было выдвинуто предположение, что обе стороны должны рассматриваться как справедливые, поскольку у нас нет возможности определить, чья позиция более правомерна. Также отныне различались две позиции — прибегнуть к войне на справедливых основаниях (*jus ad bellum*) или вести войну справедливо (*jus in bello*). Европейский порядок, пришедший на смену средневековому христианству, по существу, легитимировал войну, однако рационализировал и гуманизировал ее. Отныне война стала актом государственной политики. В XX столетии эта проблема приобрела особое значение, что отразилось в спорах между такими мыслителями как Карл Шмитт и Ганс Моргентау¹⁷. Таким образом, даже их обращение к истории политической мысли носило отнюдь не праздный характер. Обращение к примеру «справедливой войны» со всей очевидностью показывает необходимость теории международных отношений опираться на идеи, высказанные политическими мыслителями в разные эпохи и по разным поводам.

Хотя некоторые постмодернисты и не видели в нормативных политических теориях большого смысла, рассматривая их как еще одно воплощение Модерна, в целом, можно сделать вывод о том, что нормативно-этические вопросы, которые начали подниматься в контексте международных отношений, во многом сблизили две дисциплины.

Теории демократии. Интерес к теориям демократии, вызванный тенденциями к демократизации, в целом ряде ранее авторитарных режимов, а также распространение кантовской формулы «зоны мира», т.е. тезиса о том, что демократические государства отличаются миролюбием, также способствовал преодолению границы между политической теорией и теорией международных отношений. Однако до последнего времени проблемы демократии изучались преимущественно в контексте внутренней политики соответствующих стран. Можно сказать, что это скорее была сфера доминирования политической теории,

в то время как международники, замороженные Вестфальской моделью национальных государств, мало интересовались внутренними политическими режимами. Любимая метафора политических реалистов о государствах как «бильярдных шарах» отражает тенденцию рассматривать их как «единицы», не принимая во внимания ни их политические, ни культурные особенности.

Поэтому вопрос о возможности «экспорта» демократии отнюдь не столь однозначен. Конечно, есть успешные прецеденты, скажем, связанные с переходом к демократии таких стран, как Япония, Германия или Италия после Второй мировой войны, когда демократия была принесена, если можно так выразиться, в ранцах победителей. Но станет ли столь же успешным опыт Ирака, Афганистана, «арабской весны»?

Демократический идеал в его нынешней интерпретации утвердился в общественном мнении с начала 1950-х гг., то есть в разгар «холодной войны». Однако это не означает, что о демократии мало размышляли в предшествующие периоды, другое дело, какой именно демократии. Достаточно вспомнить знаменитую «триаду» Й. Шумпетера: демократия как власть народа, демократия во имя народа, и, наконец, демократия как процедура. И вот здесь начинаются сложности.

До середины XIX столетия и, возможно, даже позднее, демократия почиталась опасной и крайне нестабильной формой правления. Почти за столетие одиозные коннотации демократии постепенно сменились на более позитивные, связывающие воедино идею народного суверенитета и равенства. В конце концов, демократия превратилась в концепцию, у которой на этом поле фактически не оказалось конкурентов. Но это отнюдь не означает, что проблема смысла демократии ушла в прошлое.

Более того, в отличие от ценности демократии, ее смысл во многих случаях был утрачен в какофонии конкурирующих интерпретаций. Не случайно, такой известный политический теоретик, как Роберт Даль даже предложил заменить термин на «полиархию» как более понятное и однозначное понятие. Будем откровенны: такая лингвистическая эквилибристика отнюдь не завершила споры о смысле демократии.

Эволюция представлений о демократии — это разного рода попытки соединения идеи свободы, понимаемой как элемент членства в политическом сообществе, идеи равенства через закон, с которой поначалу ассоциировалась демократия в целом, и, наконец, идеи народного суверенитета. Иначе говоря, на протяжении последних двух-

сот лет происходило строительство риторических связей между демократией, народным суверенитетом и политической свободой. Поэтому, долгое время идея демократии раскрывается как версия республиканизма. Разница в самом общем виде заключается в следующем: если демократы говорят об «общине демоса», то республиканцы об «общине сообщества». Наконец, обнаруживаются еще две отчетливые тенденции: к демократии формальной (процедурной) и демократии содержательной, когда правительство рассматривается в качестве арбитра в споре плюралистичных интересов (или, как говорил Франклин Рузвельт, «не жить и не давать жить другим», а «жить и помогать жить другим» — важный шаг в направлении социального либерализма», позднее обоснованного и развитого Джоном Роулсом и его последователями). Иными словами, содержательная демократия в условиях социального государства приходит на смену демократии “laissez-faire”. Это предполагает, что из инструмента принуждения государство и правительство превращаются в арбитра.

Хотя, как мы указывали выше, одной из характерных особенностей современности является почти универсальное признание ценности демократии, это отнюдь не предполагает признание универсальности самой демократической модели, о чем часто сознательно или неосознанно забывают многие политики и исследователи. Исторические прецеденты показывают, что бездумное, автоматическое копирование Вестминстерской модели крайне редко приводит к успеху демократических преобразований, часто завершается хаосом, гражданской войной, военной диктатурой, дискредитации самой идеи демократии.

Процессы глобализации заставили исследователей взглянуть на проблемы демократии по-другому. Д. Хелд был одним из тех теоретиков, который попытался посмотреть на демократию в теоретической перспективе¹⁸. В его оценке, глобализация предполагает как минимум два ясно различимых явления: во-первых, то, что политическая, экономическая и социальная деятельность становится всемирной по своим масштабам; и, во-вторых, что наблюдается интенсификация взаимодействий и взаимосвязей на всех уровнях — между государствами и обществами, составляющими международное сообщество¹⁹. Хелд, кроме того, внимательно исследовал ограничения и возможности демократии в эпоху, когда демократия стала универсально признанным лозунгом. Он даже отметил парадокс, заключающийся в том, что в то время как идея «правления народа» повсеместно превозносится как универсаль-

ная, сам по себе демократический режим рассматривается как национальная форма политической организации. В такой ситуации продолжение рассмотрения международного сообщества как совокупности национальных государств малопродуктивно. Такой подход позволяет не замечать множество сложных вопросов, которые неизбежно выйдут на поверхность в случае, если бы международники прибегли к политико-теоретическому анализу процессов демократизации и распространения демократии. Отсюда — вывод, сделанный Д. Хелдом в другой работе: «невозможно оценить современное демократическое государство без рассмотрения глобальной системы и невозможно изучение глобальной системы без оценки демократического государства²⁰».

«Идентичность, различия». Особое значение в контексте глобализации приобрела проблемы соотношения внутреннего (инсайдерство) и внешнего (аутсайдерство). Даже поверхностное знакомство с историей показывает, что дихотомия «свой/ чужой», «Я-Другой», «инсайдер / аутсайдер» в принципе была присуща всякому человеческому сообществу, начиная с племени, города-государства, империи и кончая современными отношениями между разными этническими, религиозными, профессиональными и т.д. социальными группами в мультикультурных сообществах. Иное дело, что критерии проведения границ существенно изменялись в разных типах сообществ.

Исторически сформировались две основных традиции: христианство диктует восприятие «другого» на основании закона тождества. «Другой» — это такой же, что и я. «Я» и «другой» скорее похожи, чем различны. Но другой также может и отказаться от события с нами, тогда он воспринимается как угроза. Чем больше он усиливается, чем больше усилий он тратит на безопасность, тем сильнее наш страх. И, соответственно, наоборот. Это разделение может предстать в виде дихотомии «друг/враг» (Карл Шмитт), «трихотомии» «друг / соперник / враг» (Александр Вендт) или «Другой как Я» (Поль Рикёр). В любом случае, говорить о международных отношений и не учитывать глубинного подтекста восприятия союзника / противника значит скользить по поверхности и не понимать сути происходящего, тем более, когда нередко эти концепты меняются местами.

В национальном государстве основным критерием инсайдерства является принцип территориальности и формального гражданства. Или, как пишет Бенедикт Андерсон, нация — воображаемое сообщество, в котором граждане рассматривают себя как жителей всей тер-

ритории определенной страны, даже если никогда не выезжают за пределы своей деревни. «Концепт родился в эпоху, когда Просвещения и Революции разрушали легитимность божественно-упорядоченной, иерархической, династической сферы, — подчеркивает Андерсон. Обретя зрелость на той стадии человеческой истории, когда даже наиболее преданный сторонники любой универсальной религии с неизбежностью столкнулись с жизненным плюрализмом таких религий, а алломорфизм (прямые отношения) между онтологическими утверждениями каждой веры и территориальными соприкосновениями, и стремлением каждой нации к свободе... Залогом и эмблемой этой свободы и является суверенное государство»²¹.

Не стоит сбрасывать со счетов также религиозные противоречия, особенно в наиболее радикальных формах, «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), социально-гендерные, классовые, групповые и др. взаимодействия, далеко не всегда носящие мирный характер. Не случайно, поэтому, проблема идентичности стала одной из важнейших тем современных исследований международных отношений. Более того, концепция быстро вошла в новейшую интеллектуальную моду.

Самоидентификация предполагает не только определенную изначальную предзаданность, но и сознательный выбор человека или группы людей. Соответственно, процесс идентификации не всегда приводит к достижению истинной идентичности. Культура в целом раскрывается во всей полноте «в глазах другой культуры» (М. М. Бахтин), или, иначе, на основе оппозиции «свой /чужой», определяющую этническую, конфессиональную, социально-классовую принадлежность человека или социальной группы. При этом, мифологическая составляющая играет в этом процессе особенно значимую роль. Коллективно выраженная особенность, отличие от «других», разделяющая «своих» от «чужих», зачастую предстает в национальных идеологиях.

«Национальная идентичность, — пишет М. Гиберно, — это коллективное чувство, в основе которого лежит вера в принадлежность к одной и той же нации и согласие в отношении большинства атрибутов, которые делают ее отличающейся от других наций²²». Идентичность имеет психологическое, культурное, историческое, территориальное и политическое измерения. Уточним, что психологическое измерение относится к сознанию, формирующему группу, основывающемуся на близости, объединяющей тех людей, которые принадлежат к данной нации. Культурное измерение определяется как ценности, убеждения,

язык и практика конкретной нации. Историческое измерение обращено к тому факту, что нация гордится своими древними корнями и интерпретирует их как признак устойчивости, силы и даже превосходства. Относительно исторического измерения можно привести цитату из фундаментального труда отечественных историков: «Функции исторического знания на протяжении, как минимум, последних трех веков модифицировались и усложнялись, но все же можно за всем многообразием задач истории увидеть один инвариант — это обеспечение идентичности. Смена моделей историописания была, как правило, связана с кризисами идентичности²³». Территориальное измерение подвергается все большим «вызовам» со стороны глобализации, но продолжает сохраняться вокруг семьи, работы и административных структур. Наконец, политическое измерение национальной идентичности проистекает из ее отношения к современному национальному государству устремленного по определению к лингвистической и культурной гомогенизации, все более разнообразного в этническом и культурном отношении населения. Идентичность выходит за рамки национальной и сегодня уже многие авторы пишут о региональной (например, европейской), космополитической или даже глобальной идентичности.

Таким образом, проблема идентификации внешнего и внутреннего сохраняет свое первостепенное значение, особенно в контексте глобализации, когда риски, связанные с ними многократно умножаются.

Попытки в последнее время реинтегрировать политическую теорию и теорию международных отношений могут быть рассмотрены как часть более общего стремления переосмыслить аналитические границы, выстроенные между двумя дисциплинами.

Итак, речь сегодня идет о воссоединении политической теории и теории международных отношений в единую дисциплину. Более внимательное прочтение концептуальный анализ базовых международно-политических категорий со всей очевидностью показывает необходимость систематического обращения к истокам теории международных отношений и колоссальному багажу политической мысли в целом. Сегодня разрыв между политической теорией и теорией международных отношений практически преодолен. Мы можем выявить исследовательскую триаду, включающую политическую теорию (философию) как основание, собственно теорию международных отношений как теорию «среднего уровня», и, наконец, эмпирические теории международных отношений, содержащие первичные обобщения меж-

дународных процессов и явлений. Все вместе они составляют политическое знание, способное осмыслить и понять самые разные аспекты политических процессов как на внутригосударственном, так и глобальном уровне.

¹ Whight, M. Why is there no International theory? // H. Butterfield and M. Whight (Eds.); *Diplomatic Investigations*. London: George Allen and Unwin. 1966. P. 17–34.

² Ibid. P. 20.

³ Rawls, John. *A Theory of Justice*. Harvard: Harvard University Press. 1971.

⁴ King G., Keohane R., Verba S. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press. 1994.

⁵ Keohane, Robert. *International Institutions: Two Approaches*. // *International Studies Quarterly*. 1988. Vol.32. # 4. P. 379–396.

⁶ Patomaki H., White C. After Post-Positivism? The Promise of Critical Realism // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol.22. # 3. P. 213–237.

⁷ Теория двух уровней» — один из вариантов теории игр, применяющийся при разрешении конфликтов между либеральными демократиями. Была сформулирована в 1988 г. Робертом Путнэмом и приобрела множество сторонников. Эта модель рассматривает возможность параллельных переговоров на двух уровнях: внутриполитическом и международном. См. Putnam, Robert. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games* // *International Organization*. Summer 1988. Vol.42. # 3.

⁸ Кеннет Уолц — один из наиболее ярких представителей «неореализма», сформулировал три «образа» мировой политики (в отечественной литературе часто говорят «об уровнях»): первый образ — поведение людей рассматривается как основа мировой политики, при этом фокус исследования направляется на индивидуальные мотивации, человеческую уязвимость и т.д.; второй образ — акцент на внутренней структуре государств, внутреннее устройство государств становится объяснением мировой политики; третий образ — анархия как международная система; внимание исследователя обращено на систему, в рамках которой существуют государства, что позволяет объяснить их поведение. См. Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill 1979; Waltz, Kenneth. *Realism and International Politics*. London: Routledge. 2008.

⁹ Caporaso, James. *Across the Great Divide: Integrating Comparative and International Politics* // *International Studies Quarterly*. 1997. # 41. P. 563–592.

¹⁰ Barry, Brian. *International Society From a Cosmopolitan Perspective* // *International Society*. Ed. by D. Mapel and T. Nardin. Princeton: Princeton University Press. 1998. Pp. 144–163; Beitz, Charles. *Political Theory and International relations*. Princeton: Princeton University Press 1979; Linklater, Andrew. *Men and Citizens in the Theory of International*

Relations. London: Macmillan. 1990; Nardin, Terry. Law, Morality, and the Relations of Nations. Princeton: Princeton University Press. 1983; Pogge, Thomas. World Poverty and Human Rights. Cambridge: Polity Press. 2002.

¹¹ Held, David. (ed.) Political Theory Today. Stanford: Stanford University Press. 1991. P. 10.

¹² Booth, Ken and Steve Smith. International Relations Theory Today. University Park: Pennsylvania State University Press. 1995. P. XI-XII.

¹³ Schmidt, Brian. Together Again: Reuniting Political theory and International Relations Theory // British Journal of Politics and International Relations. April 2002. Vol. 4. # 2. P. 116.

¹⁴ См, например: Linklater, A. Men and Citizens in the Theory of in the Theory of International Relations. London: Macmillan. 1990.

¹⁵ Например, Крис Браун предложил переформулировать сферу интересов политической теории по сравнению с определением Уайта как науки, изучающей внутригосударственные процессы, в науку, изучающую справедливость в обществе, что полностью изменит отношения между двумя дисциплинами. — Brown, Chris. International Relations Theory: New Normative Approaches. NY: Columbia University Press. 1992. P.6–7.

¹⁶ Jackson, Robert. Martin Wight, International Theory and the Good Life // Millennium: Journal of International Studies. 1996. # 19. P. 261–272.

¹⁷ Schmitt, Carl. The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum. NY: Telos Press. 2003.

¹⁸ Held, David. (ed.) Political Theory Today. Stanford: Stanford University Press. 1991. P. 139.

¹⁹ Ibid. P. 145.

²⁰ Held, David. Democracy and the Global Order: From Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford: Stanford University Press. 1995. P. 21.

²¹ См. Anderson, Benedict R. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: 1991. Verso. P. 6–7.

²² Guibernau, Montserrat. The Identity of Nations. Cambridge: Polity Press. 2007. P.11.

²³ Образы времени и исторические представления. Россия-Восток-Запад. Под ред. Л. П. Репиной. Москва: Круг. 2010. С. 25–26.

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИЙ В БРАЗИЛИИ И РОССИИ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЙ

Государства-члены БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Не случайно о данной группе стран порой говорят, что их не объединяет ничего, кроме аббревиатуры БРИК... На наш взгляд, последнее суждение неточно: хотя автор термина¹ в 2001 г. не предполагал какого-либо интеграционного измерения данной группы стран, рассматривая её скорее как список быстро развивающихся экономик, в настоящее время ясно, что БРИК — это объективная геополитическая реальность.

Можно назвать целый ряд общих для всех членов БРИК характеристик, которые включают два блока показателей. Первый характеризует статичные показатели: значительные масштабы территории (все члены группы входят в категорию наиболее обширных по территории стран мира) и населения (в этом отношении особое место занимают Китай и Индия, суммарное население которых составляет более трети населения всего мира); все члены группы обладают значимыми (хотя и различными по объему и роли в экономическом развитии) природными ресурсами (выделяется Россия, на территории которой находятся около 30 % мировых запасов полезных ископаемых мира), что дает основание исследователям для определения данной группы стран как *стран-гигантов*.

Второй блок показателей характеризует динамику эволюции членов группы: все страны БРИК, имея средний уровень доходов на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными государствами, демонстрируют высокую динамику догоняющего роста (темпы роста ВВП равны или превосходят среднемировые), осуществляют масштабные институциональные и структурные преобразования, способствующие их активному включению в мирохозяйственные связи (глобальные ТНК осваивают рынки стран БРИК, а местные компании выходят на

внешний рынок), обладают значительным потенциалом роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе².

Если проводить сопоставление процессов модернизации в рамках сообщества БРИК, то наиболее корректным оно будет в случае сопоставления России и Бразилии, это позволяет провести сравнение в формате «the most similar cases».

Действительно, наибольшее число сходных черт прослеживается в случае сопоставления российского и бразильского случаев.

Бразилия, как и Россия, имеет авторитаризм в недавнем прошлом: в 1964—1985 гг. у власти в Бразилии находились установившие режим репрессивной диктатуры военные. Даже начало масштабных политико-экономических сдвигов в нашей стране России и Бразилии совпадают: в 1985 г. в СССР началась перестройка, а в Бразилии в 1985 г. было сформировано первое после военного режима гражданское правительство, как совпадает и время старта рыночных реформ: в обеих странах они начались в 1991—1992 гг.

Среди сближающих процессы модернизации в России и Бразилии характеристик наиболее значимыми являются следующие.

Импульсы модернизации и в России, и в Бразилии исходили сверху: и в СССР в середине 1980-х гг., и в Российской Федерации в начале 1990-х гг. инициаторами демократизации явилось высшее политическое руководство страны.

Традиционными пулами рекрутирования политических элит в Бразилии, как и в пореформенной России были государственный аппарат, региональные администрации, политические партии и общественно-политические движения, крупный бизнес — федерального и регионального уровня, университетская среда; в Бразилии до 1985 г. — важнейшим институтом рекрутирования политического руководства была армия. Достоинством существующей системы рекрутирования и ротации является режим реальной политической конкуренции, в рамках которой существенное значение имеют позиции крупного национального капитала и транснациональный бизнес. Наиболее значимыми механизмами карьерного продвижения являются конкурентные выборы, в ходе которых особое значение имеют имиджевые технологии, основанные на медиатизация имиджа лидера (примером может служить избирательная кампания 1989 г., которая принесла успех малоизвестному до того провинциальному предпринимателю Ф. Коллору); публичная политическая деятельность; общественная популярность (особенно в случае

обладания харизмой, как это было с Лулой); профессиональная компетентность (как в случае Кардозу, осуществившего обуздавшего гиперинфляцию знаменитый «План Реал»), но также механизмы негативной селекции, как протекционизм и коррупция.

Главные черты сходства модернизационных процессов в двух странах определялись совпадающими концепциями и стратегиями модернизации: и в Бразилии, и в России начала 1990-х гг. методологической рамкой осуществления модернизации стал неолиберальный экономический курс в формате «шоковой терапии». Российские реформаторы не раз отмечали, что важнейшей целью ускоренной приватизации была не экономическая эффективность, а цели социально-политического характера, а именно: создание социальной базы новой политической власти. Как и в России начала 1990-х гг., политика «шоковой терапии» в Бразилии была продиктована установками элиты на осуществление эпохальных перемен одновременно, что воскрешает в памяти попытки Н. Хрущева построить коммунизм за двадцать лет. Эти попытки были определены западными наблюдателями как попытки «перепрыгнуть пропасть в два прыжка», как новое издание известной из китайского опыта «политики большого скачка».

Идентичными в обеих странах были и методы реализации «шоковой терапии» — преимущественно директивными авторитарными методами (в случае России достаточно упомянуть расстрел в Москве в октябре 1993 г. здания отечественного парламента, депутаты которого, реагируя на потребности массовых групп в смягчении последствий радикальных экономических реформ, не согласились в концепцией радикального реформирования, продвигавшегося президентом России Б. Ельциным). В обеих странах использование силовых методов проведения политики экономической либерализации проистекали из стремления элит осуществить демократический транзит недемократическими методами и представляли собой своего рода «большой скачок», что «весьма показательно для обществ, не имевших длительного демократического опыта и характеризовавшихся сильной традиционалистской установкой», отмечает известный российский исследователь-бразилианист Л. С. Окунева³.

Предсказуемо *совпали в обеих странах и результаты шоковой терапии:* в ходе проводившейся президентом Ф. Коллором в 1991–1992 гг. масштабной и форсированной политики «шоковой терапии» стало резкое усиление социальной поляризации, увеличение доли традиционно

бедных и появление феномена «новых бедных», маргинализация целых социальных слоев и пауперизация ряда социальных групп, численное увеличение категории «социально исключенных» (беднейших из беднейших). Эта политика ущемила экономические интересы не только массовых бедных групп, но также средних слоев, включая предпринимателей. Если учесть, что удельный вес живущих за чертой бедности в Бразилии колеблется между 40% и 60% (в зависимости от методики подсчета), то ущемление интересов средних слоев привело к значительному сужению социальной базы режима, политической дестабилизации, переформатированию внутриэлитных отношений и резкому их обострению.

Осуществление рыночных реформ усилило размежевания в среде и бразильских, и российских элит. Линии элитных расколов в обеих странах были разнообразными; большинство их в двух странах совпадали. Прежде всего, это раскол по линии ветвей власти. В России этим конфликтом было отмечено начало 1990-х гг. В Бразилии выражением усиления этого раскола стал при президенте Ф. Коллоре конфликт исполнительной и законодательной ветвями власти — президента и парламента: «Правительство и парламент превратились в два конфронтационных лагеря: президент правил с помощью актов временного действия («декрет-законов»), в Конгресс при любом удобном случае налагал на них вето⁴.

Конфликт президента и парламента в России был еще более острым и завершился, как было отмечено выше, расстрелом здания парламента.

Другим значимым расколом внутри бразильских элит, как и в России, стала линия центр-регионы. Правда, есть и отличие: в России усиление влияния региональных лидеров носило кратковременный характер (оно существенно возросло в 1990-е гг., что стало уникальной особенностью данного периода: исторически российское государство было централизованным): уже в начале 2000-х гг. центральная власть вернула себе утраченный было приоритет в отношениях с региональными руководителями. В Бразилии значительные на протяжении всего XX в. обширные полномочия региональных властей оставались константой и не были поколеблены даже в условиях военной диктатуры. В условиях политической и экономической турбулентности 1990-х гг. влияние региональных элит еще больше возросло и сопровождалось в Бразилии (как и в России) усилением центробежных, а порой и сепаратистских

тенденций. Нередкими были открытые конфликты региональных и федеральных властей, причем эти конфликты обретали такую остроту, что региональные руководители (а иногда и муниципальные власти) говорили с центром языком ультиматумов, что способствовало повышению их популярности в своих провинциях и городах, но дестабилизировало политическую ситуацию в стране. Наиболее значимым проявлением раскола элит по линии центр-регионы в Бразилии стал возникший в январе 1999 г. конфликт между губернатором штата Минас-Жерайс И. Франку и федеральным правительством, когда губернатор приостановил выплату налоговых платежей федеральному центру. Этот конфликт не только вызвал серьезный экономический кризис внутри страны, но даже вышел за ее пределы, вызвав международный финансовый кризис. В России наиболее острым проявлением противостояния региональных и федеральных властей стал конфликт в Чечне, вылившийся в две полноценные военные кампании⁵. Таким образом, в России конфликт уровней власти — как и противостояние ветвей власти — также сопровождался использованием военной силы.

В упомянутых конфликтах ветвей и уровней власти *проявились незрелость политической культуры элит обеих стран — неготовность к компромиссу и неразвитость культуры диалога*. Исследователи отмечают, что в позициях бразильских парламентариев «превалировали не общенациональные, а региональные устремления, защита интересов отдельных кланов и групп, личных интересов депутатов»⁶. Аналогичной выглядит характеристика и российских депутатов. Проведенное под руководством автора этих строк исследование эволюции и персонального состава депутатского корпуса Российской Федерации в рамках общеевропейского проекта «Парламентское представительство в Европе: рекрутирование и карьеры законодателей»⁷ показало, что соотношение национальных, региональных и личных интересов в законотворческой деятельности не было оптимальным: личные и корпоративные интересы депутатов нередко брали верх по отношению к общенациональным⁸.

Еще одним значимым расколом в среде элит — на сей раз экономических, — который составляет сходство противоречивых процессов модернизации в России и Бразилии, стали *размежевания между национально ориентированным бизнесом и компрадорскими силами*. Кроме того, в обеих странах *совпадает конфигурация факторов экономического успеха* — условием бизнес-успеха являются покровительство политического руководства. Неудивительно, что в условиях данной системы

коррупция становится повседневной практикой. Причем характерно, что победить эту болезнь в Бразилии не смогли ни правые, ни левые во власти: не только Коллор в 1992 г. был отстранен от власти в результате коррупционного скандала, но и в период президентства Лулы неоднократно вспыхивали коррупционные скандалы. Коррупция является проявлением более общей проблемы — обширного в обеих странах неформального сектора экономики и системы теневых отношений, в том числе откровенно криминальных.

Устойчивость теневых отношений определена не в последнюю очередь рядом присущих бразильским и отечественным бизнес-элитам особенностей сознания и поведения, находящих особенно заметное отражение в их поведении в периоды кризисов. В частности, исследователи бразильского опыта фиксируют феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры», которые означают «возможность процветать не за счет предпринимательского риска, производственных инвестиций, а за счет манипулирования обусловленной высокой инфляцией разницей в курсах валют, за счет биржевых спекуляций, игры на финансовой неразберихе»⁹. Аналогичные явления имели место в России в 1992–94 гг., 1998 г., 2008–2009 гг. В частности, в 2008–2009 гг. наибольшие суммы бюджетных средств были выделены правительством Российской Федерации для спасения отечественной банковской системы, тогда как средства для поддержки реального сектора экономики были несопоставимо более скромными. Но даже эти ограниченные средства не доходили до реальных предприятий — они использовались банками для игры на финансовом рынке. Таким образом, феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры» равно характерны и для Бразилии, и для России. Можно предположить, что феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры» являются элементами более общей проблемы, а именно — неразвитости политического сознания и политической культуры экономического класса, всецело заикленного на узкопартикулярных сиюминутных интересах и «коротких» целях. И в этом видится существенный ограничитель полноценных процессов модернизации и демократизации в обеих странах.

Но главный раскол в среде бразильских элит — *это раскол относительно повестки модернизации, ее приоритетов и направлений, а также по вопросу соотношения модернизации и демократизации*. Данные расколы имели формат вызова: возможно ли совмещение неолиберальной

политики с реализацией активной социальной политикой? Поскольку в качестве главного инструмента смягчения негативных последствий неолиберального курса рассматривалось государство, это определило смещение в центр общественных дискуссий вопроса о роли государства в условиях глобализации, о трансформации его полномочий и функций, о роли в процессах модернизации и демократизации, о конфигурации способствующего модернизации политического режима.

Подчеркнем специфическую конфигурацию данного раскола. Как известно, в Бразилии, как и в большинстве стран региона, размежевание между правыми и левыми флангами политического спектра является одной из наиболее значимых демаркационных линий, что определено наличием мощных левых сил: не случайно на рубеже XX и XXI веков в Латинской Америке произошел знаменитый «левый поворот». Раскол в бразильских элитах не повторяет буквально раскол между правыми и левыми, он сложнее: так, придя к власти, Лула не смог отказаться от проведения экономического курса, близкого по содержанию к тому, что проводил его предшественник у власти Кардозу. Известный отечественный исследователь-бразилианист Л. Окунева называет это «драмой левых у власти»: придя к власти, убежденный сторонник левых идей Лула вынужден был проводить политику, не вписывающуюся в каноны левых экономических теорий.

Различные лидеры страны давали отличные ответы на эти «проклятые» вопросы бразильской модернизации. Если Ф. Коллор (1989—1992) делал упор на приватизацию, монетарные реформы в экономике и переход от политики импортозамещения к политике привлечения иностранных инвестиций, то Ф.Э. Кардозу уделял первостепенное внимание жизненно необходимому в условиях гиперинфляции (ее уровень в начале 1991—1992 гг. составлял 15—20 % в месяц, а в 1993 г. достиг годовой отметки в 2600%¹⁰) оздоровлению финансовой системы (введение в действие в 1994 г еще в бытность министром финансов «Плана Реал»), интеграции Бразилии в глобальную финансово-экономическую систему и демократизации политической системы. Введение национальной валюты — бразильского реала — Кардозу рассматривал в качестве основного инструмента модернизации и стремился найти оптимальное баланс между проведением экономически эффективного курса и смягчением наиболее острых социальных последствий рыночных реформ, однако в последние годы его президентства экономический либерализм стал отчетливо доминировать по отношению к со-

циальной политике. Разочарование в этой политике массовых групп и части среднего класса открыто возможность прихода Л.И. де Силва (Лулы) на пост президента. Победа Лулы в 2002 г. после четырех неудачных попыток (тремякратного поражения в 1989, 1994 и 1998 гг. на президентских выборах и поражения 1982 г. на губернаторских выборах в штате Сан-Паулу) стала возможной в результате отторжения большинством населения курса Кардозу, в котором рыночная составляющая стала приоритетной по отношению к социальному измерению его политики. Лула стал персонификацией этого отторжения и олицетворением курса, в основе которого лежало новое сочетание сходной по содержанию с линией Кардозу экономической политики и реализация широких социальных программы, усиление регулирующих и социальных функций государства.

Нахождение оптимального баланса между рыночными мерами и эффективной социальной политикой стало фирменным знаком правления Лулы и обеспечило успех политики модернизации на рубеже XX и XXI вв. Известный французский экономист Ж. Веркей называет это преимуществом «уравновешенного развития». В данном отношении наиболее заметно проявляется действие фактора, обеспечившего успех модернизации в Бразилии. Успех модернизации стал результатом отказа от руководства страны от неконтролируемого дерегулирования и способности руководства осуществлять управление модернизацией «в режиме реального времени», вовремя устраняя диспропорции, с которыми сталкиваются страны с быстро развивающейся экономикой.

Если обратиться к отечественным реалиям, то можно констатировать, что в среде отечественных элит на протяжении последнего двадцатилетия также существовало (и существует) размежевание от носительство стратегии модернизации: на протяжении двадцати лет сосуществовали две позиции в осуществлении политики модернизации. Приверженцы первой линии придерживаются монетарных установок, тогда как их оппоненты выступают за проведение более социально ориентированного экономического курса. Практически весь финансово-экономической блок из нынешнего состава правительства представляет собой относительно сплоченную группу сторонников данной линии. В качестве оппонентов этой политически влиятельной стратегии в разное время выступали различные силы. Так, в начале 1990-х гг. депутаты российского парламента в период острого конфликта с президентом Б. Ельциным выступали за более умеренный вариант реформ.

В конце 1990-х гг. за более сбалансированное сочетание рыночных реформ с социальными программами выступали такие политики, как Е. Примаков и Ю. Лужков (который на практике в Москве стремился к проведению взвешенной социальной политики); в настоящее время к немногочисленным сторонникам данного курса можно отнести нынешнего советника президента России С. Глазьева. При этом практически на протяжении всего двадцатилетия в структуре российской политической элиты доминирующие позиции занимали сторонники монетарной экономической стратегии, рассматривающие финансовую стабильность в качестве главной цели стратегии модернизации.

Однако раскол относительно повестки и стратегии модернизации не был в России главной линией раскола элит: абсолютное большинство внутриэлитных конфликтов — порой ожесточенных — разгоралось не по политико-концептуальным сюжетам, но по мотивам борьба за доступ к эксклюзивным ресурсам. Но даже в ходе сущностных конфликтах можно обнаружить элемент партикулярных интересов. Об этом свидетельствует рассмотрение наиболее значимых внутриэлитных конфликтов последнего двадцатилетия. Среди последних следует назвать следующие: в 1993 г. — конфликт президента и парламента; в 1994—1995 гг. — по поводу конфликта в Чечне; 1996 г. в ходе президентских выборов, когда из высших эшелонов власти была удалена группа Коржакова, ранее — наиболее влиятельный элитный сегмент; осенью 1998 г. после августовского дефолта; 1999 г. — серия сложносоставных внутриэлитных конфликтов, в ходе которых в мае была инициирована попытка процедура импичмента, а в декабре президент Б. Ельцин досрочно ушел в отставку.

Второй президент России В. Путин осуществил масштабное реформирование властного Олимпа посредством конфигурации «властной вертикали», что означало ликвидацию существовавших ранее автономных центров влияния. Анализ субъектного поля российской политики показывает, что после избрания В. Путина Президентом Российской Федерации в этом поле произошли существенные изменения. Ведущими субъектами российской политики при Ельцине обоснованно считались три игрока — федеральная и региональная бюрократия и крупный бизнес. Итоги избирательного цикла 2003—2004 гг. свидетельствуют, что его безусловным победителем стала центральная исполнительная власть, которая не только добилась победы над «право-левой» оппозицией, но и обеспечила себе несомненное преимуще-

ство по отношению к своим «младшим партнерам» — региональной исполнительной вертикали и бизнесу. По итогам избирательного цикла 2003—2004 г. сложилась моноцентрическая политическая конструкция, центром которой является Президент Российской Федерации. В дальнейшем эта конструкция претерпевала некоторую модификацию в период президента Д. Медведева, однако, начиная с 2012 г. вертикаль власти была восстановлена.

Картина внутриэлитных раскладов при Путине существенно сложнее, чем при Ельцине. Эта картина многомерна, полиаспектна и характеризуется пересечением различных оснований дифференциации. Однако отличны не только основания внутриэлитной дифференциации, но также модель отношений между субэлитными группами. Знаменитая ельцинская система «сдержек и противовесов» была выстроена в формате «демократии беспорядка» по формуле «борьба всех против всех». Путинская «вертикаль власти» означает безусловное подчинение субэлитных групп Президенту России. Уже к началу второго президентского срока Путина автономия существовавших при Ельцине центров влияния (Администрация Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Государственная Дума и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, региональные группы влияния) была ликвидирована.

Наиболее заметным конфликтом второго десятилетия стали массовые выступления осени 2011 и зимы 2012 гг. в разгар федерального избирательного цикла. Анализ данных сюжетов показывает, что наряду с концептуальными политическими противоречиями в данных выступлениях содержался также элемент внутриэлитной борьбы как выражение соперничества по поводу обретения и удержания власти. Таким образом, в наиболее значимых конфликтах двух последних десятилетий неизменно присутствовал элемент борьбы за доступ к властным позициям. Причем борьба между различными фракциями отечественной элиты носила порой столь острый характер, что предложенный автором этих строк в публикации в «Независимой газете» термин «террариум единомышленников»¹¹ для определения отечественного сообщества элит неожиданно для автора термина вошел в активный оборот.

Тот факт, что в центре внутриэлитной борьбы находятся не столько вопросы стратегии развития страны, сколько борьба за доступ к ресурсам, характеризует уровень мышления, мировоззренческие установки, ценностные ориентации отечественных элит.

В контексте обсуждения сходных черт модернизации и Бразилии, и России следует обратить на еще одну неслучайную характерную особенность, аналогичную для Бразилии и России. Фирменным знаком современного латиноамериканского стиля лидерства выступает харизматический стиль популизма. Лидерами-популистами в разное время были президент Бразилии Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем¹². Суть этого феномена в том, что лидеры латиноамериканских стран, будучи в большинстве случаев выходцами из высших страт общества, стремятся позиционировать себя как отцов всей нации, как лидеров «над схваткой», обращаясь напрямую, минуя партии, к народу.

Успех провинциального предпринимателя Ф. Коллора, ставшего президентом Бразилии в 1989 г., весьма характерен для обществ периода демократического транзита. Как и в России, избиратели которой интересовались не программами кандидатов, а их речами, действуя порой по принципу «обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад», в Бразилии часто достигался методами медиатизации имиджа кандидата-аутсайдера. Исследователи подчеркивают поразительное сходство стиля В. Жириновского и Ф. Коллор, которые на считанные месяцы избирательных кампаний (1991 и 1989 гг. соответственно) превратились из малоизвестных третьеразрядных фигур в политиков первого ряда.

Значение харизматического популизма в латиноамериканском политическом процессе амбивалентно: с одной стороны, популизм, став инструментом рыночной экономической политики (приватизация, транснационализация), выступил как фактор, благоприятствовавший модернизации, как это было в Бразилии в эпоху Ф. Коллора и в Мексике при К. Менеме. С другой стороны, популизм может означать «не только демократизацию, включение масс в политический процесс, но и — на примере Бразилии начала 1990-х гг. — показать свое „авторитарное лицо“»¹³, то есть торпедировать демократизацию, которая призвана быть значимым элементом модернизационного курса.

Аналогичной выглядит ситуация в России: во второй половине 1980-х гг. популистом был М. Горбачев. В начале 1990-х гг. популистскую эстафету приняли Б. Ельцин и В. Жириновский, ставшие на стезю харизматического популизма: звонкие, но неконкретные лозунги; апелляция к прямой связи с народом (использование Жириновским своей партии ЛДПР это не отменяет); фантастические по своему содержанию, но принципиально невыполнимые обещания — этот стиль

вполне соотносится с тем, что известно по латиноамериканскому опыту. И так же, как в Бразилии этот стиль лидерства привлекал массовые симпатии и выгодно смотрелся после лаконизма и закрытости советских руководителей преклонного возраста.

Рассматривая феномен харизматического лидерства, следует отметить, что апелляция к прямой связи с народом являлась элементом традиционной для России модели отношений в треугольнике «верховная власть-аристократия-массовые группы», которая существовала на протяжении длительного исторического периода — начиная с XV в. и вплоть до середины XX в. Эту модель И. Солоневич определял как «народную монархию», призванную обеспечить социальную поддержку верховной власти со стороны массовых групп населения в период модернизаций, нередко сопровождавшихся в России репрессиями в адрес управленческого слоя (как это было в периоды правления И. Грозного, Петра Великого и И. Сталина). Репрессии были призваны обеспечить максимальную эффективность управленческого слоя и обеспечить социальную опору верховной власти в ее противостоянии с боярством, аристократией, номенклатурой. Если же обратиться к современным примерам исхода XX в., то очевидно, что в случае Ельцина и Жириновского это сходство было формальным и носило сугубо имиджевый характер.

Сходство лидерского стиля в Бразилии и России дополняется *близостью характеристик массового сознания и поведения в обеих странах*, где накануне шоковой терапии наблюдалось состояние эйфории, ожидание чуда, одномоментного вхождения в рыночный рай, восприятие лидера страны в качестве мессии, который одним махом осчастливит всех обездоленных.

Наличие отмеченных выше сходных черт не отменяет отличий бразильского и российского опыта.

Во-первых, стоит отметить *разносторонность повесток модернизации в России и Бразилии*¹⁴: если в первом случае важнейшей модернизационной задачей исторического масштаба была трансформация государственного социализма и его преобразование в систему рыночных отношений, то во втором случае речь шла о лишь расширении сферы рыночных отношений сил за счет урезания полномочий государства¹⁵.

Вторым существенным различием Бразилии и России является *отличия алгоритмов модернизации*: если в России заданный ориентированный с начала 1990-х гг. преимущественно на монетарные императивы вектор экономической политики не претерпел существенных изме-

нений на протяжении всего последнего двадцатилетия, то в Бразилии первоначальная монетарная модель не стала догмой и в начальный план были внесены существенные коррективы в пользу диверсификации и расширения повестки. Бразильская модель экономического роста отличалась от тех, что стали основой экономического успеха Китая и азиатских тигров. «Экономический подъем Бразилии стал возможным диверсифицированному характеру экономического роста, опиравшемуся одновременно на иностранный капитал, развитие внутреннего рынка и завоевание внешних рынков», отмечает Ж. Веркей¹⁶.

Существенно *отличался в двух странах и темп модернизации*: в Бразилии был реализован реформистский, а не революционный; умеренный, а не радикальный алгоритм преобразований: «Отличительной чертой именно бразильского варианта переходного периода явился постепенный характер этого перехода: не путем резкого разрыва с прежним политическим устройством, а посредством плавного перевоплощения одного качественного состояния в другое — в полном соответствии с бразильской политической традицией нерадикального разрыва с прошлым», — отмечает Л. Окунева. Причем умеренные алгоритмы проведения политического курса характерны и для периода демократического транзита (1985–1994 гг.), и для «эры Кардозу» (1995–2002 гг.), и для «эпохи Лулы» (с 2003–2010 гг.)¹⁷. Стоит отметить, что, несмотря на авторитарное наследие военной диктатуры, даже в условиях острых конфликтов между ветвями и уровнями власти, между различными политическими фракциями внутри федеральной элиты¹⁸ данные конфликты не обретали формата войны, а стороны конфликтов не прибегали к силовым стратегиям: ни один из президентов не прибегал к крайним репрессивным или насильственным мерам. Примером цивилизованного разрешения конфликта может служить отстранение президента Ф. Коллора от власти в 1992 г. в результате коррупционного скандала посредством процедуры импичмента. Даже Лула, заметно отличавшийся по своим политическим ориентациям от своих предшественников, форсируя социальную составляющую своего курса, не совершал резких политических виражей.

Приверженность согласительным способам разрешения конфликтов стала проявлением свойственной Бразилии традиции неконфликтного расставания с историческим прошлым: никакой из исторических периодов, включая период репрессивной диктатуры военных, не квалифицируется в качестве «черной дыры» истории¹⁹. Даже проводившееся

при Кардозу расследование судеб репрессированных и пропавших без вести в период правления военных не сопровождалось демонизацией этого периода.

Но главное отличие модернизации Бразилии и в России, являющееся несомненным следствием реализуемых элитами двух стран различных политик модернизации, предстают результаты этих политик и траектории эволюции двух политий: если Бразилия уверенно движется по траектории движения от традиционного к современному обществу, то в России фрагментарная (по ряду значимых параметров было зафиксировано существенное ухудшение²⁰), модернизация отдельных отраслей и территорий сопровождается частичной архаизацией ряда социальных сегментов.

Содержательная коррекция приоритетов модернизации стала возможной благодаря такой особенности Бразилии, которая роднит ее с азиатской (китайской и НИС), но существенно отличает от российского опыта. Аффилированные с отечественным государством элитные группы не смогли осознать значимые перемены в концептуальном арсенале и практиках модернизации начала XXI в., основанных на концепции *knowledge-based economy*. Невостребованность современных моделей модернизации в России и слабость государственных институтов в качестве модернизационных агентов взаимно обуславливают друг друга: поскольку являющееся основой *knowledge-based economy* развитие человеческого потенциала является исключительной прерогативой государства, вне целеполагающей и целереализующей роли государства реализация релевантных *knowledge-based economy* модернизационных концепций невозможна.

Несмотря на то, что уровень экономического и социального развития Бразилия на старте модернизации серьезно уступал российскому, главное достижение Бразилии состоит в том, что в течение последних 15 лет удалось перейти от доминировавшей в период военной диктатуры 1970–80-х гг. формулы «*рост без развития*» к формуле «*рост плюс развитие плюс благосостояние населения*»²¹. Причем инструментом достижения столь впечатляющих качественных результатов стало использование современных концепций модернизации и опыта наиболее экономически развитых стран, который показывает, что ключевым механизмом развития выступает *развитие человеческого потенциала*. При этом следует отметить роль фактора квалифицированного управления, который позволял скорректировать приоритеты модернизационного

процесса: если в начале 1990-х гг. важнейшим приоритетом была либерализация, то в начале нового века концепция изменилась в пользу более социально-ориентированной модели. Следует особо подчеркнуть, что данный поворот был обусловлен не только стремлением преодолеть вызванные ускоренным ростом диспропорции, но также стал результатом осмысления современных концепций модернизации — модели knowledge-based economy, основанных на развитии человеческого потенциала.

В развитых странах развитие человеческого капитала является ресурсом и фактором создания knowledge-based economy; в развивающихся обществах — инструментом преодоления бедности и разрыва порочного круга «бедность—необразованность—бедность», что отличает современные модернизации от их классических догоняющих версий, основанных, как известно, на представлениях о первоочередности экономического по отношению к социальному: «Сегодня мы наблюдаем инверсию социального и экономического по сравнению с периодом индустриализации: социальное выдвигается на первый план, экономическое подчиняется его императивам»²².

Таким образом, развитие человеческого потенциала посредством форсированных инвестиций в развитие человеческого капитала стало ключевым механизмом достижения модернизационных успехов.

Как отмечалось выше, Россия имела более благоприятные, чем Бразилия, стартовые условия модернизации в начале этого пути. Однако эти преимущества не были должным образом конвертированы в модернизационные достижения. Более того, по ряду направлений не только не было достигнуты ощутимых результатов, но частично были утрачены передовые позиции (авиастроение, космос, ВПК и др.). Наблюдатели уже в 1994 г. констатировали частичную де-индустриализацию как в области экономики, так и в области социальных отношений.

В частности, речь идет о том, что отличительной чертой сложившейся в России 1990-х гг. системы отношений корпоративного сектора и государства была высокая степень «приватизации» институтов государства кланово-корпоративными структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций. Существенное ослабление роли государства в этот период не было «побочным продуктом» процесса трансформации российского общества или простой случайностью, ибо именно ресурсы государства — финансовые, административные, политические и иные — стали источником влия-

ния крупнейших политико-финансовых структур. Это обстоятельство явилось наиболее наглядным признаком происшедшей в ходе реформ 1990-х гг. существенной трансформации модели элитообразования: источником политического влияния в постсоветской России стала собственность.

Сложившаяся в первое постсоветское десятилетие система отношений государства с кланово-корпоративными структурами существенно отличалась от западного стандарта второй половины XX в., поскольку для последнего характерно сохранение автономности государства по отношению к кланово-корпоративным структурам²³. Это дает основание диагностировать наличие элементов деформации в сопоставлении с референтной моделью. В качестве критерия деформации можно рассматривать *тенденцию квази-феодализации*²⁴ модели элитообразования, о чем свидетельствует высокая степень самодостаточности корпоративных структур и приватизация ими прерогатив публичной власти. Таким парадоксальным образом в России 1990-х гг. произошла реконструкция европейской модели элитообразования феодального, а не современного Запада.

Таким образом, можно констатировать, что произошедшая в России 1990-х гг. архаизация организации элит стала «спусковым механизмом» частичной архаизации важных элементов социального уклада и повлекла за собой не полноценную модернизацию, а частичную архаизацию.

Стоит обратить внимание на то, что отмеченные выше элементы архаизации наиболее наглядно просматриваются в той сфере, которая была призвана локомотивом заявленной в качестве цели постиндустриальной модернизации, а именно в сфере социальной сфере.

Программные политические документы, включая Послания Президента России Федеральному Собранию, в качестве ключевой цели государственной политики России постулируют обеспечение конкурентоспособности страны²⁵. Однако на практике заметными чертами российской трансформации стало существенное ослабление государства, активная роль которого стала фирменным знаком успешных модернизаций в странах, и значимое сокращение государственной поддержки образования, науки, культуры, здравоохранения. В итоге формулой российской модернизации остается формула *«рост без развития»*, поскольку показатели экономического роста достигаются за счет экстенсивных факторов (экспорт энергоносителей).

Но даже с экономическим ростом в России не все благополучно. На фоне роста в 2013 г. мировой экономики 3% в год Российская Федерация показала вдвое меньший рост — 1,5% при том, что цена за нефть стала выше прогнозной — не 97, а 108–110 долл. за баррель и при том, что 2013 г. прошел на фоне относительно благоприятной мировой конъюнктуры. Максимально возможный экономический рост в 2013 г. будет меньше не только прошлогодних 3,4%, но и официального прогноза на 2013 г. — 1,8%.

Уроки опыта модернизации стран БРИК, которые могут рассматриваться как элементы успешной стратегии модернизационных элит:

Анализ опыта модернизационных успехов стран БРИК показывает, что нет единой модели, обеспечивающей качественный экономический результат при любых обстоятельствах. В частности, представления о безальтернативности классических моделей экономического управления не подтвердились. Веркей подчеркивает, что опыт стран с быстро развивающейся экономикой «противоречит теории свободного обмена... Опыт стран с формирующимися рынками противоречит теории свободного обмена... если бы БРИКС проводили политику, соответствующую теории свободного обмена, то быстрый подъем их экономик не состоялся бы»²⁶. Это означает критически важное значение эффективности управления модернизацией, а значит, означает особую роль политического руководства этим процессом — способность эффективного целеполагания и целереализация, адогматичность и способность к гибкой коррекции курса, нейтрализации возникающих в ходе ускоренного роста социальных эффектов. Подтвердилась нетождественность понятий роста и развития: последнее, помимо улучшения свойственных росту количественных показателей, предполагает *качественное* развитие ключевых социальных параметров. Важнейшие среди них: высокий уровень человеческого развития (измеряемый Индексом человеческого развития, включающим доход на душу населения; продолжительность жизни, качество образования), технологический и научный потенциал экономики, расходы НИОКР как показатель способности страны к совершенствованию технологий производства.

Рассмотрение опыта руководства модернизацией в странах БРИК позволяет отметить ряд условий, необходимых для экономического успеха:

1. Выбор модели модернизации, релевантной цивилизационным и структурным условиям страны и позволяющей использовать конкурентные преимущества; при этом модели модернизации

- должны учитывать современные тенденции в трансформации модернизационных моделей.
2. Постепенность и эволюционный характер в осуществлении преобразований;
 3. Гибкая коррекция проводимого курса на основании постоянного мониторинга достигаемых на каждом этапе результатов;
 4. Значимая роль государства как института, способного к эффективному целеполаганию и целереализации; активная роль государства характеризует также опыт успешных модернизаций в новых индустриальных странах;
 5. Использование преимущественно компромиссных стратегий, позволяющих избегать крупномасштабных политических конфликтов;
 6. Успех модернизационных стратегий может быть достигнут в рамках различных политических режимов (успех НИС и КНР были достигнуты в условиях авторитарных политических режимов).

¹ Джим О'Нилл (Jim O'Neill), Goldman Sachs. Dreaming with BRICs: the path to 2050 <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/99-dreaming.pdf>

² Vercueil J. Les pays émergents: Brésil-Russie-Inde-Chine... Mutations économiques et nouveaux défis.-2-édition. — P.: Breal, 2011. P.9–10.

³ Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта. М.: МГИМО, 2008. С. 347.

⁴ Окунева Л. С. Указ. соч. С. 348.

⁵ Впрочем, чеченские войны не правомерно рассматривать только как противостояние центра и регионов: конфигурация конфликтов и коалиций имела более сложные траектории.

⁶ Окунева Л. С. Указ. соч. С. 374.

⁷ Best H., Cotta M. (eds.) 2000. Parliamentary Representation in Europe 1848–2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. Oxford; Cotta, M. and Best, H. (eds) (2007) Democratic Representation in Europe: Diversity, Change and Convergence, Oxford: Oxford University Press; Gaman-Golutvina O. Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective, In: Semenova E., Edinger M. and Best H., eds. Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Routledge. 2014.

⁸ Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Гаман-Голутвина О., Пляйс Я., отв. ред. Парламентаризм в России и Германии: История и современность — М.: Роспэн,

2006; Гаман-Голутвина О. Российский парламентаризм: историческая традиция и персональный состав депутатского корпуса // ПОЛИС. 2006. № 2—3.

⁹ Окунева Л. С. Указ. соч. С. 374—375.

¹⁰ Vergueil J. Op. Cit. P. 82.

¹¹ Гаман-Голутвина О. Террариум единомышленников // Независимая газета. 2.06.1999.

¹² Окунева Л. С. Указ. соч. С. 369.

¹³ Окунева Л. С. Указ. соч. С. 368.

¹⁴ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore—London, 1996.

¹⁵ Подробнее см.: Гаман-Голутвина О., Пляйс Я. Парламентаризм в России и Германии. М.: Росспэн, 2006.

¹⁶ Vergueil J. Op. Cit. P. 80—90.

¹⁷ Окунева Л. Указ. соч. С. 351, 761—764.

¹⁸ В данном случае уместно упомянуть предложенную Д. Сартори дихотомию «политика как война» и «политика как торг». Конфликты бразильской элиты не обретали формат «политики как войны».

¹⁹ Окунева Л. Указ. соч. С. 399.

²⁰ В России в январе 1992 г. инфляция составила 250%; а в целом за год достигла отметки 2500%, падение ВВП составило 15—20 %, а за период 1992—1998 гг. ВВП сократился на 40%, объем инвестиций — на 80%. В 1994 г. около трети населения получали доход ниже прожиточного минимума. В 1992—1994 гг. наблюдался двукратный рост убийств; число самоубийств увеличилось на 43%; смертность от потребления алкоголя — на 183% (Веркей С. 114—118). «В отличие от Бразилии, Китая и в некоторой степени Индии, Россия не смогла до сих пор ни диверсифицированно интегрироваться в мировую экономику, ни в достаточной степени укрепить свой внутренний рынок» (Vergueil J. Op. Cit. P. С. 121—122). В России и единственной из всех стран БРИКС наблюдался не рост, а падение производительности труда. В ходе приватизации предприятия начали сбрасывать социальную сферу, в результате чего в условиях вакуума государства население лишилось доступа к социальным услугам (Vergueil J. Op. Cit. P. С. 153, 163).

²¹ Окунева Л. С. Указ. соч. С. 757.

²² Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. С. 144—145. Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. В., Олейник А., ред. Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций. — М.: РОССПЭН, 2008.

²³ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore—London, 1996;

Borchert J. and Zeiss J. (eds.). *The Political Class in Advanced Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2003; Page C. and Wright V. (eds.). *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford University Press, 1999; Schwarzmantel J.J. *Structures of Power. An Introduction to Politics*. Brighton: Wheatsheaf Books, 1987; Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. — 1997. — № 5.

²⁴ В этой связи уместно упомянуть предложенную Г. Москвой дихотомию, в рамках которой проводилось разграничение между феодальным и бюрократическим типами организации власти. Напомним, что термин «феодальный» Москва использовал для характеристики слияния экономической и политической власти, вследствие которого государство превращается в конгломерат самостоятельных образований.

²⁵ Понятие конкурентоспособности включает не только экономические критерии. Так, в предисловии к Всемирному докладу по конкурентоспособности (2006–2007 гг.) признано, что из девяти критериев конкурентоспособности лишь четыре — сугубо экономические; прочие в той или иной мере имеют «социальное измерение». Режим доступа: http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gcr_2006/chapter_1_1.pdf; см. также Иноземцев В. Призрак конкурентоспособности // независимая газета // 11.04.2007.

²⁶ Vergueil J. Op. Cit. P. 128–135.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема глобального управления выходит на первый план в международных исследованиях конца XX — начала XXI вв. В чем причина такого интереса к проблеме?

Термин «глобальное управление» в широкий оборот был введен В. Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению (“Commission on Global Governance”). Комиссия была создана для рассмотрения того, как можно совместными усилиями решить такие проблемы, имеющие отношение к миру в целом, как экология, борьба с бедностью, болезнями и т.п. В конце XX в. проблематика глобального управления значительно расширяется: в нее включаются фактически все политические проблемы, с которыми сталкивается современный мир.

Одним из наиболее традиционных ответов на вопрос о причинах популярности проблематики глобального управления в конце XX в. становится окончание «холодной войны» и распад биполярной системы международных отношений. До сих пор данное объяснение остается наиболее распространенным. Несомненно, распад биполярной системы стимулировал поиски ответа на вопрос, как должно строиться управление современных международных отношений. Конфигурация взаимодействия ведущих держав разрушилась. Более того, не очевидно, что пришло ей на смену.

Но все же окончание «холодной войны» было не единственной причиной, заставившей обратиться к вопросам глобального управления. Мир в конце XX в. оказался более сложным, чем модель взаимодействия наиболее сильных государств. Так, еще одним стимулом интереса к вопросам глобального управления стало общее развитие различных наук по вопросам управления, включая разработку тех аспектов, которые связаны с поиском алгоритмов действий. Это не могло не повлиять на интерес к вопросам глобального управления. Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что данные этих наук до сих пор не были в полной мере востребованы и использованы в международных исследованиях.

И все же основным мотивом, побудившим исследователей заняться проблемой глобального управления, стали кардинальные из-

менения, произошедшие в политической системе мира. Это процессы транснационализации связей и отношений; принципиально иные масштабы деятельности негосударственных акторов на международной арене, развитие научно-технической революции, которая сделала слабого сильным с точки зрения возможного нанесения ущерба другим и т.п. Все эти изменения также пришлось на окончание XX столетия и продолжают до сих пор.

Распространение глобализации и противостоящего ей изоляционизма, который реализуется, в том числе, в виде различных анклавов, усилили процессы перестройки политической системы мира.

Все это привело к процессам хаотизации и плохой предсказуемости мировых политических процессов. Знаменитая фраза В. Шекспира: «Неладно что-то в датском королевстве...», — как нельзя лучше подходит к характеристике современного мира. И дело не в том, что сегодня слишком распространены являются вооруженные конфликты, террористические акты, политические и экономические кризисы, или, что жизнь становится все более беспокойной и «опасной». Конфликтов и опасностей у жителей средневековой Европы, античной Греции, Древнего Египта и т.д. было, наверное, не меньше. Но сегодня мы столкнулись с тем, что, с одной стороны, есть вроде бы общее понимание того, что надо что-то делать в области мировой политики и международных отношений, чтобы обеспечить мирное и поступательное развитие человечества, с другой — наличием не слишком больших успехов предпринимаемых в этом плане шагов. В результате в лучшем случае удается как-то сдерживать «старые угрозы», но сразу же появляются «новые».

Представляется, что политическое развитие мира не является чем-то особенным и, как и любое другое развитие, претерпевает стадии эволюции, когда новые структуры выстраиваются постепенно, и революционные фазы быстрых и качественных смен одних структур на другие. По всей видимости, именно такую революционную смену политической структуры мира мы наблюдаем сегодня. Не случайно некоторые авторы увидели аналогии между развитием мира на рубеже XX—XXI вв. и средневековой Европой и заговорили о новом средневековье¹. И тогда, и сейчас довольно остро ощущались и ощущаются процессы, связанные с хаотизацией, плохо предсказуемостью политического развития.

Соответственно, в стадии эволюционного развития преобладают процессы, связанные с упорядочиванием структур, а в революционной

стадии, напротив, — процессы хаотизации, характеризующиеся распадом существующих структур и процессом создания новых.

Именно этап хаотизации переживает современная политическая организация современного мира². А это требует, по крайней мере, минимизации издержек, связанных с плохо прогнозируемым развитием. Отсюда и интерес к глобальному управлению, т.е. к попыткам ответить на вопрос, как сделать развитие политических процессов в мире более управляемым? Не случайно, главной темой Конвента Международной Ассоциации международных исследований (International Studies Association), который прошёл в Монреале в 2011 г. стало: «Глобальное управление: транзит политической власти (Global Governance: Political Authority in Transition)³.

В практическом плане также ощущается потребность в глобальном управлении. Дискуссии о реформе ООН и других межправительственных организаций — один из индикаторов этой потребности. Существует и множество других вопросов, которые также связаны с проблемой глобального управления. Это и обсуждение архитектуры европейской безопасности, и противодействие терроризму, и недопущение экономических кризисов и т.п. Однако в целом сегодня о глобальном управлении говорить не приходится, скорее, речь идет о подходах к регулированию мировых политических процессов. Тем не менее, термин «глобальное управление» широко используется в научной литературе, поэтому нет оснований отказываться от него.

Попыток дать ответ на вопрос о том, что делать для упорядочивания мирового политического развития много. В конце 1990-х — начале 1990-х годов довольно популярной становится идея глобального правительства, обусловленная волной демократизации и статьей Ф. Фукуямы о «конце истории». При этом глобальное правительство понималось подобно национальному правительству, но во всемирном масштабе⁴. Отголоски этой идеи появляются в российских исследованиях до сих пор, но с прямо противоположным знаком по отношению к исходному тезису, а именно, как «всемирный заговор» крупного капитала против трудящихся.

Тем не менее, большинство исследователей, в том числе и российских, видят проблему глобального управления в развитии международных организаций⁵, а также совершенствовании механизмов и форм дипломатии, особенно многосторонней дипломатии⁶.

Представляется, что развитие этих направлений является очень важными для понимания и формирования глобального управления, но

недостаточными. Поскольку современный этап хаотизации обусловлен процессами, происходящими на уровне политической системы мира в целом, то без ее реформы, невозможно создание эффективных механизмов глобального управления.

В настоящее время трудно сформулировать даже основные контуры глобального управления, поскольку политическая система мира находится в процессе трансформации. Тем не менее, можно дать основные принципы, на основе которых должно строиться глобальное управление.

Первый принцип, вытекающий из трансформации политической системы мира, заключается в том, что необходим *целостный подход* к проблеме глобального управления. Это означает, что реформы отдельных организаций, включая ООН, безусловно, важны и необходимы. Однако реформирование политической системы мира не есть сумма реформ отдельных организаций, институтов и/или механизмов. Иными словами, не отрицая реформы отдельных организаций, следует продумать общие параметры политической организации мира, которые бы отвечали современным реалиям. Далее, исходя уже из этих параметров, следует заниматься реформами отдельных организаций. Иными словами, представляется, что реформы необходимо проводить, видя целостную картину того, какая политическая система мира выстраивается.

Второй принцип заключается в *развитии многоуровневых механизмов управления*, предполагающих не только участие разных государств в глобальном управлении (что соответствует принципу многостороннего управления), но и различных акторов: государств, межправительственных организаций, бизнеса, международных НПО и т.д., поскольку современная международно-политическая реальность более не сводится к исключительно межгосударственному взаимодействию, как было ранее. Встает задача выстраивание новых механизмов глобального управления с учетом этих появившихся новых реалий. Включение негосударственных акторов в процесс глобального управления — довольно сложный процесс, хотя он, по сути, уже идет.

Если во второй половине XX в. в дипломатии развивались такие формы, как многосторонние встречи и встречи на высшем уровне, то в конце XX в. — начале XXI в. в результате указанных изменений все большее распространение получают многоуровневая дипломатия. В современном мире все чаще наблюдается совместное участие госу-

дарств, межправительственных организаций, международных неправительственных организаций в решении политических проблем. Эта деятельность характерна не только под эгидой ООН, но и в рамках других международных организаций, а также различных конференций, форумов и т.п. Одним из примеров подобного рода многоуровневого и многостороннего характера принятия решений может служить Всемирный саммит по вопросам информационного общества, созванного в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. На втором этапе Саммита, которой прошел в Тунисе в 2005 г. приняло участие более 19 тысяч человек — представители государственных структур, деловых кругов и гражданского общества из 175 стран мира, а также ряд международных организаций. Около 50 делегаций возглавляли главы государств. Результатом работы стало принятие решений по таким дискуссионным вопросам, как управление Интернетом, преодоление цифрового разрыва между «Севером» и «Югом». Правда, впоследствии возникли проблемы, обусловленные сложностью согласований. Стали выдвигаться предложения о сведении к минимуму деятельности неправительственных организаций. Тем не менее, наличие подобных вопросов не означает невозможность применения принципов многоуровневости и многосторонности в мировой политике.

При использовании инструмента многоуровневой дипломатии возникает также проблема того, что слишком большое количество участников с разными интересами и принадлежностью к разным структурам вовлекаются в обсуждение вопросов. В этих условиях выйти на согласование оказывается довольно сложно. Для преодоления сложностей можно использовать поэтапный подход, когда сначала к обсуждению приглашаются все заинтересованные стороны, в том числе, и негосударственные акторы. На этом этапе выявляются интересы, позиции участников, их подходы к решению. Это своеобразный «мозговой штурм». Далее определяются участники второго этапа переговорного процесса — те, кто реально желают и могут решить проблему. Однако при выработке решения они должны учитывать мнения и позиции других участников, сформулированные на первом этапе⁷.

Следующая проблема применения принципа многоуровневости состоит в том, что современный мир включает в себя многих акторов, которые прибегают к насилию или угрожают насилием, в том числе, террористические, националистические, экстремистские организации и т.п., иными словами — негосударственных акторов, использующие

насилие и незаконные действия (violent non-state actors — VNSA). Вовлечение таких акторов в переговорный процесс в целях глобального управления практически невозможно и в определенном смысле бесполезно, но игнорировать их также нельзя. Представляется, что общая линия поведения здесь должна быть направлена на то, чтобы взаимодействовать с теми слоями в этих структурах, которые занимают умеренную позицию, и постепенно сдвигать их в сторону принятия общепринятых норм поведения. Так, Е. М. Примаков показывает, что борьба с терроризмом не может быть основана на противопоставлении ислама другим религиям. Более того, пишет он: «Борьба против международного терроризма неэффективна без участия в ней, причем в первых рядах, мусульманских стран и организаций... Умеренные исламские режимы, равно как и светские режимы в государствах с мусульманским населением, не находятся по одну сторону баррикады с террористами»⁸. Поэтому возникает возможность сотрудничества и диалога с умеренными представителями ислама, с теми, кто видит возможность развития и эволюции современной политической системы мира, а не замены ее с помощью террористических методов на иную систему, основанную на принципах всемирного халифата.

Следующий принцип — это принцип *диалога*. Следует отметить, что идея *диалога*, хотя близка, но не тождественна переговорному процессу. В исследованиях переговоров хорошо показано, что существует наличие двух стратегий: совместного с партнером анализа проблемы и торга⁹. Торг предполагает ориентацию на собственный максимальный выигрыш, в то время как совместный с партнером анализ проблемы ориентирован на учет интересов противоположной стороны, иными словами, на диалог с ним. Поэтому решения, достигнутые в результате совместного с партнером анализа проблемы, дают долгосрочные результаты, хотя, с точки зрения краткосрочных выгод, торг может оказаться предпочтительнее,

Международный диалог и взаимодействие с другими государствами гораздо более сложная задача, чем стратегия прямых, «лобовых» атак. Диалог требует времени и знаний своей, а также другой культуры. Международный диалог не может быть односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение».

Удивительно, но на этот факт мало, кто обращает внимание. Даже те авторы, которые подчеркивают необходимость не только силового воздействия на мировой арене, исходят из того, что это воздействие

является по сути односторонним. Так, Дж. Най, разрабатывая свою концепцию «мягкой силы», полагает принципиально важным наличие способности «побудить других желать того же, чего хочешь сам»¹⁰. Это, согласно Дж. Наю, не прямой метод реализации власти.

Концепция «мягкой силы» была взята на вооружение, хотя и не сразу, а спустя некоторое время при формировании американской внешней политики в отношении мусульманских стран после трагических событий 11 сентября 2001 г. Казалось бы, «мягкая сила» направлена на «завоевание» как раз умеренных представителей мусульманского мира в совместной борьбе с терроризмом. Однако главным недостатком данной концепции (было высказано много критики в отношении данной концепции, справедливой и не совсем) является как раз то, что противоположная сторона рассматривается как просто воспринимающая предлагаемую информацию. В этой логике основной задачей является как можно лучше преподнести необходимую информацию, сделать ее привлекательной. На самом деле все гораздо сложнее. Другой (человек, государство, тот или иной актор и т.п.) не является неким «площадком», за который борются разные силы. Субъект всегда активен, поэтому важно не столько воздействие на него, сколько взаимодействие с ним.

Формы и форматы диалога могут быть совершенно разные: это и переговоры, и различные дискуссионные площадки по типу Давосского форума и т.п.

Своего рода «связующим» принципом между диалогом и многоуровневостью является принцип *интерактивности*. Он предполагает вовлечение в процессы глобального управления широких масс, учет их мнений и интересов. Интерактивность должна использоваться для постоянной настройки и самонастройки системы глобального управления.

Механизмы интерактивности могут быть также различными. Массы все больше включаются в современные политические процессы, используя, в том числе, и современные средства информации и мобилизации, такие как сотовую связь, социальные сети, блоги и другие. Например, фактор влияния социальных сетей на развитие политических процессов невозможно сегодня игнорировать.

В качестве следующего принципа глобального управления может быть предложена идея «*зоны ближайшего развития*». Представления о «зоне ближайшего развития» были сформулированы в психологии Л. С. Выготским и заключаются в том, что если мы хотим «управлять»

развитием, то повлиять можно только на так называемую «зону ближайшего развития», задавая из начальной точки будущую траекторию дальнейшего движения. Другими словами, речь идет о том, чтобы выстраивать траекторию развития постепенно и планомерно, не забегая далеко вперед, поскольку это невозможно.

Применительно к глобальному управлению такая зона ближайшего развития (здесь было бы точнее говорить о «зоне ближайших изменений») состоит в том, что действия актора «подтягивают» структуры в том или ином направлении. В качестве структур могут выступать нормы, правила поведения, а также материальная сфера экономики, уровень вооружений и т.д. Совокупность измененных структур в результате деятельности различных акторов формируют своеобразный «коридор» для новой деятельности и т.д. Накопленные изменения ведут к ломке прежних и формированию принципиально новых структур, которые нередко воспринимаются как «неожиданные» или «внезапные». Теоретическая апробация данной модели была проведена на материале конфликтов и показано, что в периоды эволюционного развития конфликты особо значимыми оказываются структуры (факторы), а в кризисе — деятельность лидеров (акторов)¹¹.

Наконец, еще один принцип, использование которого представляется перспективным в развитии современного глобального управления. Пока он сформулирован только в общем виде в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г.¹² Речь идет о *сетевой дипломатии или сетевом взаимодействии*. К сожалению, дальнейшей должной разработки ни на теоретическом, ни на практическом уровнях данная идея пока не получила. По сути же, сетевая дипломатия представляет собой механизм решения международных проблем по сетевому принципу, когда наиболее заинтересованные в решении той или иной проблемы участники выступают своего рода организационными, интеллектуальными, финансовыми и т.п. центрами. Эти центры увязываются, как между собой, поскольку один и тот же актор включен в решение многих проблем (в каких-то случаях — в качестве центра, в каких-то — просто участника), так и с ООН, являющейся главным координатором процессов глобального управления.

Развитие идей и организационных форм сетевой дипломатии могло бы быть важным вкладом России в глобальное управление. Это особенно важно, если принять во внимание соображение, высказанное С. Стрэндж о том, что будущее определяют не армии или ресурсы, а то,

насколько участник международного взаимодействия окажется влиятельным при определении новых «правил игры», т.е. тех норм и принципов, на основе которых будет строиться взаимодействие¹³.

Перечисленные принципы глобального управления — целостный подход; развитие многоуровневых механизмов; ориентация на диалог, имеющий двухстороннюю направленность; выявление «зоны ближайшего развития»; сетевое взаимодействие — разумеется, не являются исчерпывающими. Одна из дальнейших задач исследований в области глобального управления состоит как раз в том, чтобы выявлять и формулировать новые принципы, на основе которых должно формироваться глобальное управление в мире, отвечающее современным реалиям и способам управления.

Особо стоит вопрос о роли России в системе глобального управления. Россия имеет огромные ресурсы. Причем, речь идет не о природных ресурсах, которыми, безусловно, располагает страна, а о российских политических ресурсах¹⁴. Так, Россия включена в систему международных институтов и организаций, занимающих сегодня лидирующее положение в решении мировых политических проблем. Прежде всего, это Совет Безопасности ООН, а также целый ряд других международных организаций и институтов, среди которых все с большей очевидностью проявляются возможности, так называемых «клубных форматов» — «Группы двадцати», БРИКС.

Представляется, что через различные структуры, в которые входит Россия, она могла бы постепенно выстраивать новую политическую систему мира, основываясь на принципах, сформулированных выше. Выстраивание новой политической системы мира в современных условиях необходимо основывать на научной экспертизе. Поэтому важно стимулировать научные разработки в этой сфере.

¹ См., напр., Kaplan Robert D. *The Coming Anarchy* // Mansbach Richard W., Rhodes Edward. *Global Politics in a Changing World. A Reader*. — Boston, New York Houghton Mifflin Company, 2000. — P.105–115.

² Подробнее см.: *Метаморфозы мировой политики* / М.М. Лебедева (ред.). — М.: МГИМО (У), 2012.

³ Сайт International Studies Association. Режим доступа: <http://www.isanet.org/meetings/past-meetings.html#2011>

⁴ См. напр., Finkelstein L. *What is Global Governance?* // *Global Governance*, 1995. — Vol. 1. — P. 367–372.

- ⁵ См., напр., Handbook of Transnational Governance. Institutions and Innovations / Th. Hale, D. Held (Eds.). — Cambridge: Polity Press, 2011; Барабанов О. Н., Голицын В. А., Терешенко В. В. Глобальное управление. — М.: МГИМО (У), 2006.
- ⁶ См., напр., Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy. — L.: Routledge, 1995; Sharp, P. Diplomatic Theory of International Relations. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- ⁷ Пример возможности такого поэтапного решения на материале выработки Договора о европейской безопасности обсуждается в статье: Лебедева М. М., Юрьева Т. В. Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты (в печати).
- ⁸ Примаков Е. М. «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М., Российская газета, 2009. — С. 43.
- ⁹ См. Raiffa H. The Art & Science of Negotiation. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982; Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения: Пер. с англ. — М.: Наука, 1990; Лебедева М. М. Технология ведения переговоров. — М.: Аспект Пресс, 2010 и др.
- ¹⁰ Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. — Oxford: University Press, 2002. — P.8.
- ¹¹ Лебедева М. М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 5. — С.31–39.
- ¹² Концепция внешней политики Российской Федерации, 2008 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>
- ¹³ Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. — Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1996.
- ¹⁴ Подробнее см.: Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике / Понимание. — 2014. — № 1. — С. 99–108.

«КЛУБНЫЕ» МЕХАНИЗМЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Со времени окончания «холодной войны» и развала социалистической системы и Советского Союза прошло уже более двух десятилетий, тем не менее, до сих пор не произошло окончательного закрепления параметров новой международной системы. Однополярный мир, возможность создания которого реально существовала в первое пост-биполярное десятилетие, потерпел неудачу, и разнонаправленные и разноплановые усилия многочисленных игроков на международной арене до сих пор не способствовали осуществлению устраивающей всех реформы международной системы. Более того, сегодняшняя ситуация вокруг Украины и беспрецедентное в пост-биполярных условиях противостояние условного «Запада» и России, фактически, еще более разбалансировали международную среду. Соответственно нынешняя система глобального управления остается неустойчивой, а существующие формальные и неформальные международные институты либо не справляются, с поставленными задачами, либо сами находятся в процессе определения своего места и роли или же пересмотра направлений собственных усилий.

Также меняются параметры возможного развития системы. В условиях глобализации в соответствии с разработками ряда политологов¹ сама транснациональная система и феномен глобализации становятся итогом развития всех империй, в том числе и ныне существующей, перешагнув материальные пространственные пределы и оказывая воздействие на саму сущность отдельных элементов системы, в том числе человека. Отсюда, несмотря на безоговорочное сохранение на данном этапе роли суверенных государств, встает вопрос о наличии параллельной, но одновременно пересекающейся с официально принятой, структуры мироуправления, построенной на сетевых принципах, с главными действующими лицами, выполняющими разные роли в обеих параллельных структурах:

- Системе мирового регулирования суверенных государств как самостоятельных субъектов и самоорганизованных в соответствии с политической теорией в условиях анархии в международные институты различного типа;

- Сетевой модели наднациональной организации индивидов, обладающих достаточной долей политических, финансово-экономических, военных и идеологических полномочий для включения в пул глобальной управляющей элиты в рамках построения нового типа мирового порядка.

В рамках же первого уровня миропостроения проблема состоит в том, что в рамках международного сообщества (суверенных государств) не достигнут консенсус относительно формы и содержания оптимального мироустройства и места каждого из игроков в нем. Если раньше изменения в соотношении сил решались войной, то сегодня в условиях опасности перерастания любых военных действий в глобальную ядерную (а согласно ведущимся передовым исследованиям в Израиле — термоядерную) катастрофу, требуются новые подходы к решению этих проблем. Соответственно не произошло классического выигрыша по итогам военного конфликта с последующим значительным демонтажом военного и экономического потенциалов противника. В результате победившая сторона, максимально используя ситуацию по результатам окончания «холодной войны», не имела возможности институционально полностью трансформировать новую систему, исключив Россию как правопреемника СССР из всех структур глобального управления, в первую очередь из Совета Безопасности ООН, а также лишив ее потенциала взаимного сдерживания через арсенал ядерного оружия.

Также победившая сторона приняла половинчатые меры по отношению к побежденному противнику. С одной стороны, была сделана ставка на интеграцию России на правах более слабого участника в западную либерально-демократическую систему с целью недопущения реваншистских настроений в бывшей сверхдержаве. Одновременно, в отличие от времени окончания Второй мировой войны (и ситуации с ФРГ и Японией), меры, принятые к экономическому восстановлению и включению страны в западную орбиту, были половинчатыми (что достаточно подробно уже обсуждалось выше), что также обусловило современную позицию России, во многом привело к текущему кризису, а также определило неэффективность нынешних структур. Ярким примером отсутствия реальных механизмов предотвращения кризисных ситуаций во взаимоотношениях ведущих держав стало недальновидное решение семи стран приостановить участие России в «восьмерке» и, бойкотировав подготовку и сам саммит в Сочи, провести отдельную встречу «семерки» в Брюсселе².

Более того, дальнейшая деградация обстановки в Украине, расширение масштабов гражданской войны в этой стране прямым образом влияют на дальнейшее ухудшение отношений между Россией и странами условного «Запада». Подобный сценарий вызывает серьезные опасения, в первую очередь, в связи с тем, что, текущие события склоняют наблюдателя к мысли, что провоцирование России и скатывание к вооруженному конфликту выгодно ряду государств как раз с целью исправления ошибок по итогам распада биполярной системы с целью стабилизации и определения устойчивых характеристик международной системы в своих интересах.

«Клубное» регулирование международных отношений

Итак, отойдя от сиюминутной конъюнктуры, следует отметить, что вопреки ведшимся в предыдущие десятилетия спорам об отмирании государства-нации, последние остаются ведущими игроками на мировой арене, и именно они определяют контуры мирового порядка. При этом сегодня происходит изменение в потенциале и возможностях новых и старых центров силы в мировой политике. Продолжается относительное ослабление старых, постиндустриальных страны Европы, а также США и Японии. Одновременно в качестве новых претендентов на ведущие роли в глобальном управлении выходят новые центры силы: страны БРИКС, а также множественная организация государств вокруг аббревиатур МИНТ, МИКТА, Next 11, т.е. динамично развивающиеся крупные и средние экономики. Изменение соотношения сил в рамках групп упомянутых выше стран требует осознание важности перераспределения полномочий и реформирования в соответствии с новыми потребностями, международных институтов.

Традиционные межправительственные организации, в частности ООН, продолжают доказывать свою неспособность полностью удовлетворять насущным потребностям современных реалий. Хотя, стоит отметить, что реальные возможности этой организации не снизились после окончания «холодной войны». Скорее наоборот, несмотря на периодические попытки решить международные проблемы в обход ООН, а также отсутствие консенсуса на предмет направления реформ данного института, именно Объединенные Нации остаются единственным признанным универсальным легитимным инструментом глобального управления. Именно ООН имеет все признаки, позволяющие ей осуществлять регулирование в рамках т.н. институционально-норма-

тивной модели. По мнению Д. М. Темникова «коллективное, «рациональное» начало, которое преобладает в данной модели, позволяет предотвращать нежелательные последствия развития стихийных процессов»³. Хотя парадоксальным является необходимость использования силы или готовности ее использовать в случае нарушения правил отдельными участниками системы. Отсюда дополнительно встает вопрос эффективности ООН в плане ее наделения военными ресурсами.

С одной стороны, именно недостаточная эффективность деятельности ООН ведет к росту численности других международных институтов, в первую очередь «клубных механизмов», в которых частично преодолеваются присущие ООН недостатки. С другой стороны, участники всех этих образований всячески пытаются обосновать их исключительно вспомогательную роль в глобальном управлении и отсылают именно к ООН как ведущему и единственному институту, обладающему мандатом на мирополитическое регулирование. Более того, эти структуры действительно не являются конкурирующими, т.к. перед ними стоят принципиально разные задачи.

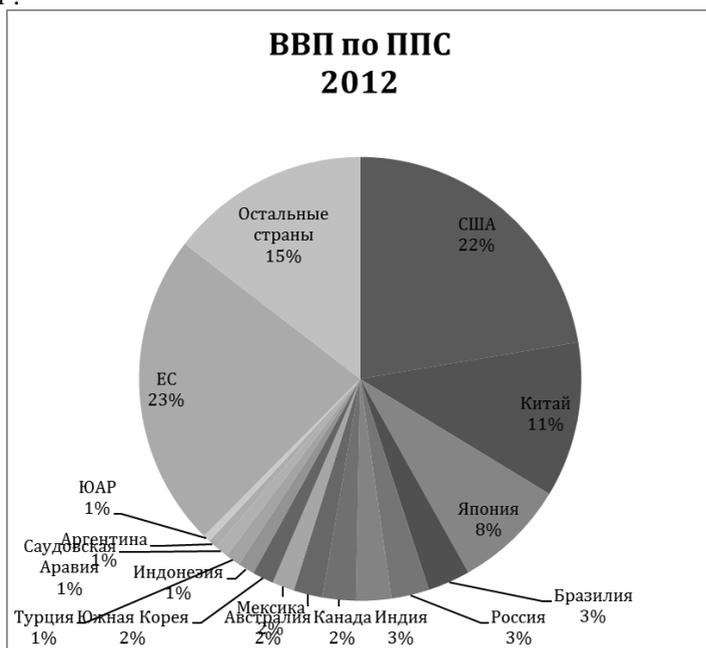
С другой стороны, растущие как на дрожжах неформальные механизмы и структуры с участием как государственных, так и негосударственных игроков, еще более усложняют картину мира и делают ее еще более хаотичной. Эти группы объединяет ряд общих характеристик и принципов. Во-первых, это неформальные структуры, не созданные на основе межгосударственного соглашения, в которых отсутствует устав и административные управляющие структуры. Тем не менее, в рамках таких клубов существуют устоявшиеся принципы деятельности, которые с некоторыми различиями, связанными в первую очередь с количеством и разнообразием участников, сохраняются от форума к форуму.

«Группа двадцати»

Вопреки хронологической правде, начать обзор ныне существующих «клубов» следует с «Группы двадцати», которая имеет наиболее всеобъемлющий характер среди всех подобных механизмов. Начало встречам этой Группы было положено еще в 1999 г. решением министров финансов «Группы семи», впоследствии одобренным на саммите «семерки/восьмерки», и, учрежденной в декабре того же года. В отличие от ранее продвигавшихся американских инициатив о деятельности «Группы двадцати двух», «Группы тридцати трех», не задержавшихся

в качестве значимого фактора международных отношений, данный проект зажил собственной жизнью и достиг ряда успехов, хотя достижения «двадцатки» и не стоит переоценивать⁴.

«Двадцатка» представляет собой группу из 19 стран⁵ и представителя ЕС, ведущую неформальный диалог на всех этапах управления между ключевыми, системно важными экономическими державами с участием международных финансовых институтов — Международного валютного фонда и Группы Всемирного банка. Изначально «Группа двадцати» выделялась в качестве форума по преодолению последствий финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., затронувшего азиатский регион и, впоследствии Россию, а также взаимодействию ведущих развитых и развивающихся экономик в направлении реформы современной глобальной валютно-финансовой и экономической системы⁶.

Важность данной «Группы» определяется ее экономическим весом, ведь на долю этих стран приходится порядка 85% мирового ВВП⁷ и две трети населения планеты, что позволяет избежать ситуации, когда

меньшинство решает за большинство, каким образом большинству решать свои проблемы, но при этом сохраняется относительная ограниченность участников и остается возможность достижения консенсуса в рамках «Группы».

«Двадцатка» действует на уровне лидеров; основным событием каждого года является саммит, повестку дня которого активно готовят личные помощники глав государств, или шерпы, су-шерпы со стороны министерств иностранных дел и финансов, а также соответствующие аппараты госструктур. С целью облегчения процесса и обеспечения его минимальной преемственности и упорядоченности в «Группе двадцати» была также создана «тройка» из предыдущего, текущего и будущего председателей. Также обязательным принципом стал принцип ротации председателей из развитой и развивающейся страны или страны с переходной экономикой. На сегодняшний день в состав тройки помимо России входит председательствующая в этом году Австралия и готовящаяся к этому событию в следующем году Турция.

Как и в остальных «клубных» механизмах присутствует принцип консенсуса принимаемых решений при отсутствии их юридического закрепления, т.е. все итоговые документы являются лишь политическими. Отсюда же вытекает и проблема исполнения принятых на себя обязательств. По идее, наличие консенсуса предполагает согласие всех участников следовать принятым решениям, но отсутствие механизма контроля и принуждения, а также широкая трактовка того, как каждый из участников будет выполнять принятые обязательства, зачастую ставят под вопрос эффективность деятельности такого рода механизмов.

Вплоть до кризиса 2008 г. разговоры о преобразовании финансовой «двадцатки» в лидерский механизм оставались лишь интеллектуальными упражнениями⁸. В самый разгар кризиса саммиты «Группы двадцати» проходили по два раза в год, но уже с 2011 г., когда лидеры согласились с фактором его относительного преодоления, количество встреч сократилось до одной в год.

Именно с этой точки зрения можно говорить о положительной стороне кризиса. В первую очередь это касается ведущих экономик «семерки» — наконец-то пришло осознание необходимости реальной координации политики за пределами привычного круга и важности прислушиваться к мнению развивающихся стран.

Впрочем, переоценивать значение данного формата или, вернее, констатировать его незаменимость и исключительную уникальность,

как это склонны делать вовлеченные в непосредственное осуществление работы в этом механизме представители экспертного и бюрократического сообщества, как представляется, также не стоит.

С одной стороны, бесспорным является тот факт, что регулярные встречи лидеров «двадцатки» представляют собой своего рода сигнал по приданию уверенности в относительной стабильности мировой экономики для всех игроков — будь то бизнес или политики, или даже просто потребители произведенных товаров и услуг из всех стран мира. Дополнительным преимуществом «Группы» является повышение глобального статуса каждого из ее членов, что ведет к ощущению большей ответственности каждого из участников за судьбы не только собственной страны, но и региона, где они доминируют, и мира в целом.

Впрочем, если рассматривать роль «двадцатки» уже с позиций достигнутых конкретных договоренностей, то здесь картина оказывается несколько менее привлекательной. Так, уже дважды на саммитах принимались решения о невведении дополнительных протекционистских мер (сначала до 2013 г. и в год российского председательства было продлено до 2016 г.). При этом по итогам первого такого решения 17 из 20 участников продлили вводить новые защитные меры. Причем, помимо традиционных тарифов и экспортных субсидий, страны все в большей степени находят лазейки по защите собственной экономики в ущерб другим⁹. По итогам доклада 2009 г. после объявленных на «двадцатке» решений ВТО констатировала целый ряд примеров, подтверждающих негативные тенденции — среди них, повышение Южной Кореи пошлины на импорт нефти, Мексикой — на 89 товаров из США, США — на импорт стальных труб из Китая, Аргентины — специальные лицензии на импорт игрушек. Бразилия, США и Франция активно использовали поддержку автомобильной отрасли кредитами и т.п.¹⁰ Позднее, в докладе ВТО относительно торговых мер в странах «двадцатки», опубликованном в мае 2011 г., было отмечено, что количество ограничительных мер продолжило увеличиваться (меры, введенные членами «двадцатки» за предшествующие полгода, составили порядка 0,6% общего импорта стран «Группы двадцати»)¹¹. Ну и наконец, уже после Санкт-Петербургского саммита 2013 г. глава ВТО Р. Азеведу констатировал дальнейшее общее, хотя и медленное ухудшение обстановки с этой области. Так, из 550 мер, ограничивающих торговлю, введенных с октября 2008 г. на конец 2013 г. лишь около 20% были отменены или пересмотрены, что также серьезно не соответствовало принятым на

себя ранее обязательствам членами «Группы двадцати». Более того, за последний полугодовой период странами «двадцатки» было введено 116 новых ограничений, что охватывает порядка 1,1% товарного импорта «Группы двадцати» или 0,9% общемирового импорта¹².

Достаточно сложно складывается и ситуация вокруг другого ключевого решения «Группы двадцати», направленного на решение одной из основных задач мирового регулирования — реформы международной финансовой архитектуры. Так, еще на саммите «двадцатки» в Сеуле было принято решение о перераспределении квот в МВФ в пользу развивающихся стран, впоследствии подтвержденное и закрепленное решением Совета управляющих МВФ в декабре 2010 г. К январю 2014 г. данное решение не только должно было вступить в силу, но и предполагалось проведение очередного, пятнадцатого пересмотра этих позиций. Как известно, нежелание Конгресса США (которые обладают де-факто правом вето в МВФ) продолжает тормозить эту реформу, а регулярные призывы, как стран-членов МВФ, так и коллективные «двадцатки» пока не ведут к позитивному результату¹³.

БРИКС

С точки зрения интересов России и перспектив реформирования основ глобального управления в целом следует опять же вопреки исторической логике дать оценку объединению пяти условно развивающихся государств. Говоря о БРИКС, можно сказать, что для «семерки» — это фактически конкурирующий формат, представляющий собрание новых потенциальных «управляющих», заинтересованных в реформе международной системы, предусматривающей значительное сужение полномочий и возможностей группы промышленно развитых стран Запада. Другой момент для БРИКС — амбиции по преобразованию пока еще региональных держав в глобальные и желание привести существующий и желаемый статусы в соответствие.

Цели каждой из сторон в БРИКС (с добавлением ЮАР) остались разными, но общим определяющим сотрудничество фактором является неопределяемая возможность повысить свои шансы в переговорах с западными странами и добиться перераспределения глобальных полномочий в свою пользу — всего того, что ни одна из этих стран, в том числе и КНР, не в состоянии сделать в одиночку. Несмотря на то, что Китай значительно превышает по общему экономическому и демографическому потенциалу остальные страны «пятерки», можно предполо-

жить, что для этой державы БРИКС представляет наибольший интерес ввиду возможности «спрятаться» за этот формат в продвижении собственных национальных интересов, не вызывая направленной против потенциальных гегемонистических устремлений этой страны реакции соседних стран.

Таким образом, государства БРИКС, делая акцент на объективных преимуществах, пытаются совместно продвигать консенсусные идеи по реформатированию мировой валютно-финансовой и экономической системы через другие многосторонние институты. Именно поэтому страны БРИКС на данном этапе пока предпочитают не затрагивать спорные темы с тем, чтобы не подорвать хрупкие пока еще связи и групповую солидарность, а итоговые документы встреч «пятерки» фактически являются перечислением консенсусных позиций. В рамках группы существует негласное правило не оказывать друг на друга давление по важным для сторон вопросам. В этом коренное отличие от взаимоотношений между каждой из стран БРИКС и их западными коллегами.

Сегодня БРИКС действительно является значимым инструментом формирования мировой политики для каждого из его участников, в независимости от имеющегося потенциала и возможностей проецирования собственной мощи в регионе и мире. Отличным примером может служить ключевая роль БРИКС в нынешней ситуации вокруг перераспределения квот МВФ. Озвученная по итогам апрельской встречи «двадцатки» российским министром финансов идея относительно того, что в случае дальнейшей пробуксовки решения ввиду бездействия Конгресса США, МВФ будет двигаться дальше без США, действительно является не пустым звуком. Хотя на фоне ухудшения российско-американских отношений может показаться, что это не совсем умный выпад со стороны Москвы, тем не менее ситуация достаточно опасна для Вашингтона. Во-первых, проблема на самом деле уже давно обсуждалась в формате БРИКС, и она не была инициирована Россией. Во-вторых, страны БРИКС, обладающие де-факто кумулятивным вето, пригрозили запретить выделение средств из Новых механизмов заимствования МВФ (пока по итогам переговоров вместо 3 месяцев разрешили выделение средств на 6 месяцев), но, если прогресса по истечении полугодового периода так и не будет, БРИКС смогут заблокировать этот ресурс. В-третьих, юридически такое развитие событий также возможно, так как для данных

соглашений ратификация Конгресса на самом деле совсем не обязательно и подпись официального представителя США уже является достаточным юридическим основанием.

«Группа восьми/семи»

«Семерка», или — годом ранее — «восьмерка», является своеобразным пионером среди «клубных» механизмов. Ее истоки лежат в осознании представителями бизнеса, политических и экспертных кругов стран капиталистического мира важности осуществления неформального взаимодействия и координации политических курсов с целью противостоять неблагоприятным для них тенденциям в международных отношениях — относительному ослаблению американского полюса биполярности, росту самосознания сначала стран — производителей ресурсов¹⁴, а затем и остальных представителей т.н. «третьего мира», — и успехам, в первую очередь в военно-политической сфере, противоположного социалистического блока.

В конце 1960-х гг., по свидетельству Дэвида Рокфеллера, с целью продвижения возглавляемого им банка Чейз и установления контактов с наиболее влиятельными и серьезными промышленниками мира, он и группа его соратников решили создать Международный совещательный комитет (МСК — International Advisory Committee (IAC))¹⁵. В качестве первого председателя МСК выступил глава Роял Датч Петролеум (Royal Dutch Petroleum) Джон Лудон, с которым Рокфеллер познакомился на Бильдербергских встречах¹⁶. На рабочих совещаниях МСК обычно обсуждались наиболее актуальные экономические вопросы, а также экономический и политический курс в соответствующих странах. Интересно, что когда заседания Комитета проходили за пределами США, часто участников встреч принимали на самом высшем уровне. МСК действует и по сей день и, как представляется, он стал хорошим полигоном для позднее сформировавшейся концепции трилатерализма, но уже на уровне политической координации, а не только налаживания бизнес-контактов¹⁷.

Несколькими годами позднее Дэвид Рокфеллер, не в последнюю очередь будучи воодушевлен успехом проводимых встреч МСК совместно с Зб. Бжезинским инициирует еще одну подобную неформальную группу — Трехстороннюю комиссию (ТК), правда с несколькими иными характеристиками. Интересно, что формирование Трехсторонней комиссии происходит в очередной кризисный период для западных

стран. В 1972 г. на встрече Бильдербергского клуба (БК)¹⁸ предположительно одобряется идея создания нового дополняющего института. Инициатива по созданию ТК исходит от участника и спонсора БК, возглавлявшего на тот момент также и Совет по международным отношениям Д. Ротшильда. Вероятно, потребность в таком формате появилась с учетом развития кризисных тенденций¹⁹ и неспособности Бильдербергского формата предотвратить неблагоприятное развитие событий: возникла необходимость в создании постоянного пула крупных национальных деятелей, владеющих тематикой и способных на основе ротации замещать государственные должности. Дополняющий характер Трехсторонней комиссии определяет необходимые принципиальные отличия двух структур, ведущие к различным функциям институтов:

- в отличие от преимущественно англо-саксонского присутствия в БК, был сделан акцент на важности и равноправии всех трех центров капиталистического мира (созданы и до сих пор существуют Североамериканская, Европейская и Японская секции);
- ТК стала более демократичной структурой, в том смысле, что не небольшой оргкомитет решает, кого приглашать в тот или иной раз, а установлены квоты на каждую страну (регион) и от них выбираются постоянные члены;
- неформальный характер ТК подчеркивается невозможностью ее членов занимать государственные посты, поэтому формально в рамках Комиссии присутствуют либо бывшие, либо будущие политики и чиновники;
- в противоположность БК деятельность ТК направлена не только на выработку стратегически важных решений самими членами собраний, но и на популяризацию продвигаемых ими идей — отсюда регулярные открытые для публики доклады и публикации.

Именно в рамках таких форматов были обкатаны идеи выведения неформального общения представителей бизнес и политических кругов стран на уровень действующих политиков. Началось все с встреч министров финансов пяти ключевых стран капиталистического мира²⁰, а уже к 1975 г. была реализована идея проведения саммита руководителей шести государств²¹ — началась история «Группы семи». После распада биполярной системы в «Группу» влилась Россия и «семерка» превратилась в «восьмерку», впрочем, как показали последние события, несмотря на существования формата в той или иной степени в течение 25 лет, он остался неустойчивым и вернулся к своим истокам.

Говоря о роли «семерки» на современном этапе, следует отметить и позитивные, и негативные моменты для сохранения ее ведущей роли на международной арене. С одной стороны, «семерка» до сих пор продолжает включать в себя ведущие развитые экономики мира, которые с большим отрывом сохраняют самый большой в мире кумулятивный военно-политический потенциал, а также все кроме Японии входят в самый крупный в мире военно-политический альянс НАТО, штаб-квартиры наиболее системно значимых транснациональных корпораций находятся именно в странах «семерки», трое из них представляют собой постоянных членов СБ ООН, их общий капитал в международных финансовых институтах также позволяет в значительной степени контролировать направления их деятельности. «Семерка» по сей день является де факто генератором идей в сфере экономики, финансов, международного развития для других международных институтов.

При этом, отсутствие России в «семерке» позволяет оставшимся лидерам гораздо более откровенно общаться в закрытых форматах. Это обусловлено не только тем, что Россия не вписалась в «семерку» по своим ценностным ориентирам и геополитическим подходам. Будучи членом БРИКС, Россия фактически стала более чужеродным элементом, способным, среди прочего, предотвратить откровенные обсуждения относительно видения «восьмеркой» проблем и вызовов со стороны развивающихся стран, в первую очередь, конечно же, Китая. Не менее важным фактором стали конкурирующие проекты ряда членов «семерки» и России на постсоветском пространстве. Именно поэтому можно рассматривать украинский кризис не как причину именно такого развития ситуации, а, скорее, как предлог для осуществления такой политики.

С другой стороны, не переоценивая возможностей России, следует признать, что с выводом России из состава «клуба», возможно и появилось больше возможностей для откровенного обсуждения всех тем, но, при этом, реакция «семерки» может сыграть злую шутку с ней в долгосрочном плане. У России и стран «семерки» в целом есть целый ряд проблем и угроз, военно-политического, экологического и социально-экономического характера, где у них не только достаточно близкие позиции, но которые невозможно решать без участия Москвы. Сюда относится и ключевая для всех стран борьба с международным терроризмом, и вопросы нераспространения оружия массового уничтожения, и проблемы предотвращения и урегулирования конфликтов в нестабильных регионах и странах, и многое другое.

Другим не вполне оптимистичным фактором для «Группы семи» является то, что они, с одной стороны, продемонстрировали склонность к жестким решениям и нежелание слышать партнера, если партнер расходится с ними в оценке ситуации. С другой, показали этому же миру отсутствие контроля над ситуацией, что предполагает более слабые позиции США и «семерки» в целом. Это тревожный сигнал для многих развивающихся стран и нельзя исключать, что такой подход к России не определит стремление ряда государств со сложной историей взаимоотношений со странами либеральной демократии к дистанцированию от них, проведению более жесткого курса и попыткам перестраховаться, обеспечив себя сотрудничеством с динамично развивающимися государствами.

Интересы России в реализации «клубной» дипломатии

После окончания «холодной войны» и биполярного противостояния логика выживания потребовала от «семерки» ряда смелых шагов по вовлечению бывшего противника — СССР, а затем России — в свои ряды. Казалось, что таким образом можно будет наиболее эффективно направлять развитие и формировать подходы новой России как к ее собственному месту и роли в регионе и мире, так и к основным параметрам новой формирующейся системы международных отношений, в пользу де-факто победившей стороны. Именно на это был нацелен процесс мучительного вхождения России в «семерку» в течение последнего десятилетия XX века²².

Впрочем, в начале — середине 2000-х гг. наблюдалось полноформатное и активное участие России в «Группе». Она находилась в самом ядре принятия решений, укрепление позиций Москвы на международной арене еще не вызывало такой негативной реакции среди коллег по «Группе». Ситуация стала заметно меняться в 2007–2008 гг. Поскольку каждый из «клубов» в первую очередь построен на личном общении и взаимном доверии лидеров, то постепенная смена состава собиравшихся глав государств сыграла свою роковую роль. Одновременно по итогам председательства России в «Группе восьми» в 2006 году и последующей институционализации Хайлигендаммско-Аквильского процесса-диалога²³ в стране стало расти понимание практической важности реальной диверсификации внешней политики, а также совпадения интересов России с рядом крупных развивающихся стран. Также на фоне укрепления экономического и политического потенциала страны (так, вплоть до кризиса 2008 г. темпы прироста ВВП в России составля-

ли до 7%), Россия стала гораздо более активно отстаивать свои внешне-политические подходы и позиции²⁴.

С началом функционирования «Группы двадцати» и БРИКС, в которых Россия обладала полноценным и безоговорочным членством, в стране начались дискуссии относительно возможностей использования всех трех форматов для максимизации национальных интересов. Для «восьмерки», которая вошла в очередной этап «умирания»²⁵, на фоне подготовки российского председательства начались интенсивные дискуссии относительно возможностей придать второе дыхание этому формату. В российском политическом истеблишменте основная ценность «Группы восьми» заключалась в первую очередь в возможности сверять часы по наиболее актуальным политическим проблемам и кризисам.

Применительно к «Группе двадцати», несмотря на прошедшее в прошлом году председательство России и общую конституируемую важность экономической проблематики, надо признать, что здесь Россия не в состоянии играть первую или даже ведущую скрипку. Возможно, именно поэтому выбранные приоритеты, при всей общей важности, демонстрировали стремление найти по возможности наименее спорные проблемы. Другой момент, не свидетельствующий о больших возможностях страны — отсутствие позиции по многим переговорным вопросам, а напротив, желание занять место арбитра и остаться в комфортной зоне «золотой середины»²⁶.

БРИКС на сегодняшний день представляет для России, наверное, наиболее перспективный формат взаимодействия со странами — участницами. Сдержанный нейтралитет в отношении проблемы Крыма и безусловная поддержка «пятеркой» России на фоне заявления австралийцев по поводу возможностей не пригласить Россию на саммит «Группы двадцати» показали важность формата для страны. Видение геополитической роли БРИКС приобретает все большую поддержку со стороны российских партнеров. В пользу укрепления формата говорит и «виртуальный секретариат», и многочисленные поддерживающие форматы «вторых дорожек»²⁷.

Вместо заключения

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов относительно того, какую функцию выполняют международные институты как с точки зрения поддержания стабильности и эффективности системы, так и для продвижения интересов России на мировой арене.

В условиях существования двух параллельных конкурирующих моделей глобального управления — традиционного Вестфальского, с ведущей ролью суверенных государств, и индивидуально-сетевое — усложняются задачи построения жизнеспособной системы международных отношений. Именно поэтому параллельно продолжают существовать, но также и дополнять друг друга как традиционные межправительственные организации, так и механизмы консультаций руководителей государств в рамках неформальных структур интеллектуальной, политической и экономической элиты, в первую очередь постиндустриальных государств. Каждый из уровней и моделей управления выполняет свои особые функции.

С одной стороны, в абсолютных категориях существующие международные организации действительно показывают разочаровывающие результаты. С другой, вопрос эффективности деятельности традиционных международных организаций остается в повестке дня современной мировой политики, скорее, как инструмент повышения статуса и возможностей каждого отдельного игрока, нежели организации в целом. Проблема реформы ООН, МВФ и ВБ лежит в первую очередь в нежелании имеющих преимущества членов (постоянные члены СБ, большие квоты) сдать свои полномочия, а также неспособности стремящихся к реформам стран принудить привилегированных игроков к сдаче собственных позиций. Реализация же реформы с точки зрения приведения в соответствие достигнутых возможностей стран-участниц в политико-экономическом плане вряд ли будет способствовать повышению эффективности данных организаций.

Также реальные функции таких организаций, как ООН, заключающиеся в «площадке для выражения мнений» и легитимации вырабатываемых в международной практике решений, действуют на практике. Более того, адаптация такого рода организаций уже произошла через появление феномена «клубных» механизмов, действующих в формате outreach.

В целом можно отметить, что произошло определенное распределение ролей как внутри самих клубных механизмов: «восьмерки/семерки», «двадцатки» и БРИКС, так и между ними и классическими межправительственными организациями, в первую очередь ООН. Последняя, ввиду универсального членства, обладает пусть формальным, но сегодня еще важным свойством облагораживания деятельности других институтов. В то же время, на роль генераторов идей и стратегических решений для «клубных», и впоследствии традиционных меж-

правительственных институтов можно отдать следующей группе, менее заметной в рамках официальной международной политики, но несмотря на это — определяющей для принимаемых направлений глобального развития — а именно находящимся в тени неформальным встречам ведущих международных деятелей политики, экономики, ВПК и бизнеса, идеологии и культуры.

Что касается интересов России как суверенного государства в рамках международной системы, наполненной всевозможными режимами и обеспечивающими их международными организациями, то политика Российской Федерации, проводимая в течение двадцати лет после окончания «холодной войны», включала в себя стремление подключиться к наибольшему количеству новых институтов. Тем не менее, эта деятельность, на взгляд автора, не столько отвечает за содержание, сколько является компенсирующей. Представляется, что попытки России включиться в максимальное количество контролируемых Западом институтов не только имели своей целью добиться учета своего мнения в рамках этих структур, но и определялись политико-психологическим намерением компенсировать потерю великодержавного статуса после распада СССР.

Говоря о «клубных» механизмах следует отметить, что ограниченное количество участников каждого из них (в меньшей степени относящееся к «Группе двадцати») позволяет находить решения многих проблем, впоследствии транслируя их через универсальные или специализированные международные организации (будь то ООН, МВФ, ОЭСР, МЭА или ВОЗ). Функция данных групп в первую очередь состоит в определении стратегического видения проблемы, набора первоочередных шагов, а также предполагает мобилизацию начального пула ресурсов этими странами для решения той или иной проблемы.

¹ Подробнее о таких изменениях см. Michael Hardt, Antonio Negri. Empire. Harvard University Press, 2001.

² По информации ряда источников, решение о проведении отдельного саммита «семерки» без России было принято в течение нескольких часов. Обоснованность такого решения для стран «Группы семи» сможет быть адекватно оценено только лишь тогда, когда будут открыты архивные документы этих стран, либо изданы мемуары лиц, принимавших решение. Хотя на фоне развития отношений России с коллегами по «семерке» в последние 3–5 лет формировалось устойчивое ощущение, что у стран «Группы» возникла необходимость «избавиться» от «чужеродного элемента» в виде России, и, упустив момент августовской войны 2008 г., они оперативно использо-

вали кризис в Украине лишь как предлог для возвращению к более узкому формату, позволяющему откровенно обсуждать все проблемы современного мироустройства, в частности ответ пост-индустриальных государств на вызов перераспределения политической и экономической мощи в пользу динамично развивающихся государств, т.к. Россия, будучи членом БРИКС, фактически своим присутствием и позицией служила препятствием для таких обсуждений и не позволяла формулировать позицию.

³ Темников Д. М. *Лидерство и самоорганизация в мировой системе*. М., Аспект-Пресс, 2011. С. 79

⁴ Более подробно о предыстории «двадцатки» см. Хайнал П. И. «Группа восьми» и «Группа двадцати»: эволюция, роль и документация, М.: Логос, 2008. С. 203–205.

⁵ Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

⁶ Данный механизм стал продуктом различных видений международной системы участниками «семерки». Франция, поддерживаемая Италией, выступала против создания «двадцатки», опасаясь, что данный механизм подорвет роль и значение МВФ (возглавляемого на тот момент М. Камdessus). Наиболее активными сторонниками нового механизма выступали США и Япония. Великобритания соглашалась на создание механизма с ограниченными возможностями, а Канаде новая «Группа» была интересна в первую очередь созданием более широкой консультативной структуры, в меньшей степени контролируемой США.

⁷ Диаграмма и расчеты по данным Всемирного Банка (обновление от 08 мая 2014 г.). ВВП по ППС на 2012 г. <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table>

⁸ Впрочем, министерский формат также сохранился и продолжает осуществлять основную техническую работу «клуба».

⁹ Более подробно об усложнении и расширении протекционистский инструментов см. Исаченко Т. Свобода торговли или протекционизм: проблемы стратегического выбора, 24 января, 2014 г., http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3032#top

¹⁰ John W. Miller. WTO details rising protectionism, Pushes Countries to Reverse Course. March 27, 2009. The World Street Journal. Mode of access: <http://online.wsj.com/news/articles/SB123808014186248481?mg=reno64-wsj&url=http%3A%2F%2Fonline.wsj.com%2Farticle%2FSB123808014186248481.html>

¹¹ WTO OMC, Report on G-20 Trade Measures, May 2011.

¹² WTO OMC, Report on G-20 Trade Measures, December 18, 2013. Mode of access: http://www.wto.org/english/news_e/news13_e/g20_wto_report_dec13_e.pdf.

¹³ Впрочем, определенные надежды на реализацию реформы существуют, правда, в данном случае не благодаря деятельности «двадцатки», а, скорее, ввиду коллективного подхода стран БРИКС, о котором речь пойдет позднее.

¹⁴ Достаточно вспомнить принятую в 1962 г. Резолюция ГА ООН о «Постоянном суверенитете над природными ресурсами».

¹⁵ Впрочем, Рокфеллер говорит о том, что они не были новичками в создании подобных структур и аналогичные встречи проводили и другие Нью-Йоркские банки. David Rockefeller. *Memoirs*. N.Y. — Random House Trade Paperback Editions. — 2002, p.208.

¹⁶ Среди других членов МСК можно назвать Джованни Агнелли, главу группы Фиат, тогда еще преуспевающей и крупнейшей автомобильной компании Италии; Уилфрида Баумгартнера, президента Рон-Пуленк (впоследствии главы Банка Франции и затем министра финансов этого государства); Таизо Ишизаку, почетного председателя Кейданрен, а также двух сотен других корпораций Японии; Дж. Р.Д. Тату, индийского сталелитейного магната; Й.К. Пао, банкира, покинувшего Китай после коммунистической революции и создавшего в Гонконге крупную судоверфь, на которой он построил флот, превзошедший по размеру советский торговый флот. Среди американских участников можно назвать таких крупных бизнесменов как У. Блэки (Катепиллар), К. Герстакера (Доу Кемикал), У. Хьюита (Джон Дир), Д. Пакарта (Хьюлет-Пакард); а также политических деятелей — Д. Диллона, Р. Уорнера, Генри Форда II, С. Вэнса, лорда Кэррингтона и Г. Киссинджера.

¹⁷ David Rockefeller. *Memoirs*. N.Y. — Random House Trade Paperback Editions. — 2002, p.209.

¹⁸ В 1952 г. прошла первая встреча т.н. Бильдербергского клуба, идеологом которого стал генеральный секретарь «Европейского движения» Дж. Реттингер, представивший обоснование необходимости создания такого неформального института с видением целей и задач будущему первому президенту Клуба голландскому принцу Б. фон Липпе-Бистерфельду. К 1954 г. можно констатировать начало ежегодных собраний. Оргкомитет приглашал, и сейчас такая практика тоже сохраняется, на каждую такую встречу в соответствии с критерием «приверженности духовным ценностям Запада» кого-либо из влиятельных политиков, журналистов, бизнесменов, юристов, причем зачастую приглашены могут быть в том числе и действующие политики. По итогам конференций составляются неформальные отчеты, распространяемые только между участниками группы. Председателем руководящего органа БК на сегодняшний день является глава крупнейшей французской страховой компании AXA Group Анри де Кастри (9 место в рейтинге FortuneGlobal 500), а бесшумным советником — Д. Рокфеллер. Полный список оргкомитета можно найти на <http://www.bilderbergmeetings.org/governance.html>

¹⁹ Не только война на Ближнем Востоке и шаги ОПЕК по использованию «нефтяного оружия», но и относительное размывание западной солидарности при относительном ослаблении США, последовательная девальвация доллара и крах золото-валют-

ного стандарта, рост анти-империалистических настроений в новоосвободившемся «третьем мире» и заявка на Новый международный экономический порядок.

²⁰ Подробнее об истории встреч «Библиотечной группы» и начале саммитов «семерки» см. в Панова В. В. Деятельность «Группы семи» в годы холодной войны / в монографии Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012

²¹ На первом саммите присутствовали Великобритания, Германия, Франция, США, Япония и примкнувшая к ним Италия. Канада вошла в состав «Группы» в 1976 г., а ЕС — в 1977 г.

²² Интересно, что в 2000 г. в «Группу восьми» страна-председатель (Япония) попыталась предложить включить еще одного члена — Китай. Тем не менее, китайская политика, основанная на умении терпеливо ждать и дожидаться нужного момента, определила отказ Пекина от такого формата. Тем более, что позднее на уровне лидеров был реализован формат «двадцатки», в котором Китай имеет равные права как страна-основатель.

²³ Подробнее о Хайлигендаммско-Аквильском процессе см. Panova V. Russia and Prospects of Further Evolution of the Heiligendamm Process with the G8 / in Emerging Powers in Global Governance. Lessons from the Heiligendamm Process — Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2008.

²⁴ Достаточно сравнить позицию России в «Группе» в случае с югославскими событиями (и Босния и Герцеговина, и Косово), и в контексте израильской операции в Ливане в 2006 г.

²⁵ Вновь интенсифицировались экспертные мнения относительно того, что «восьмерка» более не отвечает современным реалиям и должна уступить место более репрезентативной «Группе двадцати». Показательными в этом смысле стали саммиты 2010 г. в Торонто, где сначала прошел саммит «восьмерки», а сразу вслед за ним — саммит «двадцатки». Так на саммит «восьмерки» информационная реакция практически отсутствовала — как со стороны СМИ (темы обсуждений не были на первых полосах большинства новостных агентств), так и со стороны антиглобалистов (протесты начались только во время заседаний «Группы двадцати»).

²⁶ Отсюда ответ Сторчака, что наибольшим успехом можно считать достижение компромисса между крайними позициями США и Китай по вопросу фискальной консолидации.

²⁷ Расширяющееся число встреч отраслевых министерств и ведомств, создание специальных координационных групп в рамках международных организаций (ВТО), создание по итогам саммита БРИКС в Дурбане Делового Совета БРИКС, Совета Экспертных Центров БРИКС, регулярно проводимые Академические форумы, инициативы относительно сотрудничества между университетами пяти стран и т.д.

А. В. Шестопал, М. В. Силантьева

КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вопрос о культурных границах в пространстве современного вуза — далеко не праздный и более чем насыщенный с практической точки зрения в сегодняшнем образовательном пространстве любого университета. Российские вузы не являются исключением, поскольку включены — вольно или невольно — в общие глобальные процессы изменения культурного ландшафта, характеризующие современное общество. Этот ландшафт имеет не только специфическую конфигурацию. Его параметры выходят за рамки сугубо «плоскостных» отношений, требуя определить «координату смысла» с не меньшей точностью, чем координату практики. Отходя от узких трактовок теории как обобщения некоторого набора эмпирически верифицированных фактов, присоединимся к тем, кто в духе античной традиции считает «тэорейю» видением, соответствующим ведению — таким пониманием, которое смотрит «в глубину» вещи и видит ее смысловую глубину не менее, чем практически значимый набор возможных деятельностных манипуляций с ней. Знание при таком подходе, действительно, отличается от «просто» информации как суммы сведений, поскольку предполагает овладение специфическими приемами раскрытия аксиологического и телеологического содержания человеческой деятельности.

Тема культурных границ в данной связи получает смысловое, аксиологическое, телеологическое и прагматическое измерения. Изучение этих «измерений» в свою очередь предполагает соотнесение общего понятия «границы» с наиболее известными «образцами» разграничений, присутствующих в социально-политических, правовых, экономических, этнических и других социокультурных реалиях в качестве способа дифференциации их собственной сущностной специфики.

Свои «границы» имеет и любой современный вуз, не только университет, — начиная с особенностей поликультурной, поликонфессиональной и полинациональной аудитории и заканчивая необходимостью доводить до этой аудитории некоторые базовые принципы, несомненно стандартизирующие ее в свете определенных ценностно-смысловых констант. Определенную роль играет и необходимость толерантного,

взаимно уважительного, взаимодействия контрагентов общения в современном образовательном пространстве, не доводящего, однако, до абсурда сам смысл такого общения, не превращая его в апофеоз «ценностной всеядности» и торжество вседозволенности.

* * *

Нормативность образования — хорошо известная проблема. Однако при всех сдвигах, характерных для информационного общества, его базой не может не оставаться именно некая *норма*, пусть и в модернизированном виде. Специфика университетов, в отличие от других образовательных учреждений высшего уровня, возможно, при этом и состоит в способности удерживать высокие стандарты нормативности, последовательно размываемые в менее элитных и менее корпоративных учебных заведениях¹. Социальная ответственность элиты, воспитанной в стенах университетов, состоит в ее способности быть свободной «от» (разного рода зависимостей, включая зависимость от гедонистических установок массового сознания) — быть свободной «для» (творческого созидания социальной реальности в соответствии с разумно организованными оптимизирующими моделями такой организации).

Не следует забывать также и о глобализационном потенциале современных общественных процессов². При этом глобализация, как известно, связана не только со «сломом» старых культурных границ, но и с обостренной «борьбой» за их поддержание со стороны национальных элит. Забывать об этом не резон хотя бы потому, что идеология «глобализаторства», по сути подменяя реальное знание данного процесса, часто навязывает обществу усеченное его понимание как некоей гомогенной массы, лишенной внутренних и внешних границ. Применительно к университетам, подобным нашему МГИМО, данный вопрос является одним из важнейших, поскольку предполагает выработку устойчивого иммунитета к манипулятивным стратегиям в сфере международных отношений. И вместе с тем умение разбираться в целях и причинах создания таких стратегий, позволяющее противодействовать им на тех участках, где это необходимо.

Несомненно, образование в XXI веке должно отвечать задаче освоения значительного пласта знаний, умений и навыков, необходимых для свободной ориентации в стремительно развивающихся информационных и технологических составляющих социально-экономического взаимодействия на международном уровне. Образовательные страте-

гии, релевантные такой задаче, связаны с «глобальным образованием». Прежде всего, им свойственно стремление закрепить особый статус делового английского языка в качестве «международного эсперанто», открывающего прямой доступ к соответствующим базам данных и дающего возможность эффективного контакта в мультикультурной среде международных по своему составу бизнес-коллективов — «команд». Далее, речь идет об освоении навыков работе в таких командах, умении в случае необходимости проявить лидерские качества, — и в то же время готовности «уйти» на вторые — вспомогательные — роли там, где уместно передать лидерство более компетентному специалисту. Как следствие, приоритетными направлениями в структуре и целях университетских программ выступает освоение **«технологического» английского³ и менеджмента**, соотнесенных с системным освоением теории и практики *коммуникации*, включая *межкультурную коммуникацию*.

Стоит отметить, что при всех очевидных «плюсах», данные стратегии несвободны от не менее очевидных «минусов». К ним, согласно правилу «наши недостатки — продолжение наших достоинств», относится, в первую очередь, как раз то, что составляет основной «плюс» — технологический характер языка, на котором предполагается освоение основных операциональных матриц принятия решений в области технологий технических и социально-коммуникативных. Дело в том, что прикладные задачи, при всей их важности и значимости, не являются ключевыми для собственно человеческой деятельности: в отличие от других «общественных животных» — муравьев, пчел и даже приматов, человек выстраивает свое поведение так, что технологические решения являются *производными* от целей и смыслов (при наличии несомненной обратной зависимости, то есть способности технологий влиять на постановку целей и отношение к смыслам).

С учетом указанной особенности следует «делать поправку» и на статус приоритетов глобального образования. «Технологический» английский как язык межкультурной коммуникации *вторичен* по отношению к любому нетехнологическому языку, способному транслировать ценности и смыслы доступными для освоения образом. Отсюда — несомненное значение родного языка, а еще лучше — родного языка в сочетании с нетехнологическим (литературным) английским, ибо именно в процессе освоения таких идеализированных пластов «высоких» языков происходит усвоение наработанной письменными культурами ценностно-смысловой базы.

К слову сказать, понимание этих вещей соответствует стратегиям *национального образования*, активно критикуемым представителями так называемой «глобальной модели». Возможно, речь здесь может идти скорее о некоем коммуникативном сбое, чем о сознательном игнорировании фактов, известных каждому учителю иностранного языка: если освоение такого языка начинается слишком рано, до освоения основ собственного «материнского» языка, как правило возникает масса психологических сбоев, спектр которых простирается от проблем личностного характера до критического снижения уровня адаптивности в социуме. Изначально закладывая в образовательные стратегии будущего требование «билингвизма», необходимо учитывать границы возможного и условия, при которых такой билингвизм будет давать действительно продвинутых специалистов международно признанного качества, а не умелых имитаторов, способных убедительно изобразить знание целей и задач глобального масштаба, а на деле являющихся марионетками в руках тех, кто на самом деле способен такие цели и задачи ставить и проводить в жизнь их осуществление.

Национальные системы образования в современном мире, разумеется, нельзя сводить к построению неких изолированных систем, замешанных на «квасном патриотизме». Примером современного подхода к данному вопросу можно считать Китай, где ценностно-смысловое наполнение учебного процесса учитывает наработки конфуцианской модели образования, — при массовом стремлении освоить «технологический английский» с целью изучения и использования разработанных на нем информационных и научных знаний. Собственно «национальное» в данной связи выступает как синоним «имеющее государственное значение», интегрирующее социум по основаниям языка, ценностей и в целом той «культуры», которая выступает как «способ организации смыслов».

КНР уже некоторое время назад ввела в состав образовательных программ высшего уровня предметы, отвечающие аксиолого-этической компоненте (включающей, как известно, в конфуцианском «учении» неразрывное единство собственно этических, философских и религиозных знаний). Наряду с этим, как сообщает журнал «Китай», развитие школьного образования, способного создать хорошую базу для высшего и вместе с тем воспитать достойных членов общества, не стремящихся к высшему образованию, предполагает усиление эстетического компонента воспитания. С этой целью столичные хореографы

открывают балетные классы в деревенских школах, обосновывая подобные проекты необходимостью «прививать аристократизм» детям на ранних ступенях социализации. Это удивительное отношение к каждому члену общества как к имеющему свое собственное достойное место в социальной структуре неплохо было бы иметь в виду тем, кто полагает, что «аристократизм» (то есть соответствие высоким задачам реализации своего собственно человеческого потенциала) принадлежит исключительно людям, имеющим высшее образование и занимающим «лидерские» (руководящие) должности; остальные члены общества — «лузеры», «неудачники», неспособные ни к чему иному, кроме того, чтобы быть «гумусом истории». Неявное оформление данной тенденции, к сожалению, присутствует и в отечественном дискурсе, описывающем приоритеты высшего образования.

В этом случае его «глобальные» границы понимаются как социальная мобильность, открытая на сегодня лишь для детей состоятельных родителей, — либо (согласно некоторым пунктам новейшей программы студенческого обмена, разработанной по инициативе российского правительства) и для одаренных детей из провинции.

С другой стороны, в условиях российской действительности наивно полагать, что такие кадры удастся «удержать» в поле притяжения современных реалий российской экономики; поэтому данный и подобные ему проекты можно воспринимать лишь как меру, составляющую один из шагов системного развития всей социально-экономической сферы нашей страны.

С другой стороны, наша страна нуждается в квалифицированных кадрах не меньше, чем любая другая⁴. Не перекрывая каналов социальной мобильности, «ломающих» национально-культурные границы (в том числе, и путем активной социализации наших граждан в качестве сотрудников иностранных компаний), имеет смысл заботиться преимущественно о рабочих руках и головах, обеспечивающих развитие «на местах», а не где-то «в прекрасном далёко». И здесь развитие «мозгов» на родном языке также окажется приоритетнее любого билингвизма: для того, чтобы «прочитать» новейшие технологические разработки и поучаствовать в тренингах по их освоению английский язык у сегодняшнего выпускника вуза обычно хватает; а вот твердых ценностных ориентиров, к сожалению, не всегда⁵. Отсюда — не только личные нравственные коллизии, но также рост коррупции, снижение чувства социальной ответственности и прочие проявления личност-

ной незрелости, составляющие почву психологической растерянности и социальной дезорганизации.

Четкое уяснение учащимся, студентом специфики границ «национального» (включая и его этнический компонент) должно помочь полнее и грамотнее подойти к освоению «глобального».

Стоит обратить внимание и на тот факт, что в пространстве современного российского университета стремительно растет число этнически ориентированных студенческих сообществ (формально и неформально организованных), а также число предметов, «привязанных» к этнокультурной специфике определенных регионов и этносов, их населяющих. Примером может служить Мордовия, где успешно реализуется проект освоения этнонациональной культурной компоненты в образовательном пространстве Саранского госуниверситета — одного из ведущих вузов России, недаром получившего статус «исследовательского университета».

С одной стороны, подобные тенденции не могут не радовать: знать и любить свою малую родину — значит, иметь фундамент знания и любви к Родине с большой буквы. Без любви к Отчеству, между прочим, не состоится и «глобальный» человек: если его «масштаб» — любовь к Земле в планетарном измерении, то и начинаться она может только с конкретной страны и того места в ней, которое человек считает «своим».

Границы, разделяющие государства, в данном контексте не следует игнорировать. Эти границы разделяют, но они же и соединяют людей в группы для осмысленного взаимодействия, учитывающего то, что люди — *разные*. И мыслят они по-разному в зависимости от — в том числе — национально-культурной и национально-государственной принадлежности. И эта разница — не только источник недоразумений и непонимания, но также источник большего «богатства возможных взаимодействий, некий «генофонд», разнообразящий отношения человека со смыслом и с другими людьми. Сокращение такого генофонда можно уподобить опасной тенденции, отмеченной в жизни растительного мира, когда стремительное сокращение числа дикорастущих видов культивируемых злаковых культур, например, сужает генетическую базу селекции в случае радикальных изменений климата. Сходный процесс в современном науковедении получил название «индоктринации знания». Речь идет о ситуации, когда стихийное развитие теоретического знания в сторону поиска одной, «глобальной» и при этом абсо-

лютно прозрачной для разума «истины», заключенной в «единственно верной теории», создает условия для «зачистки» всех альтернативных версий и тем самым обедняет фундамент развития научного знания (нарушение знаменитого «принципа фальсификации», требующего, с одной стороны, наличия принципиальной возможности опровержения любой научной теории, а с другой стороны, усматривающего в наличии разнообразных теоретических подходов источник не слабости науки, а необходимое условие ее дальнейшего развития).

* * *

Возвращаясь к теме этнонационального компонента в образовательном пространстве российских университетов, следует солидаризироваться с позицией, согласно которой изучение такого компонента — шаг к лучшему знанию своей страны и ее культурного богатства (равно как и проблем, связанных с особенностями межкультурного взаимодействия в поле единого, и вместе с тем поликультурного, политического пространства)⁶.

Учет этого многообразия — условие коммуникативной компетентности любого образованного россиянина, тем более — выпускника вуза с квалификацией международного специалиста⁷. Знание своей страны с точки зрения смысловых, ценностных и «обрядово»-поведенческих доминант, характеризующих специфику ее регионов, призвано помочь более системно и четко видеть перспективы возможного сотрудничества, а также пределы (тоже своего рода границы!) позитивных стратегий такого сотрудничества.

Так, на основании языковой и культурной близости сегодня имеет место более интенсивное взаимодействие регионов Российской Федерации, относящихся к ареалу расселения тюркских народов — с Турецкой Республикой, а народов, принадлежащих к финно-угорскому «поясу» — с Эстонией и Финляндией. Несомненно, подобное сотрудничество во многом опирается на желание лучше узнать родственные культуры, в силу чего можно говорить о бескорыстном желании взаимного узнавания и поддержки. Одновременно с этим, однако, аналитики отмечают нарастание политизированных версий подобного взаимодействия, ориентирующих незначительную (пока!) часть населения названных регионов на политический радикализм и сепаратизм. Если обратиться к географии, можно увидеть на карте «пояс» сравнительно компактного проживания тюркских этносов, как и этносов фин-

но-угорских. Интенсификация интереса учащейся молодежи к своим этническим корням в свете сказанного может, при определенных условиях, сработать как детонатор «самостийной» ориентации идентификационных механизмов, — как это сравнительно недавно случилось среди славян, входивших в единое политическое пространство СССР. Наилучший вариант — сделать невозможными те условия, которые способны запустить аналогичные деструктивные политические процессы «десуверенизации». Однако было бы очень наивно пустить на самотек те образовательные стратегии, которые развивают и углубляют данные идентификационные программы.

Соответственно, предлагая в рамках МГИМО создать расширенный курс по межкультурной коммуникации, включающий освоение бакалаврами, магистрами и аспирантами не только специфики межкультурного общения с зарубежными партнерами, но и свободное знание особенностей культуры собственной страны, стоит выделить в числе одного из приоритетов курс по этнокультурной специфике регионов России. При этом программа такого курса должна опираться на выверенную систему общегосударственных ценностей, «вписывающих» этнокультурное своеобразие регионов в единое политическое, экономическое, правовое и социальное пространство нашего государства.

С другой стороны, не следует игнорировать факт миграции — как со стороны въезжающих в Россию иммигрантов, так и со стороны «Русского мира», составляющего в различных зарубежных странах среду полиэтничную, и вместе с тем сравнительно «монолитно» ориентированную на русскую культуру. Отдельный курс освоения географии и аксиологии этих «седьмого» и «восьмого» континентов, не выделенных ни на одной карте мира, — условие комплексной квалификации современного российского специалиста-международника.

И, разумеется, нельзя упустить из виду такую сторону межкультурной коммуникации, которая всегда составляла специфику и силу нашего вуза, как свободное владение знаниями и навыками из области регионоведения в мировом масштабе. В настоящее время данный компонент присутствует практически во всех языковых занятиях, равно как и в освоении специальных предметов — экономики, политики, права и т.д. Однако в условиях современной динамизации и интенсификации значимости межкультурного взаимодействия во всем мире, думается, целесообразно выделить общий курс по теории и практике межкультурной коммуникации. Причем последний следует строить по

«модульному» принципу, усиливая необходимые для изучения данного региона доминанты и несколько ослабляя не связанные с ним прямо акценты, «достраивая» необходимые профильные знания применительно к специфике каждого факультета. Подобный подход позволит, с нашей точки зрения, усилить соответствие основных стратегий развития ведущих отечественных вузов мировым трендам университетского образования, — сохранив, вместе с тем, все ценное, что было наработано в национальной модели его развития⁸.

Также уместным в данной связи представляется смена парадигм⁹ в процессе подачи материала на уровне интерактивного — то есть соответствующего мировому уровню — университетского образования. «Культурные границы», разделяющие современное понимание «интерактивности» и допотопные представления о ней, проходят по контуру, с одной стороны, отличия «простой визуализации» («презентирующая» подача материала, например, на интерактивных досках) — от действительно активного вовлечения в процесс освоения этого материала реципиентов (то есть обучающихся). С другой стороны, естественно ставить вопрос об отличии информационных технологий и соответствующих образовательно-педагогических методик от классического «выслушивания» учащимися определенного объема информации, предлагаемой лектором или ведущим семинарское занятие преподавателем.

Ведущие «исследовательские университеты» и другие образовательные центры за рубежом (включая мировых лидеров производства — США, Германию; а также Великобританию и Францию) уже давно перешли от стратегии «подача материала — запоминание» к стратегии «совместное освоение при наличии предварительной самостоятельной подготовки»¹⁰. Это значит, что преподаватель, выступая экспертом по некоторой *проблеме*, не претендует на то, что является носителем истины в последней инстанции или эксклюзивным обладателем никому, кроме него, неведомой информации, готовым поделиться ею с теми, кому иначе она в принципе недоступна. Его задача — знать фундаментальные достижения в данной области и относительно свободно ориентироваться в новейших наработках по данной тематике. При этом учащиеся самостоятельно нарабатывают (начитывают) соответствующий материал, чтобы затем обсудить его с помощью такого помощника-эксперта¹¹.

Важно и то, что материал осваивается именно сквозь призму *проблематизации*, а не просто школярского освоения и запоминания не-

ких истин. Тривиальная подача материала, вероятно, все еще остается уделом начальных классов школы, где вряд ли стоит на первом уроке «проблематизировать» букварь, сравнивая букву русского алфавита с иероглифом. Хотя некоторые школы и идут по данному пути, сравнительно неплохой учебный и педагогический результат достигается здесь скорее посильным сопротивлением родителей, способных на уровне начальной подготовки удержать в сознании ребенка некоторые тривиальные истины, усвоенные ими самими вне всякого компаративного контекста. Однако вузовское обучение не может ограничиться «повторением задов», ведь его задача — развить мышление, научив работать с информацией на уровне, когда человек оказывается способным принимать ответственные решения¹².

Отсюда, между прочим, идет требование к педагогическому составу «продвинутых» вузов иметь научные публикации. Сегодня много говорится о различии педагога — и ученого-исследователя. При этом упор многие диспутанты делают на том, что хороший преподаватель, например, языка, не обязан быть также выдающимся ученым-лингвистом. С этой позицией нельзя не согласиться. Есть, правда, небольшое дополнение: роль, которую для преподавателей-предметников неязыковых дисциплин играют научные публикации, в случае прикладного освоения языка играет создание методических пособий. В МГИМО практика создания действительно выдающихся произведений учебной литературы этого жанра — явление, давно ставшее рядовым. А ведь именно здесь раскрывается творческий потенциал педагога — преподавателя языка¹³! Причем раскрывается на междисциплинарном стыке его собственного предмета с таким областями знания, как педагогика, языковедение, психология, науковедение, философия, теория и практика межкультурной коммуникации, культурология, наконец...

Таким образом, концепция «исследовательского университета» включает в себя требование постоянного обновления программ, возможное лишь при наличии не всегда подлежащих тотальной формализации стратегий, учитывающих достижения целого комплекса дисциплин. Это, в свою очередь, требует от педагогов не просто навыков обращения с информацией в процессе ее освоения и передачи возможных путей ее освоения учащимся. Преподаватель в данном случае выступает как лицо, способное «центрировать» поступающую информацию, показать ее практическую пригодность для решения определенных типов задач общественного и личного значения.

В «исследовательском университете», как известно, приветствуется и поиск новых, нестандартных подходов, не обязательно досконально знакомых участникам дискуссии, — облегчаемый возможностью выхода в Интернет непосредственно на занятия. По существу, различие между лекцией, скажем, в Оксфорде, и семинарским занятием, состоит в том, кто является *ведущим* такой дискуссии: в первом случае им выступает сам преподаватель; в случае же семинарского занятия ведет дискуссию один из обучаемых¹⁴. Приветствуется демонстрация аудио- и видеоматериалов, необходимых в процессе обсуждения.

Стоит отметить, что на площадке МГИМО (У) подобные стратегии отрабатываются также не первый год¹⁵. В частности, в формате спецсеминаров, проводимых кафедрой философии в рамках занятий по «Истории и методологии науки», методсеминаров для аспирантов; а также специальных курсов, организуемых по специальностям 24.00.01 — «Теория и история культуры» и 09.00.13 — «Философская антропология и философия культуры», проводимых на межкафедральной основе кафедрами философии; японского, индонезийского и других языков; кафедры педагогики и психологии. Время показало плодотворность данного подхода, позволяющего соединить действительную экспертную оценку со стороны ведущих специалистов тех работ, которые (не без их помощи и участия) делают в литературе и в полевых условиях аспиранты этих и других специальностей (например, в области истории и филологии). Здесь стоит выделить такие курсы, как «История и теория культуры», «Лингвокультурология», «Философия культуры», «История и культура Великобритании», «История и культура США», «История искусства», «История религий» и т.д. Вместе с тем, содержательное наполнение данными, почерпнутыми из модульного курса «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации», разработанного также на основе межкафедрального сотрудничества более пяти лет назад, позволяет делать ёмким и интересным довольно абстрактное и сухое изучение такого курса, как «Логика». Свою уместность «Межкультурная коммуникация» показала и при изучении бакалаврских курсов «Этики и психологии делового общения», «Риторики» и даже классической «Философии», когда в рамках деловой игры студенты перевоплощались в Сократа и его учеников с одной стороны, — и их оппонентов на суде над Сократом — с другой. Сходные приемы можно применять при изучении практически любой историко-философской темы — поскольку МГИМО не готовит историков филосо-

фии, грамотное чтение идей тех или иных авторов здесь необходимо дополнять актуализацией мыслей, почерпнутых из произведений Платона, Аристотеля, Гоббса или Гегеля. А в том, что среди этих мыслей есть более чем актуальные и оживленно дискутируемые в наше время, студенты могут убедиться, обратившись к самостоятельному изучению первоисточников и их комментированию под руководством опытного педагога.

Также плодотворной методикой освоения философских идей видится формат «конференции», где учащиеся представляют доклады с последующим обсуждением основных проблем, поставленных в них. При этом каждый участник конференции (включая преподавателя) имеет право на вопросы и краткий комментарий каждого выступления, что положительно отражается на способности студентов к самостоятельному осмыслению полученной информации и развитию аналитических навыков работы с ней¹⁶.

Информационные технологии в данном случае «не мешают» глубине и сосредоточенности освоения базовых знаний в той или иной области. Скорее, они создают условия для «наполнения» некоторых теоретических констант и переменных «свежим» прикладным содержанием.

Собственно, «культурные границы» в ходе применения подобных интерактивных методик не только выявляются и уточняются. Они определенным образом и *задаются*, — что, вопреки обывательскому представлению, вовсе не является чем-то неблагоприятным (в том числе, и для отношений между народами и культурами). *Граница — это не просто некая разделительная черта. Граница — это прежде всего собственная определенность, уточненная в процессе сравнения с чем-то «другим»*, данным в качестве платформы для сравнительного анализа. Такой анализ позволяет грамотно построить точки возможного взаимного признания и сотрудничества, определить «проблемные зоны», делая упор на уточнении сферы возможных компромиссов, а также потенциально конфликтных областей.

Все это — предмет изучения специалистов-международников разных профилей. Однако обращение к примеру изучения философии в нашем вузе в данном контексте отнюдь не случайно. Именно философия издавна «центрирует» сознание, не только задавая очевидные аксиологические цели и выработывая навыки критического мышления, столь необходимые при анализе международных отношений¹⁷, но

и «ставит руку» и «глаз» в отношении способности подмечать различия и создавать различные комбинаторные модели поведения, учитывающие эти различия, — с максимальной пользой для агентов межкультурного взаимодействия и при наличии главенства интересов своей страны (последнее — один из факторов, характеризующий специфику нашего вуза, сделавший его притягательным для тех, кому слово «патриотизм» не режет слух и при этом не является некоей мантрой, оправдывающей любое нерациональное действие)¹⁸.

* * *

Философия может помочь различению, и в этом смысле она — установление и уточнение границ, специфический компаративизм. Может она помочь и осмыслению происходящего — не только с точки зрения его соответствия некоторым «ценностным лекалам», но, прежде всего, с точки зрения целостного видения процессов, имеющих значение в области развития социума в конкретных исторических условиях.

В данном ключе можно обратиться не только к проработанным современным подходам к теме «философия границы», представленным именами философов XIX, XX и начала XXI вв., от Ф. Ницше до М. Фуко и М. Бланшо, от С. Л. Франка и А. Ф. Лосева до П. П. Гайденко, М. К. Мамардашвили и В. В. Бибихина¹⁹. Стоит уделить серьезное внимание самому процессу формирования концепта «границы», нашедшему свое воплощение в древнегреческой культуре и философии, — что, в свою очередь, нашло отражение в новоевропейском философском дискурсе, составляя теоретическую основу для современных поисков в данном направлении.

Итак, культурные границы в современном мире — тема достаточно широкая. Вместе с тем, она «вписана» в еще более широкую философскую тему «границы», не один десяток лет занимающую умы выдающихся мыслителей современности.

Начнем с того, что именно граница — один из факторов, определяющих, с одной стороны, зону обитания живого, вообще — «зону интересов»; с другой — именно способность выделять (или устанавливать?) границы лежит в основе не только поведенческой ориентационной деятельности, но и смысловой дифференциации, «разграничивающей» универсум на условные (?) единицы-гештальты. Эта проблема, сегодня более известная педагогам и психологам, в современной постановке берет свое начало от трансцендентализма И. Канта (утверждавшего, как

известно, «непознаваемость» того, что находится вне границ сознания *иначе*, как феноменов, то есть: познавая, сознание «укладывает» «запредельное» себе существование лишь имеющимися у него, сознания, способами, — и никак не иначе). Строго говоря, именно Кант обратил внимание на то, что утверждать множественность или единство «существующего вне нас» — это уже первичная познавательная «обработка», которой наше сознание подвергает «входящие данные». С этой точки зрения, правда, едва ли более корректно настаивать на «недифференцированном единстве» кантовского трансцендентного («*вещь* сама по себе», одна-единая), чем утверждать множественность *вещей*, существующих (безусловно существующих!) вне индивидуального сознания. Впрочем, кантовская «нерасчлененность» запредельного сознанию существования имеет в виду не столько актуальное единство, сколько онтологическую невозможность описать это существование *само по себе* в терминах «единства — множества», что *грамматически* выражается в «неопределенной», «начальной» форме слова «вещь» (где принято указывать, как известно, единственное — а не множественное — число).

Экскурс в кантовский трансцендентализм проясняет многие тенденции современной методологии науки, поскольку задает вектор философских поисков, ориентированный на работу с «феноменами сознания» как *самостоятельной* проблемой теории познания²⁰. Коль скоро наука не может однозначно претендовать на познание «вещи самой по себе», ее подлинная задача — познать методы «укладки» материала опыта в «научное ложе» с точки зрения логики и/или психологии. Собственно, логику и методологию научного познания, начиная с Гегеля и заканчивая Расселом и Поппером, в этой связи можно рассматривать в качестве поисков таких «методов укладки».

С другой стороны, если мы обратимся к современной эпистемологии, выяснится еще одна интересная зависимость, на которую впервые обратил внимание в аспекте проблемы научности знания, пожалуй, Э. Гуссерль в «поздний» период своего творчества. Речь идет об «историческом горизонте», учет которого сегодня предполагает синхронный («горизонтальный» — по странам и континентам) и диахронный (собственно исторический) компаративный анализ едва ли не любых значимых сведений из области уже не только социогуманитарного, но и естественнонаучного знания. Всплеск интереса и историко-культурному контексту и его роли для последнего пришелся, как известно, на «бум» антикумулятивистских теорий развития научного знания

в XX веке. В наши дни от этих ристалищ осталась «лишь» современная эпистемология, под вывеской «история и философия науки» уверенно вытесняющая в программах прикладного высшего профессионального образования свой «смысловой источник» — философию как таковую.

Впрочем, еще в античности вопрос о путях дифференциации философия ставила. И предлагала весьма оригинальный ответ. Речь идет о знаменитом фрагменте Анаксимандра, посвященном апейрону («безграничное» или «беспредельное») и тому, как из него «рождаются» и в него же «гибнут» «вещи»: «Из чего происходит рождение всего сущего, в то же самое всё исчезает по необходимости. Всё получает возмездие (друг от друга) за несправедливость и согласно порядку времен».

Приведенный фрагмент Анаксимандра наглядно показывает «таинственный» характер «рождения» вещей через выделение их границы. Если с «гибелью» все понятно — апейрон как безграничное в конечном итоге как бы размывает любые условные границы, каково бы ни было их происхождение, — то само установление границы остается под вопросом. Является ли граница плодом деятельности некоего «умного центра», выделяющего из бесконечности отдельные существования, «целности», — или же апейрон так и остается бесконечностью, а вещам «лишь кажется», что они существуют отдельно друг от друга? Помимо прочего, данный вопрос затрагивает еще одну немаловажную тему — проблему *взаимодействия* вещей, связанных друг с другом плотной цепью взаимозависимостей настолько, что порой и современному физику бывает не просто отделить процесс от явления....

В истории философии в последнее время принято обращать внимание на неоднозначность трактовок самого понятия апейрон. Его «бесконечность» в определенном смысле может интерпретироваться как направленность движения к определенной точке, не достижимой и вместе с тем определяющей характер движения, по аналогии с «точкой схода» прямой перспективы²¹.

В этом смысле апейрон такое безграничное, которое само как бы соприкасается с горизонтом; граница самой границы таким образом тоже оказывается включена в бесконечное-беспредельное.

Пожалуй, именно такое понимание пространства — как безгранично широкого, «уходящего за горизонт», и вместе с тем онтологически гомогенного (такого, которое при всем своем географико-климатическом разнообразии нуждается в «окультуривающем варваров цивилизаторе»), — характерно для новоевропейской культуры.

И если Кант говорит о некотором «положительном содержании» понятия «граница», позволяющем утверждать существование «чего-то, извне заданного»²², то понятие предела как внутренней определенности — квинтэссенция концепта «культура», оформившегося в сочинениях Катона, призывавшего при покупке земли почувствовать в нее всем своим существом, ощутить ее границы не только внешние, но и внутренние. Проще говоря — обойти поле, которые ты покупаешь, чтобы почувствовать его возможности и оценить свое посильное участие в их раскрытии...

Когда Цицерон воспользовался понятием «культура» в переносном смысле, отнеся его не просто к символическому душевному проникновению в онтологические глубины «земли», но и к процессу душевного совершенствования человека, состоялось рождение рефлексивного отношения к культуре. В этом смысле культура навсегда связана с понятием границы, причем границы не только межевого типа, но такой, которая задает различие онтологических уровней существования. Именно поэтому современный философский постмодернизм, отказываясь на определенном этапе своего развития от понятия «иерархия» (переход от «корневой» модели мироустройства к «ризомной» его модели), настойчиво говорит о «кризисе культуры» и конечном преодолении этого способа существования человека в пространстве смысла-Логоса (который, «как известно, умер»).

Правда, в концепциях «воскрешения Логоса» намечено частичное возвращение к классическим моделям философствования. Однако здесь уместно вспомнить, что автор утверждения «Бог (то есть Логос, — М.С., А.Ш.) умер», — Ф. Ницше, — полагал также, что для самого понятия «кризис» чрезвычайно важен его исходный смысл, который означает ни что иное, как «переход». С этой точки зрения культура — это не только «всегда граница», но и граница, понимаемая как *переход* в иное по отношению к повседневности измерение — измерение смысла. Именно с такой интерпретацией культуры связаны ее трактовки, требующие учитывать религиозные «ключи» при определении культуры как таковой. Если культура — это такой способ жизни, который настаивает на необходимости «видеть небо» (а именно таким образом понимает религия саму себя и в архаичных, и в сравнительно «развитых» формах), — то «способ организации смыслов» в таком случае будет ориентирован на связь человека с чем-то, что бесконечно превосходит его эмпирическую данность, способность и умение организовывать эти самые смыслы по азимуту такого «сверхъестественного» существования.

Культура и есть граница, которая ориентирует человека на самопревосхождение, готовность быть «больше», чем просто биологический, психологический или социальный «объект». При этом религиозное содержание культуры призвано не сколько отделить одной религиозное сообщество от другого, взывая к их разнице и в перспективе — розни, сколько ориентирует на поиск оптимального упорядочивания ценностных приоритетов, позволяющего упорядоченно выстроить любые горизонтальные связи в обществе с учетом того, что они *имеют смысл, а не только значение*.

Университет как своего рода средневековый «цех», объединяющий преподавателей и студентов в единую систему получения, осмысления и трансляции знаний, изначально ориентирован именно на такое — осмысленное — отношение к знанию-информации. Строго говоря, радикальное отличие его от функциональных прикладных знаний состоит в *понимании целей*, свойственном человеку разумному в отличие от существа, чье поведение основано исключительно на инстинктах. Идеальная (или почти идеальная) природная адаптивность, характерная для животных, в человеческом сообществе претерпевает весьма заметные деформации. Однако различие культурных локусов, собирающее в пространстве современного университета носителей разных ценностных установок и идентификационных программ, создает условия для раскрытия адаптивного потенциала нового качества, основанного на иерархии разума и чувств, социального и личного, общего, особенного и единичного.

¹ Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. — М: Аспект Пресс, 2010. — 476 с.

² Межкультурная коммуникация в условиях глобализации / В. С. Глаголев, Н. И. Бирюков, Н. Н. Зарубина, Т. В. Зонова, А. Н. Самарин, М. В. Силантьева. — М.: МГИМО, 2010. — 214 с.

³ Глаголев В. С. Высшее образование мирового сообщества перед вызовами XX столетия / Национальное и транснациональное в развитии высшей школы. Материалы всероссийской научно-методической конференции, посвященной 80-летию НИВИТа — НИИЖТа — СГУПСа. — Новосибирск: СГУПС, 2012. — С. 8–12.

⁴ Путин В. В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 11.

⁵ Лавров С. В. Русский язык — инструмент нашего влияния. Ответы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудниче-

ства К. И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России» // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). — С. 11; Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал: В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2012

⁶ Лавров С. В. Русский язык — инструмент нашего влияния. Ответы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудничества К. И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России» // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). — С. 11.

⁷ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. — Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения 15.12.2013).

⁸ Шестопал А. В., Силантьева М. В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 6. — С. 168–171.

⁹ Воевода Е. В. Еще раз о роли английского языка как глобального в развитии европейского образования // НИР: Современная коммуникативистика. — 2013. — № 5. — С. 34–43.

¹⁰ Глаголев В. С. Высшее образование мирового сообщества перед вызовами XX столетия / Национальное и транснациональное в развитии высшей школы. Материалы всероссийской научно-методической конференции, посвященной 80-летию НИВИТа — НИИЖТа — СГУПСа. — Новосибирск: СГУПС, 2012. — С. 8–12.

¹¹ Глаголев В. С. Обучение в высшей школе США: опыт университета штата Техас города Остин // Право и управление. XXI век. — 2009. — № 2 (11). — С. 30–37.

¹² Глаголев В. С. Высшее образование мирового сообщества перед вызовами XX столетия / Национальное и транснациональное в развитии высшей школы. Материалы всероссийской научно-методической конференции, посвященной 80-летию НИВИТа — НИИЖТа — СГУПСа. — Новосибирск: СГУПС, 2012. — С. 8–12.

¹³ Лавров С. В. Русский язык — инструмент нашего влияния. Ответы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудничества К. И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России» // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). — С. 11.

¹⁴ Глаголев В. С. Обучение в высшей школе США: опыт университета штата Техас города Остин // Право и управление. XXI век. — 2009. — № 2 (11). — С. 30–37.

¹⁵ Шестопал А. В., Силантьева М. В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 6. — С. 168–171.

- ¹⁶ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4 (25). С.85–92.
- ¹⁷ Мунтян М. А. Национальный человеческий капитал и будущее России // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 3. — С. 147–149.
- ¹⁸ Торкунов А. В. Образование... Там же.
- ¹⁹ Куликова Т. В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы. Дисс. на соискание уч. ст. Доктора философских наук (специальность 09.00.01 — онтология и теория познания). Нижний Новгород, 2011. Электронный ресурс: <http://www.dissercat.com/content/filosofiya-granitsy> (дата обращения 25.05.2014). С.5–16.
- ²⁰ Ср.: Боровкова О. В. “Граница” и “предел” как два способа ограничения / Вестник Томского государственного университета. — №299 (I), июнь 2007. — С.38–41
- ²¹ «То апейрон» Анаксимандра (AppendixII). Пер. М. Н. Вольф. Из книги: Charles H. Kahn. Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. Columbia University Press, New York, 1960. — Электронный ресурс: <http://www.nsu.ru/classics/Wolf/Kahn.htm> (дата обращения 12.05.2014)
- ²² Боровкова О. В. “Граница” и “предел” как два способа ограничения / Вестник Томского государственного университета. — №299 (I), июнь 2007. — С.38–41.

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна — д.ф.н., профессор, заведующая Кафедрой политической теории МГИМО МИД России

Воскресенский Алексей Дмитриевич — д.полит.н., профессор, декан Факультета политологии МГИМО МИД России

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки

Глинкина Светлана Павловна — д.э.н., профессор, заместитель директора ИЭ РАН, заведующая кафедрой МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова

Кокошин Андрей Афанасьевич — академик РАН, декан Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Лебедева Марина Михайловна — д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России

Панова Виктория Владимировна — к.и.н., доцент кафедры МО и ВП России МГИМО МИД России

Силантьева Маргарита Вениаминовна — д.филос.н., профессор Кафедры философии МГИМО МИД России

Симония Нодари Александрович — академик РАН, профессор Кафедры международных проблем ТЭК МГИМО МИД России

Шестопал Алексей Викторович — д.филос.н., профессор, заведующий Кафедрой философии МГИМО МИД России

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ
**МЕТАМОРФОЗЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА:
НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И СЦЕНАРИИ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**
25–26 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 21.10.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 8,3. Уч.-изд. л. 7,3
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головнин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская
Анджей Артурович Габарта
Нина Сергеевна Дымшиц